

СЕЛЬСО АЛ КАРУНУНГАН

КАК НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Цена 56 коп.

СЕЛЪСО АЛ·КАРУНУНГАН

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1976

КАК НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА

РОМАН

ПЕРЕВОД
С АНГЛИЙСКОГО

И (Фил)
К27

Selso Al. Carunungan .
LIKE A BIG BRAVE MAN
Manila, 1963

**Сокращенный перевод
Ю. Рушанцева**

■

**Предисловие и примечания
И. Подберезного**

■

**Художник
Е. Савин**

К $\frac{70803-592}{M101(03)76}$ 64Р—76

© Перевод на русский язык. Предисловие. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1976 г.

Филиппины и филиппинцы

«Земля любви и ласкового солнца,
Как радостно в твоих объятиях жить,
Но повелишь — и за твою свободу
Мы все готовы голову сложить».

Так поется в филиппинском национальном гимне, строфа которого приводится на последней странице романа «Как настоящий мужчина». Что же за страна Филиппины и кто такие филиппинцы, «коричневые люди», как они сами себя называют?

Филиппинский архипелаг — «Жемчужина Южных морей», «Страна семи тысяч островов» — расположен у самого края Юго-Восточной Азии, недалеко от экватора. У филиппинцев есть легенда, объясняющая происхождение их островов.

Когда-то, давным-давно, в незапамятные времена, были только небо и море. И вот однажды над морем пролетала птица. Она очень устала и хотела отдохнуть, но сесть было не на что — ведь земли еще не было. Тогда птица решила поссорить небо и море. Это ей удалось: море начало волноваться, стараясь достать до неба, а небо нахмурилось и потемнело. Волны вздымались всё круче, всё выше и уже почти доставали до неба. Тогда небо испугалось и швырнуло в море камни, которые и стали Филиппинскими островами. Волны, разбиваясь о берега островов, уже не достигали прежней высоты. Небо победило, а догадливая птица уселась отдохнуть.

Такова легенда. Но интересно отметить, что когда европейцы в 1521 году открыли для себя Филиппины, они обнаружили, что многие племена поклонялись птице. Первым европейцем, ступившим на землю архипелага, был Фердинанд Магеллэн. Он и погиб здесь, на островке Мактан, ввязавшись в междоусобицы местных вождей. Убил его мактанский вождь Лапу-Лапу, и сейчас на Мактане сооружены два памятника: Лапу-Лапу — первому борцу против колонизаторов, и Магеллану — первому европейцу, принесшему на архипелаг христианство. В камне увековечены победитель и побежденный, два непримиримых врага, и это говорит о том, что в отношении филиппинцев к своей истории не все просто.

Только через 44 года после гибели Магеллана, в 1565 году, испанцы окончательно покорили острова. «Сделать это было тем легче, что на

Филиппинах не было крупных государств — филиппинцы жили небольшими общинами, которые лишь изредка объединялись в недолговечные племенные союзы. Они осознавали себя не филиппинцами, а членами этих общин, внутри которых все были тесно связаны родственными узами. Поэтому испанцы могли захватывать такие общины одну за другой, не встречая организованного отпора. Но это не значит, что филиппинцы безропотно подчинялись пришельцам. На протяжении всего испанского господства, продолжавшегося 333 года, филиппинцы вели неравную борьбу с поработителями. Но восстания (их было свыше 100) были, как правило, разрозненными, и испанцы относительно легко их подавляли, натравливая одно племя на другое. Им была выгодна разобщенность филиппинцев, и они всячески поддерживали ее. Они препятствовали даже изучению испанского языка, который мог бы стать объединяющим фактором (на Филиппинах и сейчас говорят на 135 языках и диалектах). И все же вопреки воле колонизаторов в ходе борьбы с ними филиппинцы, страдавшие от общего гнета, постепенно начали осознавать свою принадлежность не только к маленькой общине, но и к более высокому единству, к филиппинской нации. Борьба нарастала, и в 1896 году вспыхнула антииспанская национально-освободительная революция. К 1898 году повстанцы изгнали испанцев почти со всего архипелага, в руках колонизаторов оставалась только Манила, осажденная революционной армией. 12 июня 1898 года была провозглашена независимая Республика Филиппины.

Но не филиппинцам достались плоды победы. На мировой арене появился молодой империалистический хищник — США. Капитализм вступал в свою последнюю стадию — империализм, один из характерных признаков которого — война между империалистическими державами за передел мира. В 1898 году началась испано-американская война, по определению В. И. Ленина, первая империалистическая война за передел мира. Она шла и на Тихом океане, в филиппинских водах. Американская эскадра потопила испанский флот в Манильской бухте. Прикинувшись на первых порах «освободителями» филиппинцев от испанского гнета, американцы, дождавшись подхода своих сухопутных сил, начали военные действия против филиппинских революционеров.

Борьба была неравной: случалось, филиппинцы сражались луками и копьями против карабинов и пушек. И все же они героически боролись несколько лет. В конце концов предательство местных помещиков и буржуазии, испугавшихся активности широких народных масс, и военное превосходство американцев привели к поражению национально-освободительных сил.

Но идея борьбы за независимость не угасла в сознании филиппинского народа, борьба эта вступила в новую фазу.

Новые колонизаторы, в отличие от старых, старались выдать себя за «бескорыстных друзей и партнеров». Если испанцы не разрешили филиппинцам учить испанский язык, то американцы, наоборот, заставляли их учить английский язык, старались посеять в сознании филиппинцев мысль о том, что Америка — настоящий «старший брат», который якобы бескорыстно помогает «младшему брату», филиппинцам, и готовит их к независимости. На самом же деле только упорная борьба филиппинского народа за независимость вынудила американцев в 1946 году предоставить филиппинцам независимость, правда ограниченную, поскольку они связали страну неравноправными экономическими, политическими и военными соглашениями.

Борьба за освобождение страны от американского диктата еще не завершена, но уже достигнуты немалые успехи. Филиппинцы не считают, что они получили независимость из рук американцев, они отлично помнят, что фактически завоевали свободу в конце прошлого века. Поэтому теперь они празднуют День Независимости не 4 июля, как это описано в романе (американцы не случайно провели церемонию предоставления независимости 4 июля, в день американской Независимости, — они хотели подчеркнуть, что филиппинцы получили свободу из рук американцев), а 12 июня, в память о первой Филиппинской республике, задушенной американским империализмом.

Такова нелегкая история Филиппин на протяжении последних 400 лет. Естественно, она наложила отпечаток на филиппинцев, и это нетрудно проследить на страницах романа «Как настоящий мужчина». Это же, впрочем, можно увидеть и в любом другом произведении филиппинской литературы. Потому что подлинная литература никогда не остается равнодушной к историческим судьбам своего народа; она не всегда описывает исторические события, но всегда показывает, как эти события повлияли на духовный склад народа.

В характере современных филиппинцев сохранилось немало от доиспанских времен. По-прежнему младшие безоговорочно подчиняются старшим, по-прежнему все готовы прийти на помощь попавшему — и даже не попавшему — в беду родичу. Эта древняя привязанность сохранилась почти неприкосновенной. И не мудрено: ведь на протяжении всей филиппинской истории всякая власть выступала как чужая, насильственно навязанная колонизаторами — сначала испанскими, а потом американскими. Колониальное общество не гарантировало филиппинцам простого физического выживания, а потому они еще крепче держались испытанных временем обычаев, держались «своих». Семья была — да и осталась — не ячейкой общества, а скорлупой, защитой от него. И сейчас филиппинцы готовы приютить самого отдаленного родственника. Вот почему в романе, когда Криспин едет в Америку, ему

готовы оказать гостеприимство троюродные и четвероюродные дядя и тетки. Главное для Филиппинца — сохранить доброе расположение родичей, которое не покупается ни за какие деньги. Не случайно мать напутствует Криспина словами: «Помни, сынок: каждый день, каждый час мы думаем о тебе. Не забывай и ты о нас и, главное, знай: ты всегда можешь рассчитывать на нашу привязанность и любовь».

На Филиппинах прекрасно знают, что Америка — это страна, где для многих достоинство человека определяется деньгами, где стремятся к наживе и в погоне за долларами забывают обо всем. Характерно, что бедная филиппинка, отправляя сына в богатую Америку, не желает ему богатства — она хочет только, чтобы он не забывал о семье, о своей стране. А «если вдруг ты усомнишься в чем-то, помни, что мы здесь ждем твоих писем, ждем твоих вопросов». И читатель уверен: простые и не очень образованные филиппинцы могут дать правильный ответ на самый сложный вопрос: как человеку жить. Не в богатстве счастье — это они хорошо знают. Мудро сказал дядя Криспина: «...богатые люди — все очень некрасивые», нет у них главной, внутренней красоты.

Филиппинцы отличаются гордым характером, но при всем том они не подвержены национальному высокомерию и готовы поучиться у других, если наука не во вред человеку и его стране. «Очень важно знать побольше о жизни другого народа, можно сравнить, что хорошо у нас, что у них», — пишет Криспину дядя, добрый весельчак Сиано. Но как не любят они тех, кто забывает о своей родине! «Вот несколько недель назад вернулся Кулас (это филиппинское уменьшительное имя от Николай — Николай, что-то вроде нашего Коли. — *И. П.*) со своими американскими друзьями... он... разговаривает, как американец, даже сорит деньгами по-американски. Он раздражает всех нас бесконечными разглагольствованиями, будто в Америке нет бедняков, нет голодных, у всех есть работа, все раскатывают на автомобилях.

Я как-то подошел к нему и сказал прямо в глаза, что ты, мол, больше не филиппинец, ты перестал принадлежать нашему баррио...» Отметим, что эти суровые слова произносит все тот же добродушный дядюшка Сиано, который всем (и себе тоже) готов простить все, что угодно. Но есть вещи, которые не продаются и не покупаются: честь и гордость родины, значит, честь и гордость человека. Эта любовь к своей родной земле была у филиппинцев и до прихода американцев и до прихода испанцев, они сохранили ее до наших дней и никогда не утратят.

Пребывание испанцев тоже не прошло бесследно для филиппинцев. Даже имя героя романа типично испанское: Криспин де ла Крус; испанские имена носят все его родственники. Католическая религия — тоже испанское наследие на Филиппинах. Сам Криспин верит в бога, но как-то уже не очень, он не против подшутить над патером Себастья-

ном, который «после длинной проповеди о падших ангелах грохнулся возле алтаря». Во всем этом мало почтения к религии.

Как и испанцы, филиппинцы придают большое значение вежливости и учтивости, не лишенной даже церемонности («Мама не раз напоминала, чтобы я был вежлив с незнакомыми людьми»). Но филиппинцы не забывают и о тех жестокостях, которые творили на их земле испанские колонизаторы.

Национальный герой Филиппин — великий писатель и поэт, ученый и гуманист Хосé Рисáль был расстрелян испанцами 30 декабря 1896 года. Его «преступление» состояло в том, что он любил свою родину и страстно желал ей свободы. Это его стихи вынесены в эпиграф первой части романа:

«В родном краю векам равны мгновенья...»

Не просто относятся филиппинцы к американскому колониальному периоду своей истории. Они всегда боролись — и продолжают бороться — против американского засилья. Однако правящая верхушка охотно сотрудничала с новыми хозяевами, поскольку те делились с нею властью и позволяли ей участвовать в эксплуатации простого филиппинского труженика. Как уже говорилось, американцы во многом отличались от испанцев. Испанцы для облегчения колониального грабежа хотели видеть страну отсталой и разобщенной. Американцы для той же цели нуждались в определенном уровне ее развития — иначе эксплуатация архипелага была бы невыгодна для этой развитой капиталистической страны, — нуждались в единстве страны. При содействии местных правящих классов им удалось в какой-то степени достигнуть этих целей. Получили развитие некоторые отрасли промышленности (прежде всего горнодобывающая), нужные новым хозяевам. Филиппинский рынок наводнили американские товары, на всем архипелаге зазвучал американский вариант английского языка, которым сейчас владеет около 40 процентов населения. На умы филиппинцев начал воздействовать мощный наркотик — голливудские фильмы...

Для незначительной части филиппинцев — как для Куласа в этом романе — Америка стала представляться сказочным раем. Некоторые уезжали туда и из Ресгитутó Фруто (довольно распространенные филиппинские имя и фамилия) превращались в Тútти-Фру́тти (что по-итальянски означает «все фрукты» — так в Америке называют фруктовый салат, и применительно к человеку это звучит издевательски). Филиппинцы работали официантами в ресторанах, подсобными рабочими — выше подняться было невозможно. На большинство филиппинцев американские приманки не подействовали, хотя они были не прочь поучиться кое-чему у американцев, у тех честных американцев, которые тоже

приезжали на Филиппины. Правда, не эти честные американцы определяли политику США на Филиппинах, а колониальные чиновники и наезжие бизнесмены, которые были заинтересованы только в выкачивании богатств островов.

Настал 1941 год. Уже через несколько часов после нападения японцев на Пирл Харбор, где был уничтожен американский флот (тот самый флот, который, по планам американского военного командования, должен был помочь филиппинским и американским войскам на архипелаге в случае нападения Японии), японские бомбардировщики бомбили Манилу. Спустя некоторое время страна была оккупирована японскими солдатами.

Милитаристская Япония была в то время главным врагом свободлюбивых народов Азии, и филиппинцы начали героическую партизанскую войну против захватчиков, продолжавшуюся без малого три года. Не время было вспоминать старые обиды: Филиппины рассматривали США как союзника, а американских солдат — как товарищей по оружию. Вот почему родственники Криспина, рискуя жизнью, помогают Ричарду Куперу, сбитому американскому летчику.

Вообще Сельсо Каруңган (кстати, его имя на исконном языке Филиппин, тагальском, означает «знающий») с большой симпатией описывает простых людей Америки. Но он не упускает из виду и другое — не все американцы похожи на Ричарда Купера. В Америке есть честные труженики, которые относятся к филиппинцам как к равным, но есть и такие, как миссис Кэртер, которая кричит на Криспина «прочь с дороги, филиппинская собака!». Это тоже Америка, без изображения которой картина была бы неполной и неверной. К этой Америке принадлежит и грубый чиновник иммиграционной службы, готовый подозревать всех «цветных» во всех мыслимых преступлениях.

Впрочем, автор не скрывает, что есть и разные филиппинцы. Господин и госпожа Лобесы — оба филиппинцы — считают, что Криспин не должен встречаться с их дочерью, он ей «не пара». Так Криспин начинает понимать, что люди делятся не только на американцев, филиппинцев, пуэрториканцев и людей других национальностей, — есть еще деление на бедных и богатых, на тех, кто живет своим трудом, и тех, кто живет чужим. И это деление — главное.

Криспину везет — ему попадают по большей части хорошие люди. Ему вообще везет — он увидел снег, эту великую загадку для всех филиппинских детей. Они видят его только в кино, читают о нем в книгах, да еще на Новый год родители украшают искусственную елку ватой, которая должна изображать снег.

В Америке есть снег, в Америке есть хорошие люди, в Америке много машин. Но в Америке нет самого дорогого для любого филиппинца —

нет его родных и близких. Нью-Йорк больше, чем Сан-Пабло, родной городок Криспина, но в нем нет кокосовых пальм, и матери там не рассказывают своим детям легенд о голубых озерах. Нью-Йорк — не родина. И хотя побывать там, безусловно, интересно, человек не должен забывать о стране, где он родился и вырос, тем более что это бедная страна, которой нужны все ее сыновья. И все филиппинцы платят родине беззаветной любовью. «Как странно,— писал Хосе Рисаль,— чем беднее и несчастнее наша родина, тем больше мы любим ее и готовы ради нее на любые муки. Да, есть подлинная радость в страдании за родину!» Сам Рисаль, крупнейший ученый, которого хорошо знали и высоко ценили в Европе, мог бы вести спокойную жизнь в Испании или Германии, занимаясь любимыми науками; но он предпочел вернуться на Филиппины, хотя знал, что возвращение грозит ему неминуемой смертью, которую он и принял от палачей-колонизаторов.

Конечно, Криспину смерть не грозит. Он возвращается к своим близким, к своему народу, потому что знает: его место там, а не в Нью-Йорке.

Автор книги, Сельсо Карунунган, хорошо известен как у себя на родине, так и за ее пределами. Долгое время он был редактором прогрессивного журнала «Грэфик», опубликовал много рассказов и два романа. Роман «Как настоящий мужчина» переведен на многие языки мира. По словам Карунунгана, он хотел показать в нем, что «дома или за границей, в городе или в деревне филиппинцы всегда в своем сердце остаются филиппинцами». Это ему удалось, и именно этим объясняется популярность романа во многих странах мира.

И. Подберезский

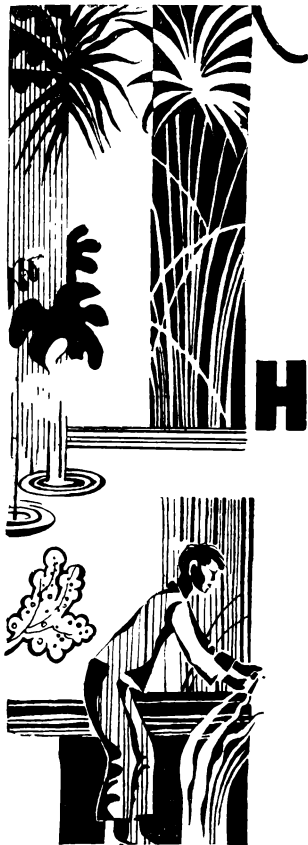
ЧАСТЬ I

В РОДНОМ КРАЮ...

**В родном краю векам равны мгновенья,
Здесь дружба с солнцем и водой светла,
И жизнь — весенних ветров дуновенья,
Любовь стократ нежна и смерть мила.**

Хосе Рисаль

ГЛАВА 1

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Н

епостижимо, но первая любовь в нашей семье всегда начиналась с того, что кто-то из нас падал или на него что-то падало. Мысль эта поразила меня, когда первая любовь пришла и ко мне. Всю ночь не смыкал я глаз. Уже петухи прокричали, мама встала готовить отцу завтрак, а я все думал и думал.

В те дни, когда еще был жив дедушка, он любил между приступами кашля рассказывать о приключении, которое пережил в свои пятнадцать лет. Искупавшись, он крепко заснул на берегу реки.

Внезапно налетел ветер. Сильный порыв сорвал с пальмы кокосовый орех, и он, как ядро, ударил его в левое плечо. Дедушка вскрикнул от резкой боли. Неожиданный крик привлек внимание девушек, купавшихся за поворотом реки, и, накинув саронги¹, они помчались на помощь. Среди прибежавших оказалась девушка, которая, к своему ужасу, обнаружила, что все еще держит платье в руках. Дедушка увидел ее и мгновенно забыл о боли.

Через год она стала нашей бабушкой.

Когда моему отцу исполнилось шестнадцать лет, он упал в стремительные воды порожистой речки Маламиг. Спас его местный рыбак. Отец очнулся от нежного и теплого прикосновения: дочка рыбака перевязывала его раненую голову. Девушка была само очарование.

Открыв глаза, отец решил, что он уже в раю и над ним склонился ангел.

За долгие годы отец понял, что живет отнюдь не в раю, но продолжает верить, что девушка была ангелом. То была моя мать.

Теперь о дяде Сиано. Как только тетя Клара уходит на базар, он любит повторять, что в семнадцать лет так обезумел от любви, что упал тетушке прямо в руки.

— Не знаю, что меня толкнуло, — признавался он, — но до сих пор я не могу вырваться из этих рук.

Отец начинал давиться от смеха, а мать сердилась и бросала грозные взгляды то на отца, то на дядюшку. Тетя Клара была ее единственной сестрой.

И вот пришел мой черед.

Был воскресный день. Я заработал несколько песо², продав скорлупу кокосовых орехов. У нас на Филиппинах ее

■
¹ Саронг (тагальск.) — здесь: женская одежда, представляющая собой кусок материи, оборачиваемой вокруг бедер.

² Песо — денежная единица Республики Филиппины; во времена, описываемые в романе, два песо равнялись одному доллару.

покупают для натирки полов. До праздника святого покровителя нашего города оставалась всего неделя, и скорлупа шла нарасхват: все жители чистили и приводили в порядок дома.

Наконец-то я решил осуществить план, задуманный несколько недель назад. Сбежав с уроков в приходской воскресной школе, я в душе посмеивался над беднягами, которые вынуждены сейчас сидеть в школе и слушать рассказы отца Себастьяна о бушующем море и Иисусе Христе, шагающем по волнам, о дожде из хлебов и рыб или о небесных ангелах, что будут встречать нас после смерти у врат рая, если мы, конечно, этого заслужим.

Был чудесный январский день. На небе ни облачка. Само счастье позвякивало монетами у меня в кармане, и я забыл про свои короткие штанишки, которые ненавидел всей душой,— мне уже было тринадцать лет. Я направлялся в город, представляя, будто я настоящий храбрый мужчина— как Дельфино. У дядюшки Дельфино было двенадцать детей и четыре ружья. Это он хохотал громче всех, когда наш старый толстый отец Себастьян после длинной проповеди о падших ангелах грохнулся возле алтаря. Даже грозный взгляд жены не мог остановить дядюшку Дельфино.

Там, где тропинка сворачивала на главную дорогу провинции, стоял небольшой кабачок. У дверей его всегда спала белая, тощая, облезлая собака. Я решил заглянуть в кабачок, съесть рисового кекса и выпить салабата¹. Кабачок был полон. На меня пахло крепким табаком и запахом бойцовых петухов. Только что кончились петушинные бои. Счастливчики с петухами в руках радостно смеялись, громко распевали песни и время от времени пускали густые струи табачного дыма в своих петухов.

Проигравшие, их нетрудно было отличить по убитым

■

¹ С а л а б а т (тагальск.) — тонизирующий напиток из имбиря с горячей водой.

петухам, валявшимся рядом, угрюмо сидели по углам, нервно кривя губы при каждом взрыве смеха или громком пении. С их уст порой срывались злобные ругательства.

Среди них я заметил нашего соседа Пédро. Обрадовавшись, что в незнакомой толпе есть хоть один друг, я направился к его столику. В тот миг, когда я садился на плетеный стул, кто-то выдернул его из-под меня, и я грохнулся на пол, сверкнув голыми ногами в коротких штанах. Взрыв хохота был что гром хлопушек в дни фиесты¹. Даже мрачная компания друзей Педро не удержалась от смеха, им вторил пронзительный крик петухов.

Я растерялся. Лицо мое пылало, пот катился градом. О, если бы здесь оказался дядя Дельфино с одним из четырех ружей, или отец со своим длинным ножом, или хотя бы тетя Клара с острым, как бритва, языком!

Поднимаясь с пола, я услышал девичий голос:

— Как вам не стыдно, вот скоты! Не обращай внимания,— сказала девушка, подходя ко мне.— Это не люди, а звери. Как напьются, так перестают понимать, где добро, а где зло. На, возьми щетку, почишь штаны.

В ее голосе звучало участие. Казалось, едкий дым и петушиная вонь мгновенно испарились, словно пахнул свежий ветерок с полей созревшего риса.

Девушка была удивительно хороша собой. Я подумал об ангелах, о которых сейчас наверняка рассказывает отец Себастьян в воскресной школе.

— Меня зовут Роза, а хозяйка кабачка моя мать,— сказала, улыбаясь мне, девушка.

О ангелы на небесах, понятно теперь, почему люди так стремятся попасть в рай!

— Вы знакомы с отцом Себастьяном? — отважился я вступить в беседу.

— Нет. А что?

■

¹ Фиéста (исп.) — праздник.

Я почувствовал, что сморозил глупость, и смутился.

— Мисс Роза,— промямлил я,— спасибо вам. Меня зовут Криспін, а отец мой работает на кокосовых плантациях у испанца.

— Так, должно быть, ты сын манга¹ Томаса? — И глаза ее блеснули, как новые серебряные монетки.— Я знаю его.

— До свидания, мисс Роза, вы были так добры.

Сердце мое наполнилось неизъяснимым чувством. Помню, как я был счастлив, когда этот бородатый жадюга манг Тонио заплатил нам хорошие деньги за кокосы. Так вот сейчас я был счастлив еще больше.

Тощая белая собака у дверей вызывала жалость, я легонько погладил ее по голове. Пес завилял хвостом.

По дороге домой я радостно напевал:

Ангелы поют на небесах,
Пусть в сердце мое придет любовь.

Я вспомнил об отце Себастьяне, и мне стало жаль его. Я так часто сбегал с его уроков, а однажды в душе даже смеялся над ним, когда тот плел небылицы о дожде из хлебов и рыб. «Не иначе, как с утра хлебнул лишнего»,— решил я тогда.

Ночью мне не спалось. Я крутился на матрасе, наблюдая, как с заднего двора с дерева камачили² в комнату залетают светлячки. Они мерцали, будто свечи на пасхальном шествии, когда вся деревня перед восходом солнца выходила на улицу. Часть мужчин изображала святых, а впереди всех выступала «дева Мария» — самая красивая девушка деревни. Ее всегда выбирал отец Себастьян. А дядюшка

■

¹ Манг (тагалск.) — дядюшка; почтительное обращение.

² Камачилí (ацтэкс.) — тропическое дерево, дающее съедобные стручки.

Дельфино всегда ворчал при этом, считая, что отец Себастьян ничего не смыслит в красивых девушках.

— Зато священник предостаточно знает о деве Марии, — обычно говорила мать.

Все начинали смеяться. Мама когда-то тоже изображала деву Марию.

Я решил, что в этом году выберут Розу. Ее улыбка, глаза, вся она с ног до головы — вылитая дева Мария.

Теплая рука коснулась моего плеча, и я услышал ласковый мамин голос:

— Что тревожит тебя, сынок?

— Ничего, мама. У тебя, случайно, не осталась фотография, где ты изображаешь деву Марию?

— Господи Иисусе, что это взбрело тебе в голову, да еще ночью?

Я был рад, что в темноте она не видит моей улыбки. Хотелось, чтобы мама сама без моих слов поняла, что творится у меня в душе. В голове стоял шум, подобно тысячеголосому хору зрителей петушиных боев, когда в смертельной схватке один петух яростно кидается на другого.

— Ты не поймешь меня, — сказал я, убежденный, что мужчине может понять только мужчина.

— Тебе бы лучше поспать, сынок, а утром хорошенько искупаться.

Теплая рука соскользнула, стало холодно, и я уснул.

Наутро за завтраком все разговоры были только обо мне. Мама снова захотела узнать, что же мне так мешало спать.

— В голове стоял какой-то звон, — сказал я, втайне надеясь, что мама все же догадается.

— Москиты! — воскликнул отец и засмеялся.

Я почувствовал, что потолок вот-вот рухнет на меня.

— Не думаю, — возразила мама. — Ему нужно выкупаться, и все.

С меня довольно. Не только потолок, но и пол стал ходить ходуном.

— Нет, купанье не поможет,— вмешался дядя Сиано: как всегда, он был настроен на философский лад.— Ему нужно принять слабительное, съел что-нибудь несвежее. Уж не это ли повредило тебе, малыш?

Все опять засмеялись. «Разрази его гром!» — выругался я про себя. Торопливо глотая завтрак, я старался ни на кого не глядеть. А потом, выбежав из дома, помчался на задний двор, перепрыгнул через грядку редиски и оглянулся. Все сгрудились у окна и смотрели мне вслед. Женщины качали головами, отец улыбался, а дядя Сиано хитро подмигнул мне. Я кинулся в речку и долго не вылезал из воды.

В тот вечер я вновь отправился к кабачку у дороги. Я стоял и наблюдал, как Роза обслуживает посетителей. Заметив меня, она сразу же направилась в мою сторону.

— На тебе сегодня отличные штаны,— заметила она.

В глазах у меня потемнело. Она все помнила: и мое вчерашнее падение, и короткие штаны. Стало стыдно, я не мог вымолвить ни слова.

— Что ты закажешь? Рисовое печенье? Салабат?

Передо мной вновь возник образ девы Марии, в голове зашумело; я понял, что пропал.

— Пока вы раздумываете, молодой человек, я обслуживаю других.

И она направилась к высокому, крепкому парню с усами, что сидел за соседним столиком. Тот сделал заказ, и она принесла стакан бási — крепкого вина из сахарного тростника. Они заговорили о чем-то. Роза ему улыбалась. Это было нестерпимо. О, если бы кто-нибудь сейчас выдернул из-под меня стул, чтобы снова я оказался на полу! Минуту спустя Роза вернулась и поинтересовалась, что же я надумал. Я взглянул на соседний столик и, как настоящий взрослый мужчина, произнес:

— Стопан бási, пожалуйста.— Сердце бешено колотилось. Столь отважного заявления мне делать еще не приходилось.

— Сожалею, сэр,— сказала она,— но последний стакан бази взял Андрес, вон тот джентльмен. Бази кончилось. Между прочим, разве ты не знаешь, что бази не для таких юнцов, как ты?

Да, это, пожалуй, похуже, чем когда на тебя обрушивается тысяча кокосовых орехов. Я закашлялся. На меня пристально смотрели черные глаза. Не глаза, а глубокое озеро в кратере вулкана возле соседнего города. Черные, спокойные, такие загадочные, что даже этот философ дядя Сиано не смог бы разгадать, что таится в их глубине.

— Не думайте, что я такой уж маленький,— пробормотал я.— На мне... последние короткие штаны, скоро я буду носить брюки.— Голос мой становился увереннее.— Я думаю, что ненамного моложе того парня — его, кажется, зовут Андрес?

— Андрес? — усмехнулась Роза.— Да ему уже пора жениться и иметь детей!

Гром небесный! Пора жениться! Иметь детей! Я храбро взглянул на нее и ваядо изрек:

— Я тоже могу жениться, как вы догадываетесь, и иметь детей, если нужно. Поверьте, мисс Роза, я уже не ребенок.

Зачем я все это говорил? Я даже толком не понимал смысла этих слов. Но я больше уже не ребенок и хотел, чтобы она поняла это.

Роза расхохоталась. Она смеялась и смеялась, поглаживая меня по голове.

— Ой, малыш, ты еще маловато рису съел!

В тот день я заказал рисовое печенье и салабат, но половину оставил на столе. Настроение испортилось, и ушел сердитым. Я было хотел пнуть белую собаку, но вместо этого выругался:

— Тысяча чертей! Да поразит их гром и молния!

За ужином мое плохое настроение не осталось незамеченным.

— У него горячая голова,— сказал отец.

— Нет, Томас, не голова,— вмешался дядя Сиано,— сердце. Он влюбился.

— Перестаньте болтать,— вступилась мама, собирая со стола посуду.— Утром он выкупается, и все пройдет.

Я молчал. Им меня не понять, но я уже знал, что в таких случаях лучше промолчать.

Ночью попробовал я заговорить с дядей Сиано.

— Дядюшка,— начал я,— а что, это очень трудно — жениться и иметь детей?

— Ничего себе! О чем это ты болтаешь?

— Ну пожалуйста, дядюшка, я доверяюсь только тебе.

— Хм, ну ладно. Жениться не так уж трудно, ты ведь знаешь, отец Себастьян мой приятель, а вот с детьми... дело потруднее. Детей может дать только бог.

— И папе дал? — задал я новый вопрос.

— А откуда же ты взялся? — рассмеялся дядя и разбудил уже посапывавшую тетю Клару.

— Сиано,— заворчала она,— тебе не спится, так дай хоть мне поспать!

— А тебе почему бог не дал много детей? — не унимался я.

— Я человек набожный, да вот твоя тетушка Клара, вместо того чтобы поговорить с господом богом, предпочитает поспать,— с легкой грустью заметил он и замолчал.

Я понял, что задаю слишком много вопросов. Лежа на матрасе, я думал, как религиозность влияет на людскую судьбу. Теперь стало понятно, отчего у дяди Дельфино так много детей, ведь когда-то он пожертвовал церкви огромный колокол. Потом я рассмеялся, представив, сколько было бы у отца Себастьяна детей, если бы он мог жениться.

Я твердо решил завтра вновь сходить к Розе и убедить ее, что я больше не ребенок, что если хорошо попросить бога, то бог нам, несомненно, поможет. Под конец я дал себе слово прилежно посещать воскресную школу.

Следующий день был днем петушинных боев. Петухи в кабачке кричали, как люди. Сквозь клубы дыма я заметил Андреса, сидевшего через три столика от меня. Появилась Роза и поставила перед ним стакан басы. С нежной улыбкой она села рядом.

Кровь ударила мне в голову.

— Роза, — окликнул я, — принесите, пожалуйста, стакан басы!

Сказано было достаточно громко, и люди стали удивленно на меня поглядывать. Я расправил плечи и встал, чтобы все видели на мне длинные штаны. Брюки были отцовские, но мне почти впору. Андрес повернулся в мою сторону. Глаза наши встретились. Я постарался вложить во взгляд всю ярость, что накопилась у меня в душе, но на него это не подействовало. Гром небесный! Вот негодай!

— Криспин, тебе рано пить вино, — возразила Роза.

— Будьте любезны, — настойчиво повторил я, — стакан басы.

Она взглянула на Андреса, пожала плечами и принесла стакан вина:

— Я повторяю, тебе не надо пить. Вино крепкое.

Я не сдавался:

— Я уже взрослый, Роза, и если ты...

Но Роза прервала меня:

— Хорошо, пей, меня ждут.

Андрес внимательно смотрел на меня, затем взял стакан и осушил его одним махом. Я решил, что тоже выпью залпом. И выпил. Пламя обожгло мне глотку и побежало дальше. Во рту стало горько, горячо и невыносимо больно. Роза снова подошла к Андресу. Руки их встретились.

С большим трудом я поднялся из-за стола и направился к Андресу. Чувствовал я себя неважно, но, ощутив коленями ткань настоящих брюк, стал смелее. Поднялся и Андрес:

— Куда это вы направились, молодой человек?

— Вы знаете куда,— сказал я, как мне казалось, весьма решительно.

В руке я держал пустой холодный стакан. Я замахнулся, но Андрес перехватил мою руку, и стакан выпал из руки, его осколки со звоном разлетелись по полу.

— Сумасшедший какой-то,— пробормотал Андрес.— Может, ты хочешь сказать, что влюбился в Розу?

— Да, влюбился!

Я взял Розу за руку и умоляюще взглянул на нее:

— Роза, ты... веришь в бога?

Она удивленно пожала плечами и буркнула Андресу:

— Не надо было приносить баци.

— Так веришь? — настаивал я.

— Думаю, да. Наш приходский священник на этот раз избрал меня на роль деви Марии.

На роль деви Марии! Я знал, я знал! Ангелы небесные снова были со мной.

— Как хорошо, Роза! Ведь я тоже верю в бога,— с облегчением вымолвил я. Слова переполняли меня, не находя выхода, губы нервно подергивались, в горле горело.

Андрес кивнул Розе, и она нежно прикоснулась к моей руке.

— Прости меня, Криспин,— в глазах ее блеснули слезы,— вот уже два года, как мы помолвлены с Андресом и скоро поженимся. Извини еще раз.

Пламя в груди вспыхнуло с новой силой, шум в голове стал невыносимым. Миллион кокосовых орехов лавиной обрушился на меня.

— Жаль, очень жаль, Роза.— Судорога пробежала по моему телу; казалось, сердце вот-вот выскочит из груди.

Стараясь казаться молодцом, я пытался улыбкой скрыть внезапную слабость. Роза и Андрес ободряюще улыбнулись.

— Андрес,— спросил я,— а вы верите в бога?

— Да, Криспин,— ответил он, продолжая улыбаться,— во всяком случае, я каждое воскресенье хожу в церковь...

— Тогда я счастлив за вас и за Розу. Бог поможет вам обоим. Да, поможет!

Роза вновь огорчилась:

— Что несет этот мальчик?! Он опьянел!

Склонив голову на плечо Андреса, она всхлипнула. Тот ласково погладил ее по голове.

Очевидно, я был пьян, но я знал, что говорил. Будь здесь дядюшка Сиано, он подтвердил бы это.

— Прощайте,— сказал я и повернулся к выходу.

Под ноги опять попалась эта облезлая собака, я опять хотел дать ей пинка, но налетел ветер с поля и я забыл про всех собак на свете. Чувство обновления наполнило мою душу. Я точно прошел по длинному и узкому мостику высоко над землей — такого еще никогда не совершал ни один из учеников воскресной школы отца Себастьяна.

Вдохнув вечерний воздух полной грудью, я радостно зашвистел и с песней направился к дому.

ГЛАВА 2

ЛИНДА

Сан-Пабло — красивый городок с множеством кокосовых пальм. Расположен он в долине, окруженной, как крепостными стенами, невысокой грядой гор. Голубые озера близ города глубоки и загадочны. О каждом озере сложены легенды, и все мамы в Сан-Пабло любят рассказывать их перед сном своим детям — так мудры и поучительны эти легенды.

Мы жили в баррио¹ Ремедиос, пригороде Сан-Пабло. На тридцать хижин из бамбука был один-единственный деревянный дом из досок, сколоченных железными гвоздями.

■

¹ Б а́ р р и о (исп.) — мелкая административная единица на Филиппинах, деревня или район города.

В сезон муссонов, когда дул сердитый ветер с Южно-Китайского моря и обрушивался с небес дождь, будто водопад реки Маламиг, высокие красивые пальмы укрывали наши хижины своей густой кроной. Мы любили засыпать под неумолчный шум дождя, разбивающегося о широкие листья пальм.

Отец работал у испанца на кокосовой плантации. Испанец жил с женой и детьми, удивительно бледными и худыми существами. Редко кто видел улыбку на их лицах. Раньше они жили в центре Сан-Пабло. Когда началась война, в 1941 году на рождество японские самолеты разбомбили городской базар, там погибло много народу, оказавшегося на улице в день праздника. Тогда-то семья испанца и переселилась в баррио и заняла деревянный дом с железными гвоздями.

Моя сестра Мария начала плести для них свои изумительные циновки.

Воспоминания о любви к Розе, о ее личике, как у девы Марии, глазах, блестевших, будто серебряные монеты, постепенно испарились. Начинались новые времена, годы новых впечатлений, иной любви, новых радостей и страданий.

В 1943 году японцы на Филиппинах демонстрировали свою силу и жестокость. Все мальчики баррио мечтали украсть у кого-нибудь из японских офицеров самурайский меч. Для нас, филиппинцев, это значило не только доказать свою храбрость, но и проявить величайший патриотизм. Я не был исключением. Стальной японский меч стал моим единственным желанием, моей новой любовью.

Как-то мне даже приснились убитые японские солдаты. Они лежали ряд за рядом в окровавленных одеждах, а возле них мечи. Я схватил один и начал размахивать над головой, меч засверкал в лучах полуденного солнца. Это был удивительный сон.

Но это все было еще до приезда Лінды, моей двоюродной

сестры. Она жила одна в Маниле¹. Отец ее умер — лег спать и не проснулся. Почти всю жизнь она жила в огромном городе, и, судя по тому, как одевалась, как разговаривала, жила не бедно. Ее появление потрясло всех моих домочадцев. Шея, запястья и пальцы Линды были унижены блестящими украшениями, а красное коротенькое платье туго обтягивало фигуру.

— Ба! — воскликнула тетя Клара, оглядев Линду с ног до головы.

Отец рассмеялся, а мать так и не вышла из кухни, гремя горшками.

Наш маленький дом под крышей из пальмовых листьев стоял на толстых деревянных сваях, с земли был виден пол из бамбуковых планок с большими щелями между ними. Спали мы на полу на матрацах из сухих листьев. В жаркие дни в доме было особенно приятно; свежий ветерок проникал в дом не только в окно, но и в щели пола. Когда мы были маленькими, нам не нужен был ночной горшок.

Матрацы из пальмовых листьев и жесткий бамбуковый пол Линде не понравились.

— Разве на них уснешь? — заявила она. — Я привыкла спать в городе на мягкой постели с подушками.

Город — это, наверное, что-то удивительное, решил я. Ведь подушки мне приходилось видеть только в церкви на свадьбах, когда молодые становились на колени, и то если жених заплатил за подушки священнику сверх прочих свадебных расходов.

Отец и дядя Сиано спали на папагах². Они клали на них ворох сухих банановых листьев и покрывали белой простыней. Спать на них было удобно. Я помню, что последний раз

¹ М а н и л а — самый крупный город Филиппин, столица Республики Филиппины.

² П а п а г — кровать. На деревянный каркас натягивается сетка, сплетенная из лиан.

отец мастерил такую кровать, когда старшая сестра выходила замуж.

— Мне так неловко, что причиняю вам лишние беспокойства, — сказала Линда, когда отец закончил сколачивать для нее папак.

Ночью сухие листья странно шуршали, когда она вертелась во сне.

Я не спал и думал об удивительной жизни в городе. Я представлял себе людей в мягких кроватях, и сердце мое замирало. В тот день впервые я подумал, что спать на бамбуковом полу не так уж удобно...

Наутро за завтраком, улыбнувшись моей незамужней сестре Марии, Линда сказала, что в городе деньги достаются намного легче, надо только уметь.

Когда Линда улыбалась, она была вылитая девушка с обложки календаря. Губы — ярко-красные (не от бетеля¹, как у тети Клары, а от помады), вьющиеся волосы коротко подстрижены, как у мальчика. Меня все время донимала мысль, что она будет делать, когда пойдет купаться на реку? Девушки из нашего баррио, вылезая из воды, всегда прикрывали тело длинными густыми волосами, пока добирались до одежды, а она?

Линда открыла коричневый чемодан и стала показывать платья. Все сгрудились в центре комнаты, разглядывая ее вещи. Платья были новые и яркие: красные, черные, с отделкой из блестящих камней. Мария не отрывала от них горящего взора. Я вспомнил такой же взгляд ее, когда она разглядывала в день свадьбы подвенечное платье старшей сестры.

Вместо того чтобы любоваться платьями, мама с тетей Кларой сердито поглядывали то на отца, то на дядю Сиано.

■

¹ Бетель — жвачка из ореха арековой пальмы, извести и пряностей. От бетеля краснеют десны и губы.

Я обратил внимание на квадратный лаковый ящик с ручкой и собакой на крышке.

— Что это? — спросил я, берясь за ящик.

— Осторожнее, дитя, — сказала Линда, поспешно направляясь ко мне, — это патефон. — Она открыла ящик, положила туда тонкий черный диск и начала крутить ручку. Поплыли звуки, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее.

«Нет, у нас нет бананов», — сказал ящик.

Патефон, как и город, стал для меня новым, удивительным и неожиданным событием.

Диск остановился. Линда поставила новый. Теперь раздалась нежная, убаюкивающая мелодия. *«О сон любви...»* — пел голос. На душе стало приятно, как в дождливую ночь, когда шелестят кокосовые пальмы. Я прямо чуть не уснул. Мне больше всего на свете захотелось иметь такой музыкальный ящик.

В тот вечер Линда завела серьезный разговор с Марией. Они сидели под домом, и сквозь щели пола я слышал их голоса и хорошо видел их лица.

— Понимаешь, — говорила Линда, — я приехала помочь тебе. Если ты поедешь со мной, у тебя будет столько же красивых вещей, как у меня. Баррио не для тебя. Ты слишком красивая.

Мария молчала, но взгляд ее устремленных на Линду глаз был как у голодного ребенка, собиравшегося вот-вот разреветься.

— Я поговорю с твоей матерью, — заявила Линда и встала.

Они поднялись в дом и направились в спальню, где мама чинила старую красную рубашку отца. Я выбежал навстречу и возбужденно спросил, сколько стоит музыкальный ящик.

— Не знаю, наверное, много. Мне его подарили, — небрежно бросила Линда.

Они вошли в спальню, и Мария захлопнула перед моим носом бамбуковую дверь. Я помчался вниз и встал как раз под полом спальни.

— Тетя, — вкрадчиво начала Линда, — как вы отнесетесь к тому, что Мария поедет со мной в Манилу?

Голос у нее был очень нежный, как у алинг¹ Пётры, когда та пела в церкви на свадьбах или похоронах.

— Что, Линда? — переспросила мать чуть охрипшим, но мягким и спокойным голосом.

Я любил эту ее манеру говорить, особенно по ночам, когда не спалось.

— Я говорю, тетя, что Мария могла бы неплохо зарабатывать в Маниле, — сказала Линда более решительно. — С моей помощью она заработает в день больше, чем здесь на своих циновках за месяц.

— Но она, кроме плетения циновок, ничего не умеет.

— Не беда, я научу.

Мама промолчала. Но когда с плантации вернулся отец и они пошли спать, мама завела разговор о Марии. Отец решил: если Мария согласна, пусть едет, и семье помощь будет.

— Циновки сейчас не больно-то расходятся, — подвел итог отец.

Мама вздохнула.

За обедом Линда заявила, что я могу получить музыкальный ящик, если поеду с сестрой в Манилу. Мама не хочет отпускать Марию одну.

— Ей только девятнадцать лет, — сказала мама, утирая слезы краем кофточки, — она ни разу не бывала в большом городе.

— Но ведь ей нужно кончать циновку для испанца, — вмешалась тетя Клара.

Мария взглянула на мать, перевела взгляд на тетю Кла-

■

¹ А л и н г (тагальск.) — тетушка.

ру, потом на Линду. Все продолжали молча жевать. Обед заканчивался без обычного оживления. Отец встал, поблагодарил за вкусный рис, хорошую рыбу и направился к кухне с водой.

— Если хочешь ехать,— обратился он к Марии,— то побыстрее заканчивай циновку.

— Ничего, я подожду,— вмешалась Линда.

Мама встала из-за стола и ушла на кухню. За ней тут же последовала тетя Клара. Они о чем-то заспорили.

Линда подошла и, улыбаясь, сказала, что даст мне еще несколько дисков в Маниле, и погладила по голове. Должен признаться, мне стало так приятно, будто я взобрался на самую верхушку высокой пальмы.

Через два дня циновка была готова. Я с удовольствием разглядывал ее затейливый орнамент из голубой, белой и красной тесьмы. За циновку Мария получила от испанца столько, что денег хватало не только на поездку в Манилу, но и на обратный путь.

Наступил час отъезда. Мама с тетей ушли на кухню, чтобы никто не видел их слез, а мы с отцом и дядей Сиано спустились под дом побеседовать напоследок. На мне была новая белая рубашка, красные шорты и шляпа с широкими полями. Я даже надел черные башмаки, в которых появлялся только на свадьбах и похоронах.

— Будь послушным, сынок,— сказал отец.

— Береги Марию,— добавил дядя.

— Хорошо,— машинально отвечал я; мысли мои были сосредоточены только на музыкальном ящике.

Наконец все собрались. Мы с Марией взобрались на повозку, на которой отец обычно возил кокосовые орехи, дядя стегнул буйвола, и повозка затряслась по дороге на станцию.

Появился поезд. Мария взяла меня за руку, тетя Клара с мамой начали поспешно нас целовать, а Линда торжественно расцеловалась с отцом и дядей Сиано. На их щеках

мгновенно появились следы ярко-красных губ. Уже сидя в вагоне, я увидел в окно, как мама и тетя Клара сердито показывают на эти пятна, а Линда, тоже увидев это, звонко расхохоталась.

Поезд пришел в Манилу под вечер. На вокзале была уйма народа, шум стоял, как на знаменитой петушиной фиесте, только не слышно было петушиных голосов да не попадались знакомые лица.

Улицу заливало море огней, а толпа двигалась густым потоком. Глаза разбегались. Линда окликнула извозчика, и мы поехали к ней домой. Всю дорогу я ломал голову над новым словом — Линда назвала извозчика «нашим такси».

Линда жила в большом деревянном доме с каменными ступеньками и разноцветными занавесками на окнах. Окна сверкали, будто раскрытые жемчужные раковины. Пол был на диво гладкий, блестящий, без всяких щелей и такой чистый, что на нем можно было есть без тарелок.

Служанка накрыла на стол, и мы начали ужинать. Было жарко, я то и дело утирал пот с лица. Мария же поинтересовалась, не холодно ли мне. Я рассмеялся, решив, что она шутит.

Линда сказала, что ждет гостей — она их заранее уведомила письмом о нашем приезде — и что Марии надо приодеться.

— Но мне не во что переодеться, это самое нарядное платье, — растерялась Мария.

— Ничего, — улынулась Линда, — на сегодня я одолжу тебе что-нибудь из своего гардероба.

Линда стала помогать Марии одеваться, а я направился в другую комнату, к любимому музыкальному ящику.

«Нет, у нас нет бананов...» — раздался голос, и сердце мое дрогнуло. Наконец-то я в городе.

— Платье, мне кажется, коротко, — заметила Мария, входя с Линдой в комнату.

— Ничего, нормально, ты в нем всем понравишься.

Она подкрасила ей щеки и стала причесывать перед большим зеркалом. Мария на глазах стала превращаться в девушку с красочной обложки календаря.

Я расположился в кресле. Оно оказалось таким мягким, что курица могла бы спокойно нестись на нем, не разбив ни одного яйца.

В ожидании гостей Линда занялась патефоном. Она была необычайно возбуждена. Напевая, она медленно закружилась под звуки музыки *«Когда пурпур спадает...»*.

— Ты красивая девушка, Мария, очень красивая!

Мария застенчиво улыбнулась. Я помню, она всегда так улыбалась, когда отец Себастьян говорил ей, что она превратилась в настоящую леди.

Радость переполняла мое сердце. Куда там испанцу со своим деревянным домом и железными гвоздями, даже сто самурайских мечей не сравнятся с новой жизнью!

В десять часов появились гости. Это были японские офицеры. Они как-то странно волочили ноги и шлепали сапогами, будто сапоги были им велики и сваливались с ног. У одного офицера я заметил на руке четыре пары часов! Но самым замечательным были, конечно, стальные мечи, которые болтались у них на боку, и старая любовь к самурайским мечам вновь овладела моим сердцем. Патефон по-прежнему кричал, что у него нет бананов, а я сидел ошарашенный музыкой, этим домом с каменными ступеньками, огромным городом.

Японцы устроились в мягких креслах. Линда представила им Марию — это, мол, ее двоюродная сестра, о которой она писала. Тут же один офицер подвинул к Марии кресло и растянул губы в улыбке; во рту сверкнули два золотых зуба.

— Ты красивая девушка, Мария,— начал он, как-то странно произнося слова.— Пратъе, что на тебе, это я пода-рир Ринде, она очень хорошая девушка, я рюбрю ее.

Мария, опустив глаза, нервно теребила платок.

— Если ты будешь раскован со мной, я и тебе купрю красивое платье. Ты нравишься мне, Мария.

Мария взглянула на Линду, затем на меня. В глазах ее я прочел ужас — ужас жертвы, обреченной на заклание.

Стараясь как-то помочь Марии, Линда сказала, что Мария впервые в городе и очень робкая девушка.

Японец встал с кресла, подошел к Марии и начал гладить ее по голове.

— Красивые волосы у тебя, Мария, ты вся как цветок, — сверкнул он золотозубой улыбкой. — Все красивые платья у Ринды подарил я, и патефон я подарил. Я могу многое подарить и тебе.

Линда неестественно захохотала. Смех ее испугал меня.

— У вас прекрасное настроение, капитан Иосида, — процедила она сквозь зубы, а музыкальный ящик все играл и играл...

Офицер потянулся к лицу Марии, но та отпрянула, как сорвавшаяся с привязи овечка.

— Не хочу... Уеду домой...

— Ты с ума сошла! Лови счастье! Он даст тебе все, что захочешь! Посмотри на меня, оглянись вокруг. Не будь дурой. Ты ему понравилась. Иди к нему, не бойся!

Мария будто окаменела. Слезы хлынули из глаз, а на напудренных и подкрашенных щеках появились причудливые дорожки. Она схватила меня за руку; я крепко сжал ее ледяные, нервно вздрагивающие пальцы.

— Нам здесь нечего делать, поедem домой!

Под звуки музыки мы кинулись к двери. Японец с Линдой бросились за нами.

— Мария, ты с ума сошла! — кричала Линда, но мы, не обращая внимания и не оглядываясь, бежали вниз по каменным ступенькам.

Уже на темной улице я слышал, как офицер что-то выговаривал Линде, та кричала в ответ. Я ругал себя, что не

стянул у японцев ни одного меча, а музыкальный ящик надрывно повторял: *«Нет, у нас нет бан... Нет, у нас нет бан... Нет, у нас нет бан...»*

ГЛАВА 3

ЖЕРТВА

Была дождливая августовская ночь. Лягушки на заднем дворе просто надрывались. Крупные капли дождя проникали в дом через тростниковую крышу и без задержки стекали на землю через щели в бамбуковом полу. В кухне на деревянном полу образовались лужицы, и пол стал сырой, как земля под манговым деревом, с которого штормовой ветер сорвал все листья.

Единственным сухим и теплым местом в доме оставалась спальня. Крыша над ней была покрыта не пальмовыми листьями, а большими кусками брезента, который дядя Сиано нашел в заброшенном военном лагере.

Крышу отец с дядей покрывали еще в марте, до начала сезона дождей. За это время листья подсохли и их пучки ослабли. Налетевшие муссонные ветры начали растаскивать пучки, образовались дыры. Иногда по ночам дяде Сиано приходилось забираться на крышу и затыкать их свежими листьями. Попробуй заснуть, когда по тебе постоянно бьют мелкие, противные капли дождя!

В тот вечер дяди Сиано и тети Клары дома не было. Они уехали на поминки в Сан-Пабло. В озере Сампáлок утонул их дальний родственник. Тетя Клара утверждала, что родственник был красавец: сирены, обитавшие в озере, влюбились в него и утащили на дно. Таков удел всех, в кого они влюбляются.

Дядя Сиано заспорил и сказал, чтобы она оставила сирен в покое.

— Парень был просто глуп, вот и все, — заявил дядя.

— Не говори гадости о покойнике,— возмутилась тетя Клара.

Но дядя потушил пожар в зародыше, заметив, что пора ехать, и они вместе с Марией уселись в повозку. Сестра повезла в подарок родителям погибшего юноши красивую циновку.

В доме стояла непривычная тишина. Отец ушел к дону Матео, хозяину плантаций. В ожидании его мама сидела на кухне, подогревая на небольшом огоньке салабат. Но вот вернулся отец, и мама поспешила ему навстречу.

— Ты весь промок, Томас,— заботливо проговорила она,— снимай скорей все с себя, переодевайся. Я налью тебе салабата.

— Испанец не дал в долг,— мрачно проговорил отец, стаскивая мокрую рубашку.— Говорит, купил пятнадцать гектаров земли под кофе да вдобавок рассчитался с рабочими за ремонт дамбы.

Он тщательно развесил на спинке стула мокрую одежду и начал дуть в чашку, чтобы остудить салабат. Мама не спускала с него глаз. На лице ее не видно было обычной улыбки, но оно было таким спокойным, таким мягким, таким приятным, что смотреть на него можно было часами.

— Не переживай,— заметила она,— что-нибудь придумаем.

— Ты же знаешь, Тина, мне нужны деньги; значит, придется залезать в долги.

Мамины глаза удивленно расширились: новость была не из приятных. Встав со стула (она сидела у очага), мама медленно направилась к отцу. Она была беременна и ждала пятого ребенка.

— Томас,— мягко начала мама,— не теряй надежды.

В наступившей тишине раздался шумный и протяжный вздох моего буйволена Сильвера. Он устроился на ночь возле курятника, как раз под спальней, на сухой и теплой

земле. Куры всполошились и захлопали крыльями, заорал петух.

Отец громко стукнул ладонью по столу, будто сделал неожиданное открытие; даже чайная ложка звякнула в стакане.

— Вот выход! — облегченно воскликнул он и направился ко мне.

Я прикорнул в уголке, прикрывшись старым маминым саронгом. Мама залатала в нем дыры, и получился отличный зеленый шерстяной плед. Я всегда укрывался им в холодные дождливые ночи.

— Криспин, — начал отец, — мы продаем твоего карабао¹.

— Как! — воскликнул я, мне даже стало жарко. Перед глазами поплыли темные круги, как после яркой вспышки молнии. — Я прошу тебя, не надо, ведь Сильвер мой лучший друг!

— Знаю, ничего не поделаешь. На плантации он еще не работник, а нам нужны деньги. Это единственный выход.

Я не нашелся что ответить. Где взять слова, чтобы отец понял меня? Сильвер больше чем помощник в поле. Отец не представляет, что за радость в яркий солнечный день болтать с Сильвером под манговым деревом, поставив на его широкую спину тарелку с кокосовым печеньем. Как-то я пригласил полакомиться дыней Мельбу. Мне нравилась эта малышка с нежным голоском и сладкой, как сахарный тростник, улыбкой. Мы взгромоздились на широкую спину Сильвера и отправились на бахчу. Там я обнаружил, что не взял ножик, и под звонкий смех Мельбы стал просить карабао Сильвера расколоть копытом дыню. И он, дружелюбно помахивая хвостом, сделал это. Дыня развалилась на части, раскрыв нежную и сочную мякоть. Об этом отцу не расскажешь. Он убежден: раз буйволенок не может еще

■

¹ К а р а б а о — филиппинский буйвол.

таскать повозку с кокосовыми орехами или плуг на рисовом поле, то и рассуждать нечего.

Я отбросил в сторону плед и с шумом помчался вниз к Сильверу. От внезапного грохота захлопали крыльями куры. Я прижался к могучей шее Сильвера, буйволенок вздрогнул. Мне так много хотелось ему сказать, но слова застряли в горле. Карабао скосил глаз, я прочел в нем ожидание — ожидание ребенка, когда тот ждет подарков от гостей, собравшихся на его день рождения.

— Сильвер,— прошептал я,— отец хочет тебя продать...

Буйволенок пошевелился и зацепил рогами сваю. Намереваясь подняться, он подогнул передние ноги, но я прижался к его шее, и он остался на месте. Через щели в полу на его спину упали полосы света. Послышались шаги — по лестнице спускался отец. Он подсел ко мне, и среди кур опять началась суматоха. Сильвер вздрогнул.

— Сынок,— начал отец,— я понимаю, как дорог тебе Сильвер. Ты любишь резвиться с ним в речке и в поле, но пойми, мама ждет ребенка...

Я уткнулся в Сильвера и вытер слезы о его теплую спину. После сегодняшнего купания спина его была гладкой и чистой.

— За Сильвера могут дать около ста песо,— продолжал отец, оглядывая буйволенка.— Этого вполне хватит, чтобы справиться со всеми нашими трудностями.

Голос отца звучал, как у падре Себастьяна на страстную пятницу.

— Ты же должен понимать, год был засушливый, неурожайный, не знаю, дотянем ли мы до следующего урожая или нет. Даже кокосы и те плохо уродились. Цинковки Марии никто не покупает, а новый ребенок — новые расходы.

Глупо, конечно, но меня удивляло, зачем отцу нужен еще ребенок, ведь у него и так их четверо, а тут отдавай из-за этого Сильвера. Он же у меня один-единственный!

— Иногда людям ради благородных целей приходится приносить в жертву самое дорогое,— продолжал отец.— Христос отдал жизнь свою за нас...

Тут уж он перешеголял самого отца Себастьяна, и я возразил упрямо:

— Еще неизвестно, хороший ли он будет, этот ребенок, стоит ли он Сильвера?

— Когда ты вырастешь, Криспин, и станешь отцом, ты сам найдешь ответ,— очень серьезно сказал отец.

На его лицо падал сверху свет через щели бамбукового пола. Снова громко вздохнул карабао, но куры молчали, да же капли дождя, казалось, не стучали так громко.

— Я сам однажды принес такую жертву,— продолжал отец.— Никто не знает об этом, только твоя мама и я. Много раз мне хотелось рассказать вам, но как-то все не получалось: то вы были заняты, то у меня не хватало времени. Но сегодня настал день...

На мгновение мне захотелось, чтобы отец уже забрал Сильвера и оставил меня одного. Со мной так бывало, когда счастье отворачивалось от меня и несчастья сыпались одно за другим, я убегал от людей, забивался куда-нибудь подалее и давал волю слезам. Но отцу не терпелось рассказать о своей жертве. Он подгреб ногой сено и удобно устроился подле меня.

— Много лет назад,— начал он,— мы с мамой жили в Аламиносе. У нас был дом — его к свадьбе подарил мой отец — и рисовое поле, платившее добром за нашу заботу. В тот год, о котором мой рассказ, вид полей особенно радовал глаз. Стояли последние дни октября. Рис под лучами солнца отливал золотом, а когда набегал легкий ветерок, он начинал тяжело клониться и волноваться, как море. Все мы радовались богатому урожаю. В Аламиносе у нас родились твои сестры Антония и Мария...

Низкий голос отца доносился будто издалека, слушать не хотелось, было просто скучно.

— Твоя мать ждала ребенка,— продолжал отец.— Но вот в последний день октября небо вдруг потемнело, над рисовыми полями появились тучи саранчи. Первыми услышали ее отвратительный треск женщины, направлявшиеся в церковь. Как безумные они кинулись назад. Твоя мать разрыдалась, плач ее подхватили другие. Видя, как эти чудища пожирали золотистые зерна риса, люди в ярости топали деревянными башмаками. Но большинство из нас молча уселось на землю, утирая полотенцами катившийся пот. Сделать мы ничего не могли.

Много дней тучи саранчи сменяли одна другую. Крестьяне пытались отпугивать ее огромными манговыми ветками, поджигали поля, женщины не выходили из церкви, но все было напрасно...

Голос отца звучал устало и грустно, но я уже внимательно его слушал.

— Всходящее по утрам солнце,— продолжал он свой рассказ,— казалось бледным, безжизненным, а к вечеру оно приобретало какой-то жуткий оттенок. Каждый день на рассвете я уходил из дому и возвращался поздно вечером. Мама не спрашивала, зачем я уйду и куда. Я же ходил в город и продавал вещи. Первым было продано кольцо в форме змеи из китайского золота, потом пряжка с жемчужинами. За ними пошли карманные часы — подарок к конфирмации¹. Я не говорил маме, что продаю и закладываю вещи. С нее хватало своего бремена, от недоедания она бледнела и таяла на глазах.

Все, что можно было продать, было продано. Оставался только буйвол, мой единственный помощник в поле... Вскоре и он пошел по дешевке. Я видел, как человек из Биньбана торговал его мясом на базаре...

В одну из безлунных и беззвездных ночей, когда нежный

■

¹ Конфирмация — у католиков религиозный обряд, приобщающий детей к церкви, совершается в 7—12 лет.

западный ветерок наконец разогнал раскаленную пыль, висевшую в небе, твоя мать пришла ко мне и без долгих слов попросила продать дом, разоренное поле и уехать отсюда.

«Но я не могу этого сделать,— сказал я.— Это отцовский дом, он дорог и мне и тебе».

Я боготворил наш дом, как храм. Его построил своими руками отец незадолго до того, как умер от укуса змеи. Моя мать, твоя бабушка, тоже помогала отцу. Она нарезала для пола бамбуковые планки и сама укладывала их, оставляя полудюймовые¹ промежутки между ними. Когда пол был готов, она тщательно натерла его соком из банановых листьев.

«Нет, Тина,— сказал я твердо,— я не могу расстаться с домом».

Мама не стала спорить. По моему тону она поняла, что это бесполезно. Она просто подошла к окну и уставилась в темноту ночи. Я последовал за ее взглядом: окно показалось мне бесконечным черным тоннелем...

Интонация голоса отца все время менялась. В темноте я видел, как во время рассказа он помогал себе руками.

— Как-то в поисках работы я забрел в соседнюю деревню на другом берегу реки и там неожиданно встретил закадычного школьного друга Хулио. Дела его, видно, шли неплохо. На нем была новая белая шляпа с широкими полями, надежно укрывавшая от палящего солнца, на ногах, несмотря на будний день, штиблеты, а в руках трость. Я обрадовался встрече. После всех передрыг приятно было видеть бодрого, преуспевающего человека.

«Уж не занялся ли ты политикой? — спросил я Хулио с улыбкой. — Ты выглядишь, как городской казначей».

«Нет, Томас,— важно отвечал он,— я не люблю политику и всегда повторяю: если кого-нибудь ненавидишь, посоветуй жене врага своего втянуть его в политику; удаст-

■

¹ Д ю й м — мера длины (2,5 см).

ся — ты выиграл. Я ненавижу политические махинации. Часто политика — грязная игра».

«Чем же ты занимаешься?» — спросил я, втайне надеясь извлечь хоть какую-нибудь выгоду.

«У меня хорошее дело», — гордо сказал он.

«Открыл предприятие?»

«Да, игорный дом».

«Игорный дом?!» — вытаращил я глаза. На миг мне показалось, что я услышал не голос Хулио, а отвратительный треск крыльев саранчи.

Хулио остановился возле гигантской акации, оперся о ее толстый ствол, снял шляпу и стал ею обмахиваться.

«А что тут предосудительного? — сказал он. — Что бы мы ни делали в жизни, это сплошная игра со всеми ее законами. Возьми, например, фермерство. Ты вкладываешь деньги и начинаешь ждать. Если тебе повезет, ты снимаешь богатый урожай, не повезет — налетит саранча и сожрет весь твой рис. Ты знаешь, о чем я говорю».

Было странно, он вел речь о картежной игре не как об отвратительном занятии, а наоборот, убеждал, что я все время участвую в игре, не ведая об этом.

«Когда понадобится моя помощь, Томас, заходи. Мой дом легко найти — это единственный деревянный дом во всем Сан-Мигэле...»

Отец переменил позу, сено зашуршало под ногами. Какое-то время он сидел молча, глаза его были устремлены вдаль. Свет наверху стал постепенно тускнеть, час был уже поздний. Отец глубоко и тяжело вздохнул, но видно было, что на душе у него стало полегче.

— Когда я вернулся домой в тот вечер, — продолжал отец свой рассказ, — я не застал маму дома. Она вернулась позднее. Мама разожгла огонь, а я спустился во двор рубить бамбука. В тот вечер на ужин был рисовый суп, единственное, что мы могли себе позволить по нашим скромным средствам.

Я молча взглянул на маму, потом перевел взгляд на пустой суп. Я понимал: маме в ее положении нужно лучше питаться, нужен особый уход. Я глубоко вздохнул, вышел из-за стола и поставил недоеденный суп на поднос.

«Тебе не понравился суп, Томас?» — с тревогой спросила мама, тоже поднимаясь из-за стола.

«Да нет, я не очень голоден», — ответил я, но она понимала, в чем дело. Еще ни разу я не отказывался от пищи, которую она готовила собственными руками.

«Между прочим, — мягко начала она, — отец Кастрильо сказал, что у него есть на примете человек. Он хочет купить наш дом и землю и предлагает неплохие деньги. Давай продадим все и уедем в Сан-Мигель. Может, нам повезет?»

Я промолчал. Это был старый вопрос, для себя я уже давно на него ответил. Снова взялся за ложку. Покончив с супом, понес тарелку на кухню. Взглянул в окно — перед мной вновь открылось мертвое поле. Его покрывали погибшие рисовые стебли, и только кое-где виднелись ростки, стойко сопротивлявшиеся западному бризу. Не поле, а кладбище.

Всего несколько недель назад из этой кухни я любовался колосившимся рисом. Тот же ветерок гнал по полю золотистые волны. Я вспомнил, как радостно пели и танцевали женщины на деревенской фиесте, и среди них выделялась наша мама. Платья их развевались по ветру, переливаясь всеми цветами радуги...

Мне стало горько. Я ушел из кухни, снял рубашку и, чтобы не видеть поля, сел у другого окна. Перед ним торчало манговое дерево и виднелись грядки редиски. Мама опустила на пол у моих ног. Она склонила голову мне на колени, и пальцы мои утонули в ее чудесных волосах.

«Что говорит повитуха, Тина?»

«Осталось ожидать несколько дней».

«У нас есть еще время, не надо спешить с продажей дома».

«Ты прав, Томас», — мягко сказала мама.

Мы сидели, прижавшись друг к другу.

«Завтра я повидаюсь с Хулио. Ты, должно быть, помнишь его? Это парень, который играл на мандолине в тот вечер, когда за мои серенады под окном твой грозный отец окатил нас ведром воды».

«Ну еще бы, — ответила мама, — как забыть Хулио, самого умного мальчика в вашем классе».

«Отлично. Я его встретил сегодня, вид у него был, что у твоего джентльмена. В штиблетах, в руках трость, а разодет — будто собрался на свидание со святым Петром».

Мама потерлась щекой о мое колено, и я снова стал ласкать ее волосы. Ночь была тихой, теплой. Ветерок овеивал наши лица, как теплая вода во время купания вечером в сухой сезон.

«Хулио предлагал свою помощь, — продолжал я. — Не сходить ли к нему? Может, и дом продавать не придется».

«Может быть», — как эхо, откликнулась мама. Она встала и с лампой в руке спустилась к колодцу за водой. Она всегда мыла ноги на ночь. Я пошел за ней. Мама опустила ведро. Я перехватил веревку и поднял воду.

«Тебе не стоит браться за тяжелую работу, — сказал я, — иди наверх, отдыхай».

«Ты обращаешься со мной, как с ребенком», — улыбнулась мама, я улыбнулся ей в ответ.

Свет лампы заплесал по нашим лицам. Мы забыли о саранче, о погибшем урожае. Эта ночь показалась мне такой темной, такой нежной, как волосы твоей матери.

Рано утром я умылся на речке, надел чистую рубашку и плетенные сандалии.

Хулио встретил меня у двери дома. Во рту у него торчала сигара, а на голове, несмотря на ранний час, надета шляпа.

«Я пришел к тебе за помощью, Хулио, — произнес я. — Моя жена Тина — ты знаешь ее — ждет ребенка».

«Тебе нужны деньги», — понял Хулио, стряхивая пальцем с сигары пепел.

«Да, сто песо, если можешь».

«Мне нужен помощник. Дело не сложное. Нужно наблюдать за карточными столами и после каждой партии собирать комиссионные. Как ты? Платить буду три песо в день».

«Да, но мне нужно сто песо сразу», — в замешательстве ответил я.

«Ты их получишь, а долг вернешь постепенно».

Лицо мое просветлело, я с облегчением улыбнулся, буд-то он сообщил мне, что саранча навеки исчезла с лица земли.

«Спасибо, Хулио, — взволнованно сказал я. — Можно, я начну уже сегодня?»

«Как знаешь!» — согласился он, и мы вошли в игорный зал. Там стояло семь столов — мое рабочее место.

Часов в десять утра за вторым столом раздался плач. Рыдала алинг Инга. Она проиграла десять песо, которые муж дал ей на хозяйство. В одиннадцать за четвертым столом бухнул кулачищем манг Индо и заорал: «Мошенники!»

Меня начала бить нервная дрожь. Примерно в половине двенадцатого, когда я подсчитывал выручку, ко мне подошел Хулио. Коснувшись плеча, он показал глазами на окно. В женщине, придерживавшей развязавшуюся юбку и поспешно пересекавшую улицу, я сразу узнал твою мать... Я поторопился к ней навстречу и встретил как раз, когда она, приподняв юбку, собиралась сделать первый шаг по лестнице. Лицо ее покрывала мертвенная бледность, я слышал ее тяжелое дыхание.

«Что случилось, Тина?» — с тревогой спросил я.

«Какой кошмар, Томас! Я рассказала отцу Кастрильо, что ты отправился за помощью к Хулио».

«Да, — я гордо выпятил грудь, — он дал мне работу».

«Но, Томас,— всхлипнула мама,— ты не ведаешь, что творишь. Отец Кастрильо сказал, что Хулио — картежник!»

«Ну и что? Каждый из нас игрок, только по-своему. Любой! Что священник, что политик, что фермер. Все они полагаются только на удачу. Или я не прав?»

«Что ты несешь, Томас!» — в необычайном волнении воскликнула мама.

«Бог помогает только тем, кто помогает сам себе,— убежденно сказал я.— Не так ли говорил тебе сам отец Кастрильо? Я решил помочь себе ради нас с тобой. Ты поняла?»

«Томас,— вскричала мама,— бог помогает только достойным! А чего достойны картежники?»

«Тина!» — остановил я ее.

«Томас,— дрогнувшим голосом сказала мама,— лучше продать дом, чем душу дьяволу!»

В этот момент в дверях игорного дома появилась алинг Инга. У нее был вид сумасшедшей.

«Что я натворила...— причитала она.— Теперь муж убьет меня!»

Мама, увидев Ингу, побелела. Я заботливо взял ее за руку.

«Пойдем домой,— закричала она,— умоляю, Томас!»

Я обнял ее и растерянно пробормотал: «Где же достать деньги, Тина?»

В игорном зале раздался грохот упавшего стула и яростный крик Индо: «Негодяи! На глазах обкрадывают!»

Из дома, вцепившись друг в друга, вывалились манг Хосé и манг Индо. В пылу схватки они даже не заметили, как у них свалились туфли. Вдруг Индо выхватил из кармана нож и полоснул им Хосе. Закричали женщины и тут же зажали рты ладошками. Ни один мужчина не сдвинулся с места. Рубашка на груди Хосе окрасилась кровью.

«Шулеры!» — вопил Индо, вновь замахаясь ножом.

Дикий крик заставил всех обернуться. Кричала твоя

мать. Она побелела, как облако в апреле, и потеряла сознание. Я подхватил ее на руки и понес в соседнюю с залом комнату. Там я уложил ее на кровать, покрытую банановыми листьями. Позабыв про обидчика, за нами поспешил Индо, а Хосе отправился на кухню отмывать кровь. С чашкой салабата в комнату влетел Хулио.

Мама наконец пришла в себя, и я повел ее домой. По дороге я не проронил ни слова, мучительно размышляя над случившимся. У нашей калитки я шепнул, что хочу повидаться с человеком, про которого говорил отец Кастрильо. Мама улыбнулась.

«Если уж уезжать,— сказал я,— то подальше от этого места. Поедем в Сан-Пабло, это за горной грядой Балайхángин. Там, говорят, земля побогаче и кокосовые орехи покрупнее...»

Голос отца приобрел значительность и торжественность. Дождь кончился, и лягушки на заднем дворе умолкли. Иногда слышалось поскрипывание бамбука, гнувшегося под порывами ветра, да изредка доносились глухие удары кокосовых орехов, падавших на землю.

— Через два дня,— продолжал отец,— я продал дом и устроился на плантацию к испанцу, здесь в баррио. Через неделю мама родила мальчика, первого в нашей семье. Крепкого, здорового мальчугана.— Отец хлопнул меня по плечу и взъерошил волосы.— Это родился ты, Криспин,— улыбнулся он.

Я не нашелся что ответить. У меня было такое чувство, будто мне вырвали больной зуб. Боль прошла, но обезболивающий укол все еще продолжал свое действие, во рту все онемело.

Полосы света, падавшие сверху на лицо отца, стали ярче, темнота еще гуще. За спиной я почувствовал, как замахал хвостом буйволенок,— Сильвер проснулся. У меня снова навернулись на глаза слезы.

На лестнице появилась мама. В руках она держала яр-

кий плед, служивший мне одеялом. Было видно, как тяжело ей дается каждый шаг. Я бросился к ней, слезы с новой силой хлынули из моих глаз. Она укутала меня одеялом, и я замер в ее ласковых объятиях. С вороха сена поднялся отец. Я поспешно отер слезы и решительно произнес:

— Теперь... Теперь настала моя очередь принести жертву!

Громко и протяжно вздохнул Сильвер. Снова захлопали крыльями всполошившиеся куры. Закукарекал петух.

ГЛАВА 4

ОБЕЩАНИЕ

Одно время дядя Сиано и тетя Клара жили в Санта-Крус, там дядя работал в промышленном училище. В первые же дни войны при воздушном налете японских самолетов дом их был разрушен, а сын погиб в битве за Батаан¹. Они бросили Санта-Крус, вернулись в баррио Ремедиос и стали жить вместе с нами.

Дядя был хороший столяр и скучал по своей работе в училище. От нечего делать он частенько вырезал для меня острым кухонным ножиком маленькие кораблики.

После того как мы вместе со взрослыми вырыли щель для укрытия от воздушных налетов, делать в доме стало нечего, и дядя с утра уходил на соседние фермы в поисках работы. Возвращался он вечером и обычно всегда приносил то дыню, то батанасские апельсины, то печенье из касавы². Это печенье всегда продавали женщины у дороги. В войну, особенно в последние годы, мы часто ходили голодными, по-

■

¹ Батаан — полуостров, на котором происходили ожесточенные бои против японцев.

² Касава, или тапиока, — крахмалистый клубень тропического корнеплода маниоки.

этому всегда с нетерпением ждали возвращения дядюшки домой.

Как-то он задержался допоздна и вернулся только часов в двенадцать ночи. Все спали. Мама решила, что дядя сегодня вообще не придет, с ним это иногда случалось. Когда ночь заставала дядю в пути, он предпочитал ночевать у кого-нибудь из друзей, чтобы избежать встречи с японскими патрулями. Японские патрули расхаживали по дорогам, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками, и любили задавать бесконечные вопросы.

Среди ночи я проснулся. Слышу шепот — значит, вернулся дядя.

Что это он шепчет, да еще по-английски? Странно! Много лет я уже не слышал, как он говорит на английском языке, а тут вдруг заговорил среди ночи.

Я протер глаза. Из комнаты отца раздавался громоподобный храп. Послышались легкие шаги дяди. Он налил кокосового масла и зажег на кухне светильник. Откинув москитную сетку, под которой я спал, я увидел дядю с каким-то незнакомцем. Недолго поколебавшись, идти ли на кухню или опять нырнуть под сетку, я все же решил подняться. Мое появление дядя встретил улыбкой. Лицо его было в грязи, даже волосы посерели от дорожной пыли. Незнакомец, сидевший на скамейке, встал и улыбнулся. Он был грязный, как и дядя, особенно одежда, на которой проступали какие-то бурые масляные пятна.

— Криспин, это наш новый друг, Ричард Купер, — сказал дядя по-английски. — Он американец.

Увидеть в те дни в нашей деревне американца было все равно что встретиться с марсианином. Я протер глаза — уж не сон ли это?! И все равно не верилось.

— Здравствуйте, мистер американец, — сказал я на самом лучшем своем английском языке.

— Здравствуй, — ответил он, протягивая руку, как взрослому.

Да, это был не сон.

— Я наткнулся на него, когда возвращался домой, — просто сказал дядя, разжигая огонь в очаге.

На столе валялся его мешок. Он был пуст. Значит, сегодня, кроме американца с грязным лицом и масляными пятнами, дядя ничего не припас. Американец дружелюбной улыбкой все больше располагал к себе. Пока дядя возился с очагом, я стал внимательно разглядывать Купера. При тусклом свете было заметно, как пот заливает его лицо и стекает на шею, хотя он и утирается все время рукавом рубашки. Было так интересно, что я даже забыл про пустой мешок дяди Сиано.

Я вытащил из комода чистое полотенце и подал американцу.

— Спасибо, — поблагодарил тот.

Я заметил, что у него не хватает переднего зуба, а на лбу шрам. И все же он был очень симпатичным малым.

Дядя оторвался от очага и попросил принести чашки для салабата.

— Это наш любимый напиток, — сказал он, разливая салабат по чашкам. — Салабат готовят из кусочков имбиря, а потом добавляют к нему тростниковый сахар.

Американец поднял чашку и осторожно попробовал. Он перевел дух, и по глазам его я понял, что салабат ему понравился.

— Хей, — воскликнул он, — вкусно, черт возьми!

— Я рад, — сказал дядя, — но это, к сожалению, все, что мы сегодня можем предложить вам выпить!

Он обнял меня и, показав на мою постель, спросил:

— Ты не будешь возражать, если Ричард поспит на твоём месте? Можешь лечь со мной, я расскажу, как нашел его.

Дядя знал мою слабость ко всяким историям. Я, само собой, согласился без звука.

Я во все глаза смотрел, как американец устраивается

на моем месте. Он не знал, что делать с ногами: они вылезали из-под противомоскитной сетки, образующей полог, да и матрац был для него короток. Но все же через несколько минут он уже храпел, правда, не так сильно, как отец. Это было спокойное и мягкое похрапывание, будто шум ветра, который проникал сквозь щели в бамбуковой стене. Захотелось спать, я зевнул, но все же продолжал с нетерпением ждать дядюшкиного рассказа. Он потушил свет и улегся. Как только я почувствовал, что он рядом, я понял, что дядя уже спит. Меня надули, но я не обиделся: видно, дядя жутко устал. Я знал, что он любит рассказывать всякие истории и удержать его могут только голод или невероятная усталость. Ничего, узнаю все завтра.

Наутро нас разбудил крик. Мы с дядей выскочили из-под сетки. Мы совсем забыли, что мама каждое утро будит меня раньше всех. Я приношу дрова и хожу кормить кур. Вероятно, как обычно, мама откинула сетку и, к своему ужасу, наткнулась на незнакомого человека.

Проворнее всех оказался отец. За ним выскочила тетя Клара, младшие сестренка и братишка. Они уставились на американца, а тот, в свою очередь, разглядывал их из-под москитной сетки. Дети хихикали, мама была бледна и взволнована, а тетя Клара с растрепанными волосами от удивления даже зажала ладошкой рот. Вид у всех был комичный, и я расхохотался.

Заметив меня и дядю Сиано, Ричард вылез из-под сетки. Дядя подошел к нему, а мы вытянулись перед ними, как в школе, когда учитель представлял нам нового директора.

— Позвольте представить вам Ричарда Купера, — начал дядя, — он американец.

Отец протянул ему руку, а младший братишка Педро — ему было семь лет — спросил у дяди Сиано, принес ли он хлеба или фруктов.

— Нет, — ответил дядя, — зато я принес вам американского летчика, — и гордо выпятил грудь.

— Было бы лучше, если бы ты принес поесть,— сердито вменялась тетя Клара.

— Не сердитесь,— обернулся дядя к Ричарду,— жена никак не может забыть нашего сына Мануэля. Его убили на Батаане. Когда она видит человека в военной форме, то делается сама не своя.

Американец промолчал. Мама подошла к нему и внимательно оглядела с головы до ног.

— Вам надо помыться, Ричард,— сказала она по-тагальски¹, английского она не знала.

Ричард вопросительно взглянул на меня, и я перевел, что она сказала.

Ричард поморщился, видно от боли, но, взглянув на грязные руки и ноги, ответил:

— Да, мадам, вы правы.

Он поклонился, и мы засмеялись, решив, что он шутит, а он просто осмотрел свои грязные брюки. Нам понравились его улыбка и голос. По его взгляду я понял, что мы ему тоже понравились.

Вечером отец и дядя заявили, что какое-то время Дик будет жить у нас.

— Наш долг укрыть друга,— торжественно произнес дядя.

— Он нам не друг,— возразила тетя Клара.— Не будь американцев, у нас не было бы войны, наш Мануэль...

— Клара,— заметил дядя,— ты никак не можешь забыть о своем сыне!

— Послушайте его,— вскричала тетя,— «о своем сыне»! Может быть, о нашем сыне?

— Ты права, Клара, но сейчас не время ссориться.

■

¹ Тагальский язык — самый распространенный язык Филиппинского архипелага.

— Он мне показался симпатичным парнем,— поддержала мама.— Я люблю людей с ясными глазами и приятным голосом.

— Он может спать в бомбоубежище,— продолжал дядя, так он называл щель, которую мы отрыли под домом.— Там удобно да и безопасно.

— Ты прав,— поддержал отец,— лучше не придумаешь.

— А я не хочу...— опять вступила тетя Клара, но внезапно осеклась: со двора по лестнице поднимался Ричард.

После мытья вид у него был куда лучше и свежее.

— Добрый вечер,— мягко сказал он.

— Добрый вечер,— ответил дядя.

— Добрый вечер,— отозвалась мама по-тагальски.

За ужином дядя рассказал, как нашел Ричарда на берегу реки Маламиг. Американец сидел в растерянности у водопада и не знал, что делать. Ричард добавил, что неделю назад во время налета на японский аэродром около Манилы его самолет был подбит. Он выпрыгнул с парашютом и приземлился возле каких-то гор.

— Несколько дней,— рассказывал Ричард,— я шел наугад, ел те фрукты, которые удавалось собрать. Однажды я поймал и съел дикого цыпленка.

Пока он говорил, мама не спускала с него глаз. Она не понимала ни слова, но ей нравилась его манера речи, его мягкое и грустное лицо.

— Из-за дозоров и патрулей я избегал больших дорог и шел через глухие места в надежде повстречать добрых людей вроде вас и молился про себя.

— Спроси его, он католик? — подтолкнула мама отца.

— Нет, я протестант,— ответил Ричард на вопрос отца.

— Он тоже верит в бога,— вывернулся отец,— и наш брат.

Мама улыбнулась, будто вкусила сладчайшего манго.

— Он славный,— заметила она.

Однако тетя Клара демонстративно встала из-за стола,

ушла в свою комнату и проплакала весь вечер. Ужин ее остался нетронутым. Я потихоньку стянул с ее тарелки куриный желудок, который любил больше всего. Ричард заметил и улыбнулся. Я почувствовал превосходство над своим братом и сестрами. Кто первым его увидел? На чьем матрасе провел он первую ночь?

После ужина мы с Ричардом спустились в укрытие, и он стал рассказывать про Америку, про огромные небоскребы и длинные мосты. Я начал расспрашивать его о Лбуне Рэнджере — Одиноким Скитальце, своим любимом книжном герое. Мы проболтали до полуночи, и Ричард разрешил называть себя Диком, как зовут его друзья дома.

Мама кликнула меня наверх. Пора было спать, да и Дик не мешало отдохнуть. При расставании Дик опять пожал мне руку, как взрослому.

Ночью мне снилось, будто я плыву в огромной лодке. Откуда-то льется музыка. Мы проплываем под высоким мостом, с лодки его не достать. Потом я вижу Одинокого Скитальца на коне. Конь поклонился, и я захохотал как безумный.

Наутро дядя Сиано заметил, что этой ночью я храпел куда сильнее, чем отец. Не иначе как из-за сновидения, подумал я.

Я рассказал Дику о своем сне, и он решил, что Америка мне должна понравиться.

— Как только вернусь домой, — сказал он, — я постараюсь, чтобы ты побывал в Америке и все увидел собственными глазами.

У меня запершило в горле от радости, я не мог вымолвить ни слова. Уже под вечер я поведал отцу об обещании Дика. Тот только улыбнулся в ответ — видимо, решил, что Дик пошутил. Я же верил Дику, верил, что когда-нибудь встречу с Одиноким Скитальцем, увижу длинные мосты и небоскребы Америки.

— До Америки десять тысяч километров, — сказал отец.

Я промолчал.

Как-то вечером дядя Сиано пришел с Никола́сом, нашим соседом. Тот был в партизанском отряде в горах. На боку у него болтался нож, говорил он шепотом и быстро-быстро. Я тихонько сел возле двери в комнату тети Клары: отец выгонял нас, если мы мешали вести серьезный, как сегодня, разговор.

— Сиано рассказал мне об американце,— приглушенным голосом сказал Николас.

— Ему нужно помочь,— ответил отец.— Он внизу, в укрытии. Хочешь с ним увидеться?

— Да.

— Я позову его,— вскочил я.

— Хорошо,— согласился отец.

Я помчался вниз. Дик сидел и читал старый комикс. Он уже перечитал все, что было в доме, даже мои школьные учебники. Стыдно признаться, но в нашем доме он не нашел ни одной интересной книжки. Отец никогда особо не увлекался чтением, а дядя предпочитал столярничать. Все книги, что были в доме,— это учебники или старые комиксы: я выменивал их на помидоры. Ради этого я их и выращивал.

Когда я сказал Диду о Николасе, он мгновенно вскочил и чуть не проломил головой настил над укрытием — такой он был высоченный — и помчался наверх, перепрыгивая через ступеньки. Я еле поспевал за ним. Когда я вошел в комнату, он уже беседовал с Николасом.

— У нас в лагере в горах Сан-Кристобаль,— говорил Николас,— есть радиопередатчик. Мы можем послать нужную информацию.

— Мне необходимо как можно скорее вернуться в часть! — взволнованно воскликнул Дик.— Я не могу сидеть на шее у этих добрых людей. Если японцы меня обнаружат, им придется плохо.

— Понимаю,— ответил Николас.— На прошлой неделе

японцы шарили по всем домам в районе горы Макилинг. Ходят слухи, что вы приземлились именно там.

— Если вы назовете ему свою фамилию и номер части, — вмешался дядя Сиано, — Николас попробует связаться с американцами в Австралии. Может, в очередной заход подводной лодки в залив Батангас они заберут вас. Это километров сто отсюда.

— Отлично, — ответил Дик и передал Николасу листок бумаги с нужными сведениями.

Николас ушел, а мы все спустились к Дику в убежище. Он снова стал говорить, как он нам обязан за приют и заботу.

— Вы хороший человек, — сказала по-тагальски мама, — мы вас все полюбили.

По выражению лица, по ее тону Дик почувствовал, что она говорит что-то хорошее, и поблагодарил ее. Но тут к нам спустилась тетя Клара. Она была очень взволнована, глаза красные, щеки покрылись пятнами — наверное, опять плакала. В руках она держала фотографию моего двоюродного брата Мануэля.

Она подошла к Дику и в упор посмотрела на него, затем поднесла к самому его лицу фотографию.

— Вот мой сын. Взгляните! Он был красивым мальчиком и хорошим сыном. Теперь его нет. Это единственное, что было у нас. Он мертв, и все из-за того, что...

Дядя кинулся к ней и схватил за руки:

— Ты с ума сошла, Клара, неужели ты не понимаешь, что Ричард тоже страдался. Ведь он теперь воюет и за нас.

— Но он... он жив, — рыдала тетя, — а мое единственное дитя, мой сын убит!..

Дядя Сиано повел ее наверх, и из их комнаты понесся свистящий шепот дяди и приглушенные рыдания тети Клары, будто она уткнулась лицом в подушку.

— Мне жаль ее, — сказал Дик, когда все ушли.

Вдруг над головой мы услышали стук сапог. Неприят-

ный звук. Так стучат только сапоги оккупантов. Их можно узнать по своеобразному шлепанию сапог, будто они велики и сваливаются с ног. Через минуту раздался стук в дверь.

— Кэмпэйтай! — заорал кто-то. — Военная полиция! Открывайте!

Дверь открыли. Я молил бога, чтобы это была не тетя Клара. Раздался отцовский голос, и мне стало легче. Все же я очень волновался, представляя, что может наговорить тетя Клара, если ее вдруг спросят.

— А, сеньор Ямамото, — произнес отец, — рады вас видеть!

Ямамото до войны владел кондитерской фабрикой в Сан-Пабло и обычно покупал у нас кокосовые орехи.

— Сеньора Ямамото борше не существует, Томас, — произнес он, — есть торко капитан Ямамото!

— Прошу извинить, капитан Ямамото. Чем могу быть полезен?

— Нескорько дней назад здесь спустился американский парашютист, мы осматриваем все дома.

Голос Ямамото узнать было невозможно, так он переменялся за войну. Он утратил всю свою слащавую любезность.

— Здесь никого нет, — ответил отец, — в доме живут только моя семья и родственники. При теперешних ценах лишнего человека и не прокормишь.

— Я борше не экономист, Томас. Я верный сруга императора и готов умереть, выпорняя свой дорг!

— Я имел в виду, что в доме, кроме семьи и родственников, больше никого нет. Вы же знаете меня, капитан Ямамото. Я никогда не надувал вас.

— Знаю, — сказал Ямамото, — вы всегда хорошо считали свои кокосы. Но... Впрочем, радно. Думаю, здесь все в порядке.

Он ушел, и стук шаркающих сапог замер вдали. Я помчался наверх. На маме не было лица, малыши попрятались за стулья. Интересно, как там тетя Клара... Я открыл

дверь в ее комнату. Она лежала на кровати, а дядя Сиано зажимал ей рот руками. Лицо ее все покраснело и покрылось потом, блузка разорвана — видно, она отчаянно сопротивлялась. Увидев, что вошел я, дядя отпустил ее, и она мгновенно вскочила.

— Дьявол! — сердито закричала она, поправляя юбку и разорванную кофточку. — Я же ничего не собиралась делать! Что ты кинулся на меня как бешеный?

— Никогда нельзя положиться на разгневанную женщину, — буркнул дядя и, повернувшись, спросил, ушел ли Ямамото.

Мы вместе вышли из комнаты. Оглянувшись, я заметил, что тетя Клара стала перебирать четки перед святым Антонием, заступником всех потерявшихся.

Через несколько дней за ужином дядя сказал, что следующей ночью должна прийти подводная лодка. Она подойдет к пустынному берегу залива Батангас со стороны Южно-Китайского моря. В это время года море обычно штормит. Я помчался к Дику. После того как к нам неожиданно пожаловал Ямамото, Дик больше не садился с нами за стол. Я носил ему еду вниз. За мной спустился дядя.

— Уходить надо пораньше, — сказал он, — и быть на реке до восхода солнца. Лодка с Николасом будет ждать у каменного моста. В залив Батангас необходимо попасть не позже одиннадцати часов вечера, к этому времени ожидается приход подводной лодки.

Дику, видно, было трудно говорить. Когда дядя ушел, я подсел к нему. Меня тревожило его молчание, но и мне самому разговаривать не хотелось. На душе было мутно, хотелось плакать.

— Не горюй, Криспин, — наконец заговорил Дик. — Как только я попаду на родину, я тут же пошлю тебе билет. Ты приедешь, станешь учиться, я же обещал тебе. Познако-

мишься с моими стариками. Они живут в Бруклине, неподалеку от знаменитых бейсбольных площадок, это в Нью-Йорке.

Я словно оцепенел.

— Я непременно напишу о тебе старикам из Австралии, расскажу, как вы спасли мне жизнь.

— Вы уезжаете... Мне будет скучно без вас.

— Разве не об этом мы мечтали с тобой, Криспин? Согласись, ведь это единственный шанс выбраться отсюда!

— Да,— грустно ответил я.

Я поднялся. Под ногами валялись комиксы, один был разорван. Я пнул его ногой, страницы разлетелись в разные стороны. Дик улыбнулся, но видно было, что ему нелегко.

— Я сдержу свое слово, Криспин, не волнуйся.

Но я не думал о его обещании.

— Прощайте,— ответил я, закрывая лицо руками.

— До свидания, дружище.

Я убежал в комнату, упал на матрас и залился слезами.

На следующий день, когда я проснулся, ни Дика, ни дяди уже не было. Мама после них домывала на кухне посуду. Стояло чудесное утро. Под лучами солнца золотились рисовые поля, над головой порхали птицы. Бывало, мне нравилось взять камень и метнуть его в живую цель; случалось, что я и попадал, но сегодня я безучастно наблюдал за их полетом. Подошел отец. Мы долго сидели молча, наблюдая за птицами.

Дядя вернулся только на следующий день вечером. Он был с ног до головы в грязи, на левом плече ярко выступал след запекшейся крови. Тетя Клара, увидев кровь, припала к его широкой груди и разрыдалась. Отец, вернувшийся со двора, куда ходил за водой, широко открыл глаза:

— Что случилось, Сиано?

— Неподалеку от города Бауана лодку обстреляли японцы, но нам удалось оторваться от них. Меня зацепило, но это пустяки.

— А Ричард? — спросила мама.

Тетя Клара бросила на нее гневный взгляд:

— Я не понимаю, Тина, ты ни о чем не хочешь думать, кроме этого американца. Тебя даже не трогает, что Сиано ранен. Посмотри, он истекает кровью.

— По-моему, ты преувеличиваешь, — заметила мама.

— У меня действительно все в порядке, — согласился дядя.

— А что с Ричардом? — спросил отец. — Он...

— С ним тоже все в порядке. Я видел, как его взяла подводная лодка. Теперь он в безопасности.

— Слава богу, — обрадовалась мама.

Дядя подошел к тазу. Тетя Клара вместе с мамой промыли рану. Она оказалась просто глубокой царапиной, но тетя Клара, начав бинтовать плечо, расплакалась.

В ту ночь вновь разразился ливень. Дождевые капли опять стали пробивать пальмовую крышу, но все спали как убитые.

Через несколько месяцев — это было в феврале — наш баррио освободили американцы. Мы все выбежали на улицу, надеясь увидеть среди них Дика, но его не было...

Однажды всей семьей мы направились к майору Джонсу, командиру американцев в Сан-Пабло, разузнать о Ричарде Купере. Тот долго копался в бумагах, выдвигал один за другим ящики стола и под конец заявил, что Ричард Купер в его бумагах не значится.

— Если я что-либо о нем разузнаю, — сказал он, — я дам вам знать. Оставьте ваш адрес и имя. Посмотрим, может быть, и найдем его.

— Ричард был чудесным человеком, — сказала мама. — Мы все его полюбили.

Майор улыбнулся, но ничего не понял. Мама, как всегда, говорила по-тагальски. Когда мы вернулись домой, тетя Клара хозяйничала на кухне.

— Есть какие-нибудь новости о вашем друге?

— Нет, — вздохнула мама, — ничего.

— Так я и знала, — усмехнулась тетя. За много месяцев я впервые увидел на ее лице улыбку. — Они всегда так делают, — убежденно продолжала тетя Клара, — ты им помогаешь, а они потом всё забывают.

— Ричард не такой, — твердо сказала мама.

— Он не забудет нас, — вмешался я, — я верю ему.

— Я не верю ни одному его слову, — возразила тетя. — Он сейчас в безопасности и ни о чем не хочет думать.

Пришел дядя Сиано и принес сласти. Теперь он работал в американском военном лагере и уже не приносил больше фруктов. Иногда, правда, в его мешке мы находили яблоки или виноград, но очень редко. Он вошел в кухню, и тетя Клара с победным видом заявила:

— Эти люди все еще верят, будто их друг помнит о них. — Она презрительно махнула рукой: — Если бы он был настоящим другом, то хоть весточку какую-нибудь прислал. Могу поспорить на новые босоножки, он больше никогда не объявится.

— Не так-то скоро идут письма, — робко заметил я.

— А может, он занят, — вмешался отец, — сама понимаешь, война!

— Он забыл вас, — безапелляционно отрезала тетя Клара.

Ужин прошел в молчании. После ужина отец с дядей спустились вниз к курам. Бомбоубежища как не бывало. Мы засыпали щель и поставили там новые клетки с курами.

После визита к майору Джонсу мне приснился сон, будто в блестящей форме с длинным мечом приехал Дик. Он улыбнулся, все увидели, что вместо дырки у него появился новый зуб. Мы улыбнулись в ответ. Тетя Клара была так потрясена, что даже бросилась к нему на шею. Все рассмеялись, а Дик взъерошил мне волосы и сказал, чтобы я собирался: сегодня вечером мы отправляемся в Америку.

Я вскрикнул и бросился к тете со словами: «Вот видишь! Что я говорил!» Она промолчала и отправилась на кухню. Судя по тому, как она напевала, у нее было отличное настроение. Тетя приготовила такой вкусный ужин, что Дик восхитился и заметил, что никогда в жизни не ел ничего вкуснее...

Я проснулся. Ставни были закрыты, в доме было темно. После такого красочного сна темнота показалась особенно невыносимой. С огорода доносился голос Марии. Я открыл окно, на дворе стоял яркий солнечный день. У порога я заметил американца, как ни странно, в штатском платье. Это был человек средних лет, в панаме, с тростью под мышкой и с коричневой коробкой в руках. Отец приказал мне быстро убрать матрац, а сам пошел открывать дверь.

— Заходите, — пригласил он американца.

— Я вас долго разыскиваю, — начал человек, заходя в самую большую комнату. — Я представитель американского консульства в Маниле.

— Чему обязан, сеньор? — спросил отец, принимая шляпу и вешая на гвоздь у дверей.

— Ваш адрес мне дал майор Джонс, — ответил американец. Он сел, поставил на пол коричневую коробку, а трость положил на стол. — Джонс сказал, что вы разыскивали Ричарда Купера.

— Yes¹, — вмешалась мама, когда услышала имя Ричарда. «Yes» — было единственное английское слово, которое она знала.

— У меня для вас новость. Я получил из Бруклина в Нью-Йорке от его родителей письмо. Они просят разыскать мальчика по имени Криспин де ла Крус и человека по имени Сиано.

— Yes, yes, — повторила мама.

— Криспин — это я.

■

¹ Да (англ.).

Из своей комнаты вышел дядя и представился американцу.

— Прекрасно, — сказал тот и вытащил из кармана пиджака письмо. — Вот письмо с инструкциями семейства Куперов.

Из кухни вышла тетя Клара и уставилась на человека, которого я принял поначалу за политического деятеля.

— Это по поводу Ричарда, — гордо заявила мама.

— Он приезжает?

— Подожди, — спокойно ответила мама, — послушаем, что скажет этот человек.

Американец открыл коробку и стал читать письмо:

— «Столярные инструменты предназначаются для Сиано. Томасу, его жене и детям — отрезы на платье. Томасу еще пиджак, а Кларе — светло-голубая блузка».

Сердце мое готово было выскочить из груди. Моего имени в письме не было. Ричард забыл обо мне. Но вот американец вытащил другое письмо.

— Здесь оплаченный билет в Нью-Йорк для мальчика по имени Криспин.

Голова моя пошла кругом. Казалось, будто я падаю с верхушки высокой пальмы. Затем пришла радость — радость подобно той, какую я испытывал, когда на рождество появлялся Санта-Клаус с подарками. Дедушка любил дарить нам разные игрушки и весело улыбался, когда его внуки бурно выражали свой восторг.

— А как с Диком? — спросил я.

— Господин Купер послал письмо родителям из Австралии. В нем он просил прислать все это.

— А где он сейчас? — задал вопрос дядя.

— В ноябре он был в группе бомбардировщиков обеспечения при возвращении американского командования на Филиппины.

— Так что же случилось? — настаивал дядя Сиано, все ближе подходя к американцу.

— Его самолет, к сожалению, был сбит.
— И он...
— Да, сеньор,— грустно подтвердил американец,— он погиб.

Мама зажала ладошкой рот, но не удержалась и заплакала. Я ухватился за руку дяди, она дрожала. Он не мог произнести ни слова.

— Я получил указания помочь Криспину в его поездке...

Человек продолжал говорить, но его уже никто не слушал. Сердце мое так стучало, что казалось, удары его разносились по всему дому. Расплакавшись, я выбежал из дому. На минуту показалось, что бомбоубежище все еще существовало, но куры захлопали крыльями, и я вернулся к печальной действительности. Я был потрясен.

Вернувшись, я увидел, что американец беседует с отцом и дядей. Тетя Клара была в своей комнате, и я пошел к ней. Мне захотелось сказать ей что-нибудь резкое за ее жестокость к Дику. Я застал ее молящейся. Увидев меня, она прервала молитву и нежно привлекла к себе.

— Он погиб на войне, как мой Мануэль.— И глаза ее увлажнились.— Да благословит его бог...

ГЛАВА 5

ПИЧУГА НА МАНГОВОМ ДЕРЕВЕ

В конце сентября вечера стали прохладнее, посветлели облака, и дожди стучали по крыше все реже и реже. Штормовые ветры, дувшие в августе с гор за озером Сампáлок, растеряли свою злость и ярость, дни стали мягче, нежнее и приятнее. На манговых деревьях напротив дома на месте цветов появились яркие желтые плоды. Сезон дождей подходил к концу.

Я закончил полоть помидорные грядки, уселся на верхней ступеньке лестницы и принялся уплетать сочное манго.

Солнце медленно катилось за вершушки пальм на горной гряде. От нечего делать я играл мячиком на резинке.

Из темной комнаты появилась мама. Шла она медленно, по выражению ее лица я понял, что она хочет сказать что-то очень важное. Я засунул мячик в карман, где уже лежала рогатка, и бодро заявил, что помидоры прополоты. Мне показалось, мама на мои слова не обратила внимания.

Она села на старую бамбуковую скамью и глубоко вздохнула.

— Криспин, для твоего отъезда почти все готово, осталось лишь сшить штаны, — сказала она, подгибая ногу и нагибая на нее юбку. — Полгода вся наша семья трудилась, чтобы собрать тебя в дорогу...

В ее голосе с хрипотцой звучала нежная грусть. Она тяжело дышала, будто после трудной и долгой работы. Я взглянул на нее и улыбнулся, улыбка вышла не очень веселой.

— Ты выглядишь очень усталой, мамочка.

— Нет, сынок, я не устала. Сядь поближе. — Она сняла ногу со скамейки, освобождая мне место, и обняла меня.

Я прижался к ее теплomu телу и почувствовал, как дрожат ее руки.

— Ты должен всегда и во всем оставаться добрым мальчиком, — мягко начала она. — Запомни, сынок: совершать добро всегда легче, чем вершить зло. Добрые дела облагораживают человека.

Я замер; только прерывистое дыхание выдавало мое внутреннее волнение. Сумерки, ее голос, руки, обнимавшие меня, скорая разлука, неотвратимая, как наступление ночи, бередили мне душу.

Мама, бывало, и кричала, и наказывала меня за разные шалости, но меня это мало трогало. Сейчас же я внимал каждому ее слову — так они были чисты и полны любви. В каждом слове открывался новый, особый смысл.

— Помни, сынок: каждый день, каждый час мы дума-

ем о тебе. Не забывай и ты о нас,— она перевела дыхание,— и главное, знай: ты всегда можешь рассчитывать на нашу привязанность и любовь.

Одинокая пичуга вспорхнула на ветку манго и запела немудреную песенку. Под впечатлением маминых слов песенка мне показалась тоскливой. Случись это вчера, я тут же выхватил бы рогатку и показал, какой я стрелок. Что делать потом с убитой птицей, я наверняка не знал бы, но мне необходимо было почувствовать себя победителем, отличным и метким стрелком. Мне и в голову не пришло бы, что я лишаю жизни это крохотное создание, но с сегодняшнего вечера во мне все переменялось. Стало жаль загубленных ради забавы птиц, захотелось прижаться к маме и выплакать на груди горечь, переполнившую сердце. Я почувствовал, будто постарел на сто лет.

— Я навсегда запомню твои слова, мама.

— Когда будешь там, за океаном,— снова с грустью произнесла она,— не забывай писать нам. Если вдруг ты усомнишься в чем-то, помни: мы здесь ждем твоих писем, ждем твоих вопросов.

— Конечно, мама,— ответил я уже бодрее.

Деревья превратились в огромные тени. Яркие плоды манго растворились в густой тьме. Солнце скрылось за вершины гор и покинуло нашу деревню, на землю спустилась ночь.

— Уже стемнело, сынок,— поднимаясь, сказала мама,— пора зажигать свет.

— Сейчас, мама.— И я зажег лампу от огня в очаге, на котором варился рис.

— Скоро отец придет,— заметила мама, поднимая крышку и пробуя, готов ли рис.— Пора накрывать на стол. Сходи за Марией, она у Сусанны, пришивает пуговицы к твоей рубашке.

Я отправился к соседям. Вновь раздалась песня запоздалой пичуги. Руки мои потянулись за рогаткой. Я прице-

лился. Да, прицелился, но это был жест расставания с прошлым. В рогатке не было камня. Она была пуста. Я бросил рогатку в кусты и зашагал к Сусанне. На душе стало так легко, что захотелось петь, вторя немудреной мелодии пичуги.

Мама... Снова образ ее возник передо мной, ее голос, ее нежные слова. Всем своим существом я понял: ничто, никакие тысячи километров не смогут никогда отдалить нас друг от друга. Маму и меня.

ГЛАВА 6

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОДАРОК ДЯДИ СИАНО

Утром, перед отъездом в Манилу, где мне предстояло сесть в самолет, на носу у меня выскочил прыщ. Прыщ, как насморк или смущение, скрыть невозможно. Все, конечно, за завтраком его заметили.

— Ты что, плохо спал, сынок? — заботливо спросила мама, наливая мне чашку какао.

— Подействовала жара да волнения перед отъездом, — высказал предположение отец.

— Нет, — возразила тетя Клара, она всегда должна была вмешаться в любое дело, — все это от несварения желудка.

Дядя Сиано, который всегда знал все на свете и мог ответить на любой вопрос, на сей раз не проронил ни слова.

После завтрака я пошел во двор на птичник. Я знал, туда придет дядя. Там были его бойцовые петухи. Он вычеркивал из жизни день, если не видел своих петухов, не знал, как они там, не простудились ли в дождливую ночь, не притупились ли их шпоры, не пропало ли желание рыться из клетки и рыться в земле. Словом, завтрак ему шел не впрок, пока он не убеждался, что петухи в хорошей боевой форме.

— Мне кажется утро прекрасным только тогда,— говорил он,— когда, встав с постели, я вижу, что жена по-прежнему хочет мне нравиться, а петухи хотят драться.

Дядя был философ. Одно время он даже работал в баррио учителем в младших классах, но бросил: не смог совместить учительство и философствование. Он утверждал:

— Проще научить петухов драться, чем удержать мальчишек от драки.

Тетя Клара потеряла всякую надежду отвадить его от петушинных боев. Что только она не делала! Каждый день она ставила свечку перед святым Петром, покровителем нашего баррио, умоляла, чтобы тот избавил дядю от этого порока, но все было напрасно.

— Ты обращаешься не к тому святому,— заметил как-то отец,— разве ты не знаешь, что святой Петр сам страстный любитель петушинных боев?

Тетя прямо почернела, а потом ходила несколько часов подряд, как воды в рот набрала. Мама побранила отца за непочтительные высказывания в адрес святого. Но он только улыбался в ответ. Отец рассказал обо всем этом дяде, тот просто катался от смеха. Он продолжал хохотать и когда остался один...

Выйдя во двор, я увидел, что дядя сидит на корточках и обкуривает сигаретным дымом белого петуха. Среди петушатников ходит поверье, будто от сигаретного дыма петухи звереют. Дядя был другого мнения. К петухам он подходил тоже с философской точки зрения. На этот счет у него была своя теория. Он как-то объяснял мне: от дыма голова у петуха слабеет, он начинает меньше думать и, как человек, становится жестоким, ему хочется драться.

Дядя привязал один конец веревки к ноге петуха, а другой к палке и воткнул ее в рыхлую землю, чтобы петух не сбежал. Я присел возле дяди. Он улыбнулся. Трудно было понять, то ли он рад моему приходу, то ли бодрому настроению петухов.

Я было собрался открыть рот и поведать о возникшей у меня проблеме, как он опередил меня:

— Помолчи. Я все знаю. У тебя появилась проблема. Так?

Я был сражен.

— Да,— подтвердил я.

— Любовь? Так, что ли?

Он опять выдохнул на петуха густую струю дыма. Тот как беженный мотнул головой.

— Да, дядя,— вздохнул я.

По тому, как он хитро подмигнул мне за завтраком, было ясно: он обо всем догадался. Ведь подмигивают обычно, когда дело касается любви.

— Ну расскажи,— поддержал он меня,— я люблю любовные истории. Все, что мне осталось теперь, это только слушать о любви.

Я снял деревянные башмаки, поставил их друг возле друга на мягкой земле и уселся на них. Дядя изловчился и поймал за хвост красного петуха. Тот начал яростно сопротивляться и царапать когтями землю. Это тоже входило в систему дяди. Когда петух царапает землю, он оттачивает когти. Тем временем я начал свою историю.

— Ты помнишь фиесту после сбора урожая? — спросил я больше для того, чтобы убедиться, слушает ли меня дядя. Мне казалось, он весь ушел в созерцание того, как петух буквально пашет землю острыми когтями.

— Как же не помнить,— со вздохом ответил он.— Там было так много очаровательных девушек! Мне стало горько, что я уже старик.

— Так вот, на фиесте я познакомился с младшей дочкой манга Теро́я.

Дядя даже не взглянул в мою сторону.

Я вновь спросил:

— Ты помнишь Лига́ю?

— Что за вопрос, конечно. Это та симпатичная девушка

с красными пятками. У нее застенчивая улыбка и нежное, как манго, личико. (Мне показалось, дядя как-то погрузнел.) Я повторяю: я уже старик, но все же Расскажи подробнее о себе и о ней.

Теперь он держал в руках своего любимца — белого петуха и гладил его перья.

— Я полюбил ее,— еле слышно произнес я.— Никого и никогда я еще так не любил. Это моя первая любовь, дядя.

— Первая? — взглянул он на меня.— А Роза? А другие?

— То была не любовь. Ты отлично знаешь. Это было... увлечение.

— Ладно,— легко согласился он.— Теперь это уже не столь важно. Так в чем же твоя проблема?

Солнце поднялось довольно высоко, а я все еще не полил помидоры. Нужно было, конечно, полить их раньше, но ничего, подождут. Сердце не ждало.

— Продолжай,— улыбнулся дядя.

— Лигая меня тоже любит,— с чувством сказал я.

— Так в чем же дело? — Дядя встал и направился за водой к колодцу.

Я поплелся за ним.

— Проблема не в Лиге, а в ее отце.

Дядя шел не оборачиваясь.

— А что отец? Ты что, не нравишься ему, что ли?

— Не совсем так. Он считает меня маленьким; потом, я уезжаю, а главное... он говорит, что достаточно хорошо знает ТЕБЯ. Он утверждает, что птицы из одной стаи...

Дядя остановился как вкопанный, глаза его сверкнули.

— Что! — воскликнул он.— Что он говорит обо мне?

— Он называет тебя повесой и говорит, что мы с тобой одной породы.

— Он прав,— вдруг спокойным тоном произнес дядя.— Я повеса, ты это знаешь, но он глубоко ошибается, если думает, что птицы только одной породы сбиваются в одну

стаю. Пусть взглянет на моих петухов, белых, красных — словом, всех мастей, как они дружно и счастливо живут вместе, хоть и разной породы.

Я расстроился: разговор явно принимал не тот оборот, мы всё больше и больше удалялись от темы. Я заговорил решительнее:

— Дядя, единственное, что я хочу перед отъездом, — это встретиться с Лигаей. Мне надо ее увидеть, ведь ты всегда понимал меня!

— А Терой не хочет вашей встречи, что ли?

— Ну конечно! Младший ее братишка говорил, что, кроме как в церковь, манг Терой вообще ее никуда не выпускает. Он побаивается, как бы мы не натворили глупостей.

— А ты что, собираешься, что ли?

— Ну что ты! — поспешил я с ответом. — Я так ее люблю!

Дядя вновь двинулся к колодцу, в раздумье покачивая головой, точь-в-точь как его петухи, которые расхаживали меж томатных грядок и раздумывали, клонуть помидор или не клонуть. На минутку я ужаснулся: мне показалось, что петухи слишком сильно повлияли на своего хозяина.

Наконец мы приблизились к колодцу, и только здесь дядя заговорил:

— Ты знаешь сам, денег у меня нет, ни купить, ни подарить тебе на память мне нечего. Я, конечно, мог бы взять у тети Клары немного денег и купить, к примеру, свитер, но я глубоко убежден, что ворованный подарок — это... все равно что вместо своей любви я подсунул бы тебе любовь другого.

Дядю опять потянуло к философствованию. Он присел на сруб колодца и совсем забыл, что петухи страдают от жажды. Он даже отставил ведро в сторону. Солнце пекло немилосердно; наверное, было уже часов десять. Я всей душой разделял чувства дяди. Денег действительно у него никогда не было, но он никогда не переживал от этого, и я

любил его за бескорыстие. Он рассуждал так: «У тебя нет денег? Пустяки! Это еще не значит, что ты бедняк. Просто тебе сейчас не повезло».

Примерно месяц назад над городом пронесся тайфун. Он с корнем вырвал много пальм и унес даже одну хижину. Вся деревня так или иначе пострадала от страшного урагана, но больше всех пострадал дядя. Тайфун разметал клетки с петухами, и они погибли. По мнению дяди, у него еще никогда не было таких отличных петухов. Все решили, что от такого несчастья он падет духом. Не тут-то было! Ни одной жалобы. Больше того, назавтра он начал подшучивать над тетей Кларой и клянчить в долг денег, чтобы начать все сначала. Тетя Клара, конечно, сердилась невероятно.

«Господь бог,— мрачно выговаривала она,— ниспослал на нас тайфун, чтобы наказать тебя за глупость, ты же хочешь, чтобы я способствовала твоей пагубной забаве? Никогда! Кто угодно, только не я!»

Дядя засмеялся. Это был лучший ответ тете Кларе. Она просто пришла в ярость. Тут уж мы не удержались от улыбки. В сердцах тетя выскочила из-за стола и выпила залпом стакан воды на кухне.

Дядя никогда не унывал и не терял надежды. Он в таком бодром настроении и чудесном расположении духа явился к своим друзьям, что те сами предложили деньги в долг на обзаведение петухами. Приди он к отцу Себастьяну, и тот ссудил бы ему денег, правда в хорошем настроении, если бы оно, конечно, когда-нибудь у него было.

Дядя был неисправимым оптимистом. Этот оптимизм и сделал дядю страстным поклонником петушиных боев.

«Сиано никогда не откажется от своей страсти,— как-то заметил отец,— он глубоко верит, что всегда окажется в выигрыше».

Но дядя выигрывал редко. Когда же с ним это случалось, он тут же накупал кучу всяких лакомств: фруктов,

печенья, сластей, однажды даже принес большую бутылку американского виски. И так всегда. Дороже всех денег для него была радость, которую он видел в наших глазах. В тех случаях, когда он проигрывал — утешался: авось своим проигрышем доставил небольшую радость победителю...

Мои мысли прервал его голос:

— Кристин, ты меня совсем не слушаешь!

Я смутился. Дядя встал и вытащил из колодца ведро.

— Петухи заждались воды, пора их поить.

Мы вернулись к курятнику.

— Ты начал рассуждать, что подарок не может быть ворованным, — напомнил я, — продолжай, я буду внимательнее.

Дядя присел возле плошек и налил в них воду, потом встал, вытер руку и глубоко вздохнул. Он снова сел на корточки, а я устроился рядом на деревянных босоножках.

— Да, Кристин, нет у меня ничего ценного, чтобы подарить тебе на прощанье. Я страшно переживаю все эти дни, но ты подал мне колоссальную идею.

Я впился в него взглядом, я даже не моргал, чтобы не пропустить ни слова, ни жеста.

— Я нашел выход. Мой тебе подарок — час времени, я дарю его на встречу с Лигаей. И я подарю этот час, хочет этого Терой или нет!

Я задохнулся от радости. Мне хотелось прыгать и кричать, но губы мои только беззвучно шевелились. Я кинулся дяде на шею и стал его целовать.

— Хватит, — прервал он мои нежности, — тебе пора поливать помидоры, а мне надо побыть одному с петухами. Завтра перед отъездом ты получишь свой час.

Всю ночь я не сомкнул глаз, все думал о дяде, этом удивительном человеке. Я никак не мог понять, отчего он не богат, ведь он такой умный. Я как-то спросил его об этом, а он ответил, что, мол, богатые люди — все очень некрасивые. Я удивился и пошел за ответом к отцу.

«Красота не во внешности,— ответил отец,— а в сердце».

Я еще больше был озадачен, но промолчал, решил, что вырасту — пойму.

Я стал думать об отце Лигаи. Он был богат, но это не делало его счастливым. Я чувствовал, что между богатством и счастьем есть какая-то обратная связь, но думать об этом не хотелось. Все же в памяти всплыл случай, как манг Терой однажды вылез произносить речь. Дело было во время фиесты, вся деревня веселилась на празднике урожая. Он говорил так долго, будто в речи своей видел единственную отраду в жизни. Он не желал замечать, что безмерно всем надоел. Люди посматривали на часы, даже трясли их, зевали, потом стали выбираться из толпы. Только тогда Терой опомнился и стал гневно выговаривать собравшимся. Когда же хотел уйти я, он так заорал, что я даже присел от страха. Наверняка он невзлюбил меня с того случая.

В баррио все боялись не угодить мангу Тeroю. Он был самым богатым, и к нему частенько ходили занимать деньги, особенно перед урожаем, в самое трудное время для крестьян. Манг Терой был жестоким и бездушным ростовщиком, все это знали. В тот день люди вынуждены были терпеть его болтовню, хотя всем надоели его разглагольствования о политике и других бесполезных вещах, вроде как важно по науке ухаживать за буйволами, чтобы те давали больше удобрения, и прочее и прочее.

И все же, когда он проговорил час, потом другой, третий, всех охватил охотничий азарт: сколько же он может вот так молотить чепуху!..

Так размышляя о Лигae и ее отце, я прислушивался к разговору дяди Сиано с папой и мамой на кухне. Час был поздний, керосин в лампе кончался. Меня отправили спать пораньше: завтра предстоял трудный день; но пережитые за день волнения мешали уснуть. Я вертелся в постели, размышляя об одном и том же: завтра целый час я буду с Лигаей. Как дядя это устроит, я не знал, он не делился своими

планами, но я был уверен: уж если дядя обещал, никто не сможет помешать ему — ни тайфун, ни пожар, ни даже тетя Клара.

— Я должен сделать это! — громко воскликнул дядя. — Это единственное, что останется у него на память обо мне.

Я наострил уши.

— Пойми, это бессмысленно, — мягко заметила мать, — они же дети. Криспин уезжает, она остается здесь. Кто знает, когда он вернется, да и будет ли помнить о ней. Ты же знаешь Криспина.

У меня начало зудеть правое ухо, и я яростно стал чесать его.

— Тина, нет ничего прекраснее, чем любовь в юности, — отвечал, вздыхая, дядя. — В такой любви самое очаровательное — миг расставания.

— Каким был, таким и остаешься, — заметил отец; я представил смеющиеся глаза отца. — Любовь... Только одна любовь, Сиано.

— Помнишь, Томас, ты еще тогда ухаживал за Тиной, а твой отец вдруг решил, чтобы ты ехал на Минданао¹. Помнишь? — обратился дядя к отцу. — Тина так рыдала, что слышно было на другом конце баррио. Тот день вы запомнили на всю жизнь. Или я не прав? Это был чудный миг, вы вдруг поняли, что страстно любите друг друга. Вы не думали тогда, увидите ли вы еще когда-нибудь или нет, вы просто любили друг друга. Разве тот день не был самым великим днем в вашей жизни? Только одно воспоминание об этом...

— Перестань, — взволнованно прервала его мама, — ты заставишь меня разреветься снова.

— Он прав. То было прекрасное время, — мягко заметил отец.

■

¹ Минданао — большой остров на юге Филиппинского архипелага.

— Чудный день! — согласилась мама.

— Вот видишь, Тина, — подхватил дядя. — Что я хочу? Я хочу, чтобы Криспин увез в своей душе подобные чувства и хранил эти воспоминания вдали от дома.

— Но как это сделать? — спросил отец. — Уж кто-кто, а я-то знаю Тероя. Он блюдет свою дочь почище, чем мать-настоятельница женского монастыря своих послушниц.

— Ничего нет проще, — улыбнулся дядя. — Перед отъездом в Манилу мы устроим что-то вроде небольшой прощальной встречи, так сказать, прощальный обед. Пригласим людей, пригласим и Тероя.

— Так он просто к тебе и пойдет! — усомнилась мама.

— Ты пригласишь всю деревню. Придут все, да еще захватят с собой что-нибудь. Тероя я беру на себя. Я ему просто скажу, что он окажет нам честь, если согласится быть главным гостем. Я попрошу его произнести от имени всего баррио напутственное слово. Посмотрим, откажет он или нет.

— Гениальная идея! — развеселился отец.

— Тебе бы, Сиано, заниматься политикой, — улыбнулась мама.

Из комнаты тети Клары раздался голос:

— Не пора ли тебе спать, Сиано?

— И то верно, — поддержала мама.

Отец рассмеялся.

— Ты права, Тина, — согласился дядя.

Свет на кухне погас, дом погрузился в темноту. Вскоре раздался храп отца; я же все продолжал думать о Лиге, о плане дяди Сиано, о том, что ждет меня завтра. Спать не хотелось, мысли вертелись вокруг предстоящей встречи. Я был необычайно возбужден, счастье распирало меня. Хотелось, чтобы утро пришло как можно скорее.

Закукарекали дядины петухи, возвещая, что первые лучи солнца показались из-за вершин Сан-Кристобальских гор и упали на озеро Сампалок.

Всю ночь я не сомкнул глаз, но усталости не чувствовал, так, небольшую вялость, будто выпил ламбаного¹. Это была приятная слабость.

Я пошел умыться. Мама уже хлопотала на кухне. Мария с тетей на огороде рвали зелень к завтраку. Багаж был уложен и ждал отправки на станцию. Мой дорожный костюм и ботинки лежали в маминой комнате на кровати. Все решили, что в Манилу со мной поедут только мама, отец и дядя Сиано. Остальные останутся дома. Нас было так много, что поездка в город просто разорила бы семью. Я был готов к путешествию за океан.

За завтраком дяди на месте не оказалось. Тетя стала выглядывать в окошко — уж не задержался ли он у своих петухов, но его и там не было.

— Бьюсь об заклад на свою юбку, не иначе как он отправился занимать деньги на воскресные петушинные бои, — заявила она.

— Должен заметить тебе, Клара, — засмеялся отец, — прими я твой заклад, пришлось бы тебе щеголять по базару без юбки.

Мама едва сдержала смех, я тоже. Мы все знали, почему дяди нет за столом: он ушел приглашать на прощальную встречу манга Тероя. Мы ни слова не говорили тете, предпочитали, чтобы она ничего не знала до последнего момента. Тетя Клара была из тех, кто, как манг Терой, не мог держать язык за зубами.

Дядя как-то заявил:

— Во всем мире еще не изобрели таких средств связи, которые действовали бы быстрее, чем язык Клары.

Мы не обмолвились ни словом о Сиано и приступили к завтраку. Дядя появился часов в десять. Я был уже одет и ждал сигнала. Он сказал, что поезд в час дня, поэтому Тероя он пригласил к одиннадцати. Тот наверняка будет

■

¹ Л а м б а н о г — пальмовая водка.

в двенадцать. Это его обычная манера — опаздывать, он любит, чтобы его ждали.

Мы вышли из дома около одиннадцати. Все, конечно, придут к назначенному часу, но времени оставалось в обрез. Я не ошибся. Люди пришли точно, больше того, натащили всяческой еды и напитков, получился отличный пикник. Уж так у нас в Сан-Пабло было заведено: праздник одного был праздником для всех.

Нас сердечно приветствовали, дядя беспрерывно улыбался. Таким я его видел только на петушиных боях, когда вся арена радостными воплями приветствовала его петухов. Я шарил глазами, но ни Тероя, ни Лигаи не видел.

Дядя с добровольными помощниками поставил в тени развесистого мангового дерева несколько стульев — они предназначались для особо важных гостей. Солнце приближалось к зениту, припекало основательно.

Манг Терой появился часов в двенадцать. Началась суматоха. Все наперебой предлагали ему выпить, закусить, удобно посидеть под деревом, но он отверг все предложения и, встав, как монумент, решил, видимо, непременно начать речь.

Воспользовавшись суетой, я спросил дядю, не знает ли он, почему не пришла Лигая.

— А он и не собирался ее брать с собою, — спокойно ответил тот. — Не ты ли рассказывал мне, что он запретил ей с тобой встречаться? Поскольку пикник в твою честь...

Я должен был, к сожалению, согласиться с доводами дяди и сразу сник. Дядя это понял.

— Не робей, Криспин, моим планом это тоже предусмотрено.

— Дядюшка, не тяни, скажи, что делать, ведь времени осталось так мало!

— Иди за мной.

Он повел меня в бамбуковые заросли, где никто не мог нас услышать, и изложил план действий.

— Иди под дерево и садись на стул. Перед тобой встанет Терой и начнет свою болтовню. Как только он разойдется, вставай потихоньку и беги к Лигае. Она дома. Не бойся, тебя никто не увидит. Всю родню я пригласил на пикник, даже ее брат здесь — вон играет в прятки с ребятами. Терой уверен, что его отпрыск приглядывает за Лигаей; посмотри, он готовится начинать речь.

Я повеселел. Хотелось, чтобы манг Терой скорее заговорил. Я сел на стул, а дядя Сиано предоставил слово мангу Тeroю. Речь началась. Когда манг Терой увлекся так, что перестал замечать меня, я незаметно покинул пикник и помчался к Лигае. Дядя смотрел мне вслед. Я оглянулся. Взгляды наши встретились, и он вновь ободряюще подмигнул мне. В душе моей все запело.

У дома Лигаи я остановился под пальмой перевести дыхание. В окошке была Лигая. Сердце бешено заколотилось. Но тут я обнаружил, что она не одна, возле нее был отец Себастьян. У меня все оборвалось, последняя надежда рухнула. Я было хотел повернуть назад, как из-за другой пальмы послышалось:

— Псс...

Я оглянулся. Там был дядя.

— Отец Себастьян... — упавшим голосом начал я.

— Знаю. Потому-то я и здесь. Твоя тетка устроила мне грандиозный скандал, начала кричать, что я безбожник, мол, всех пригласил, а про отца Себастьяна забыл. По правде говоря, твоя мать приглашала отца Себастьяна, да он отказался. Я подумал: не иначе как Терой уговорил его посидеть в доме. И оказался прав.

— Что же теперь делать?

— Стой здесь. Попробую с ним потолковать. Смотри, как только он уйдет, беги со всех ног к Лигае и не теряй времени даром.

Дядя направился к дому. Не прошло и минуты, как они со священником появились на улице. Интересно, что такое

сказал дядя отцу Себастьяну, что тот кинулся из дома как на пожар?

Лигая увидела меня, хотела что-то сказать, но заплакала, и слов ее я не разобрал. Глаза ее были так печальны, будто она неожиданно узнала горькую весть.

— Только что здесь был твой дядя. Он сказал, что в баррио Сан-Исидоро умирает его дедушка и нуждается в последнем причастии. Отец Себастьян поспешил, дабы застать его в живых. Должно быть, это последняя просьба дедушки.

Я чуть не подавился, стремясь сдержать смех. Дедушка дяди умер лет десять назад!

— Не огорчайся, любимая!

Лигая продолжала ронять слезы.

— Я обо всем расскажу позднее. Пойдем к озеру. У нас почти нет времени.

Она накинула на плечи шарф, и мы, взявшись за руки, побежали. На озере было удивительно тихо и покойно, вода отражала голубизну неба, солнце стояло прямо над головой. В церкви ударил колокол: наступил полдень. Руки Лигаи были ледяными, в глазах стояли слезы. Я сам был готов расплакаться. Вспомнилось, как много лет назад отец должен был ехать на Минданао, как рыдала тогда мама. Лигая любит меня, решил я, любит по-настоящему.

— Я никогда не забуду тебя,— сказал я, робко касаясь ее щеки,— буду всегда писать, и ты будешь приходить ко мне в моих снах, там, за океаном...

Послышалось частое дыхание, но она не произнесла в ответ ни слова. Мы сели под бамбуком. Озеро было так близко, что я чувствовал тепло его воды, нагретшейся за день.

— Скажи мне что-нибудь на прощанье,— стал умолять я,— скажи только для меня, чтоб я запомнил твои слова навсегда...

Губы ее вздрагивали, на глазах дрожали слезинки, лицо было прекрасно печальным. Лигая со мной, она любит меня!

Обнявшись, мы долго сидели молча. Голова ее склонилась мне на плечо, снова слезы хлынули, как из ручья. Плечо стало мокрым. Пусть мокнет моя новая рубашка, пусть, мне не жаль! Я даже решил никогда не стирать ее, чтобы сохранить эти следы слез. Рубашка станет символом нашей любви.

Я выпустил Лигаю из объятий, взглянул на нее и сказал, что люблю, что любовь моя никогда не умрет. Глаза наши встретились, и взгляд ее проник мне в самое сердце. И не было в мире ничего прекраснее этого взгляда, этих нежных мокрых щек.

Время летело. Я ненароком взглянул на часы — подарок отца, — стрелка приближалась к чаю. Я вскочил как ужаленный, даже Лигая вздрогнула. Я снова нежно привлек ее к себе, и наконец она прошептала, что всем сердцем полюбила меня. За весь час это единственное, что она произнесла. Но я был счастлив. Ее голос, слова, взгляд заплаканных глаз — все это навсегда останется в моем сердце.

Подарок дяди Сиано был самым лучшим подарком в моей жизни!

— До свидания, — воскликнул я, — до свидания, любовь моя! Я буду любить тебя, где бы я ни был!

Я нежно поцеловал ее, она мило покраснела. На лице появилась застенчивая улыбка. Она улыбнулась вновь, уже смелее. Плеснула волна и отразила луч солнца. Он заиграл на лице Лигаи, я же кинулся назад, на площадь.

Там творилось что-то невообразимое. Люди почти обессили. Поезд ожидался с минуты на минуту, а Терой говорил и говорил. Я напомнил дяде, что уже почти час дня. Тот вздрогнул и озадаченно оглянулся. Что делать? Как унять Тeroя? Подойди он к Тeroю, тот взвывается, начнет спорить, потеряешь уйму времени. Но вот лицо его озарила улыбка — видимо, он нашел выход. Дядя достал листок бумаги, взял карандаш, что подарили мне подруги сестры, и что-то написал, потом попросил Марию передать записку

Терою. Тот только-только добрался до самой патетической части своей речи, доказывая, как важно для нашего бар-рио построить новую церковь бóльших размеров, чем нынешняя.

— Позор! — вопил он. — На площади для петушиных боев может вместиться пятьсот человек, а в церкви лишь триста!

Манг Терой прочел переданную записку и стал меняться на глазах, начал заикаться, суетиться, заметно нервничать. Голос его дрогнул, затряслись руки. Ослабевшим голосом он поблагодарил всех за внимание и затрусил в бамбуковую рощу.

Манг Терой скрылся, а мы поспешили на станцию. Люди, ошарашенные внезапным исчезновением манга Тероя, постепенно пришли в себя, подхватили и понесли мои вещи. Мы появились на станции буквально за минуту до того, как к ней подошел пыхтящий паровоз.

Расставание вышло суматошным. Братья и сестры кинулись ко мне, стали целовать, жать руки. Раздался предупредительный гудок паровоза; мама, папа, дядя Сиано и я поднялись в вагон. Поезд тронулся.

Вагон медленно плыл вдоль платформы, а я с интересом вглядывался в тех, кто пришел проводить меня. Вдруг я заметил манга Тероя. Он так махал руками, что едва ли желал мне доброго пути, скорее, грозил. На мой немой вопрос дядя загадочно улыбался.

Мама тоже обратила внимание на манга Тероя и спросила дядю:

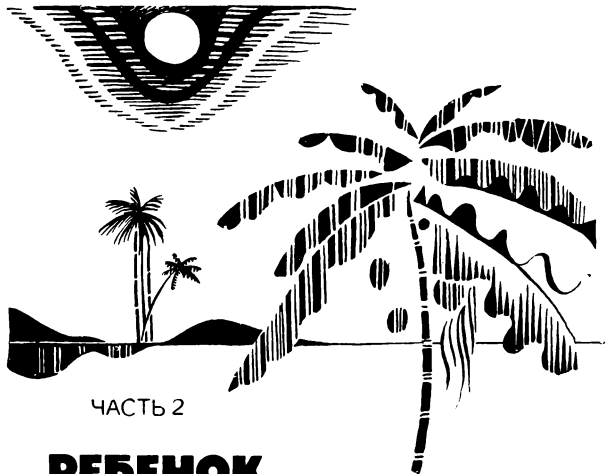
— Что ты там написал, почему он так волнуется?

Дядя наклонил голову и тоном победителя невозмутимо произнес:

— Да так, ничего особенного. Просто написал, что у него расстегнулись штаны.

Мама смутилась, отец захохотал, а дядя обернулся в мою сторону. Взгляды наши встретились, и он хитро подмигнул.

ЧАСТЬ 2

РЕБЕНОК БУДЕТ ИДТИ ВПЕРЕД ВСЮ ЖИЗНЬ

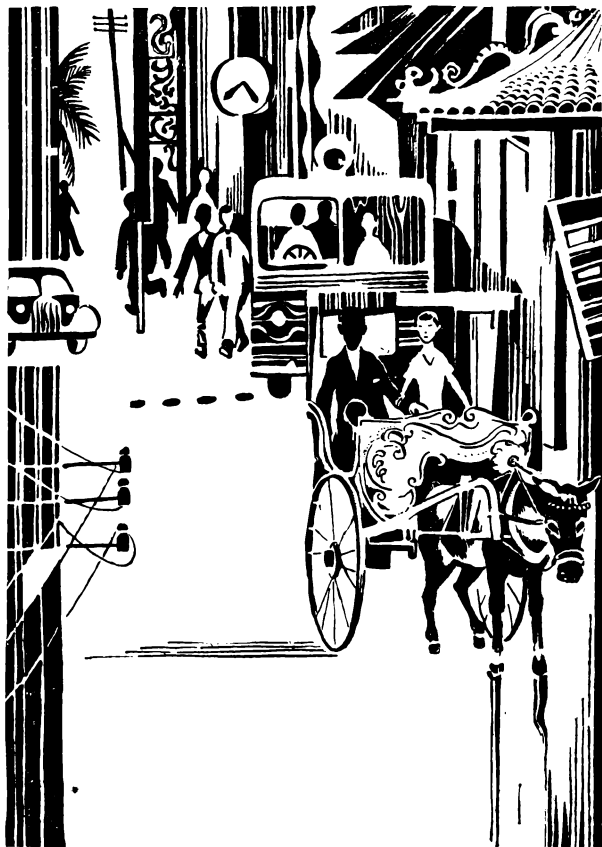
Горопливые, юркие волны, бурые проворные валы, шум и плеск воды,

Пласты разноцветных туч, одинокая длинная полоса рыжей охры — неподвижная полоса среди чистого пространства, Кайма горизонта, чайка, запах соляной топи и водорослей, выброшенных на берег,—

Все это стало частью того ребенка, который шел вперед, и сейчас идет, и будет идти вперед всю жизнь.

Уолт Уитмен

ГЛАВА 7

ПЕРЕЛЕТ

Поначалу Америка была для меня мечтой, яркой, далекой и неосуществимой мечтой, фантастической, как сказки дяди Сиано, которые он рассказывал нам во время войны, в тревожные темные вечера. После его рассказов мы долго не могли уснуть от страха. Мое воображение особенно поразил один рассказ про удивительное королевство жемчужин на дне озера Сампалок. Им правила прелестная, но одинокая русалка. Один раз в год выходила она из вод озера и своими чарами увлекала в под-

водводный замок кого-нибудь из юношей. Но то были сказки. Действительностью же были страдания тети Клары, убивавшейся по погибшему сыну, захваченная японцами деревня, грубые окрики солдат, удивительной красоты цинковки Марии.

И вот я в самолете, ревящем над Тихим океаном. За стеклом иллюминатора вода, серебристые крылья самолета и облака. Крылья сверкают на солнце, как мамины парадные кастрюли. Мы их видели только по большим праздникам или в исключительных случаях, например, в день счастливого спасения нашего дома от страшного тайфуна, или по воскресеньям, когда отец давал торжественную клятву никогда не делать больше ставок на петушиных боях.

Ночь в самолете показалась удивительно короткой. Я не мог сообразить, что происходит со временем и часами. Мы летели навстречу солнцу.

В мягком удобном кресле я вспоминал дом, мечтал об Америке. В голове была полная путаница, не разберешь, где грезы, где реальная жизнь. Вот море побелело, стали видны барашки на гребнях волн, а когда самолет прорезал слой облаков, оно засверкало, как в сказке, ослепительной голубизной.

Кто-то легонько тронул меня за плечо. Передо мной стояла высокая стройная девушка в голубой форме. Она мило улыбнулась, сверкая белоснежными зубами.

— Советую привести в порядок бумаги. В Гонолулу будет проверка документов иммиграционными властями,— и отошла с той же приятной улыбкой.

Я снял с верхней полки сумку, положил на соседнее свободное кресло и принялся вытаскивать паспорт, визу и другие бумаги. Переложив их в карман пальто, я вновь приник к иллюминатору. Под крылом стали появляться маленькие зеленые островки. Они всплывали будто из глубины ярко-голубого океана. Через минуту раздался усталый, но приятный голос стюардессы, усиленный микрофоном:

— Прошу пристегнуть ремни. Самолет идет на посадку в Гонолулу.

Оторвавшись от иллюминатора, я взялся за ремни. Вдруг со мной стало твориться что-то невообразимое. Казалось, все содержимое желудка подступает к горлу, хотя из-за тревожений в пути я почти ничего не ел. Я попробовал сесть прямее и закрыл глаза. Самолет резко устремился вниз; ощущение было ужасное, будто я летел в черную бездну с верхушки высокой пальмы.

После резкого толчка рев моторов стал стихать. Я открыл глаза, потряс головой, стало легче. Мимо прошла стюардесса:

— Готов?

Я кивнул головой и начал надевать пальто. Открылась дверь, и в самолет ворвался гул аэродрома. Придерживая рукой разбухший от документов карман, я двинулся к выходу.

На трапе я с удовольствием вдохнул мягкий прохладный воздух Гавайских островов.

— В вашем распоряжении два часа,— заметила стюардесса, стоявшая у борта.

— А который сейчас час?

Она взглянула на часы, пошевелила губами, будто что-то подсчитывала в уме, и ответила:

— Десять сорок утра, время гонолулское.

Я завел часы, потому что остановил их вчера, запутавшись в чехарде поясного времени.

Озираясь по сторонам, я медленно зашагал к аэропорту и чуть не налетел на мужчину средних лет в коричневом пальто. В руках у него был небольшой радиоприемник, из которого, к моему удивлению, лилась музыка, проводов же нигде видно не было. Мужской голос исполнял гавайскую песню под аккомпанемент укулеле¹.

■

¹ У к у л е л е — маленькая гитара.

О неважном самочувствии я мгновенно забыл. Музыкальный ящик был моей постоянной мечтой с тех пор, как я себя помню. От нахлынувших воспоминаний защемило сердце, захотелось домой. Человек с радиоприемником неожиданно обратился ко мне, видимо заметив мое любопытство.

— Артур Гóдфри,— весело произнес он.

Мама всегда мне внушала, чтобы я был вежлив с незнакомыми людьми, и я тоже представился:

— Меня зовут Криспин де ла Крус, сэр.

— Рад познакомиться, молодой человек.

Он взял приемник в левую руку, правую протянул:

— Гáрри Бэнтон.

Я пожал протянутую руку, про себя удивляясь, как это у человека два имени. Правда, я тут же вспомнил комиксы, которые мы с Ричардом читали, там у американских гангстеров тоже было по несколько имен. Ричард объяснял: это, мол, им нужно, чтобы скрываться от закона.

Хорошенькое дельце! Я натянуто улыбнулся и заторопился к паспортному контролю. Представитель иммиграционных властей просмотрел мои документы и остался явно недоволен: ему не нравилась причина, по которой я ехал в Америку. Он забросал меня вопросами. Мне он тоже не очень-то понравился. Еще в раннем детстве, если я не переставал реветь, меня всегда пугали полицейским: заберет, мол, полицейский и посадит в тюрьму, а там москиты, тараканы и крысы.

В растерянности я робко заметил, что в Америку еду из-за Ричарда Купера.

— Может, вы знавали его, сэр? Он во время войны был героем.

Чиновник уставился на меня немигающим взглядом:

— Где живет Ричард Купер?

— Не знаю, сэр,— у меня тревожно забилося сердце,— он уже умер.

Человек воззрился на меня, потом грубо захохотал.

— Послушай, Гарри,— позвал он человека, стоявшего за моей спиной у другой стойки.— Я слышал сотни причин, по которым люди стремились в Америку, но этот парень превзошел всех.

Я обернулся и сразу узнал в человеке своего знакомого с приемником и двойным именем. Чиновник вновь захохотал, а мой знакомец Гарри-Артур, оставив приемник на стойке, направился к нам. Выслушав от чиновника мою историю, он взглянул на меня.

— Ба, да это же мой приятель Криспин!

— Вы знакомы? — озадаченно спросил чиновник.

— Конечно!

— Вот это промашка,— протянул чиновник.— Так ты, парень, знаешь моего босса?

Потрясенный, я молчал. Я был готов разреваться, пока Гарри-Артур и иммиграционный чиновник рассматривали мои бумаги. Лицо у меня горело от страха и смущения. Это было похуже резкого снижения самолета.

Чиновники все еще разглядывали визу. Из приемника вновь полилась музыка. Тот же голос исполнял новую песню, ему вторила гавайская гитара. Музыка кончилась, раздались аплодисменты, диктор объявил:

«Вы слушали Артура Годфри и его знаменитый оркестр...»

Слова диктора отрезвили меня. Какой же я дурак со своими страхами! Рукавом я вытер слезы и уже смелее посмотрел на чиновника:

— Я еду в Америку, чтобы повидать родину моего друга Ричарда Купера.

Грубый чиновник ухмыльнулся, улыбнулся и Гарри. Наконец-то я почувствовал облегчение.

— Превосходно, мой мальчик,— сказал Гарри и шлепнул печатью по бумагам.— Теперь порядок,— произнес он и протянул руку: — Ты в Америке.

Я пожал протянутую руку и поспешно начал прятать в карман документы. Страх исчез, но я все еще не мог выдать ни слова.

— Добро пожаловать в США,— сказал Гарри, все еще улыбаясь.

— Спасибо,— ответил я неуверенно и двинулся в зал. Там стоял неимоверный гул человеческих голосов.

По радио вновь зазвучала гавайская мелодия, на сей раз пела девушка. Я весело начал рассказывать по залу. У меня появилось ощущение, будто я принял освежающий душ после жаркого и пыльного дня.

В животе заурчало. Только теперь я понял, какой я голодный.

ГЛАВА 8

ТРУДНЫЙ ВЫБОР

В Гонолулу в самолет сели два новых пассажира: мальчик и высокая худая женщина с золотисто-каштановыми волосами. Видно, ветер растрепал ее волосы, и рыжеватые пряди небрежно спадали ей на лоб.

Она сразу напомнила мне тетю Клару, когда та, целый день простояв на базаре с угрями и другой рыбной мелочью, возвращалась усталая домой...

Женщина медленно шла по проходу; казалось, что каждый взмах тонкими, худыми руками дается ей с трудом. Поражали ее густые брови и большие глаза, которыми она очень часто моргала, будто в глаз ей попала соринка. Она походила на киноактрис, игравших тяжелобольных женщин, так бледны были ее щеки и губы без кровинки.

Вряд ли кто-нибудь мог назвать ее красивой, но в скуластом ее лице с крупным носом и в грустной улыбке, не сходявшей с тонких губ, было какое-то обаяние. Мне она показалась усталой и очень одинокой.

Двух свободных мест рядом не оказалось, и мать с сыном разлучились. Мальчик сел возле меня, а мать — наискосок в другом ряду. Мальчик был бледен и худ, как мама, но костюмчик был тщательно отутюжен, каштановые волосы аккуратно причесаны. Глаза, большие, как у матери, были чуточку влажными, словно он только что вышел из кинотеатра, посмотрев фильм «Какой зеленой была моя долина!» или что-либо в этом роде. Мы с Марией смотрели этот фильм о великой любви и страшной гибели шахтеров под землей и горько плакали. Главный герой был очень похож на нашего Мануэля.

Мальчик дружелюбно улыбнулся.

— Ты китаец? — спросил он.

— Нет, филиппинец.

— А я — Дэнни. — И он снова улыбнулся, будто произнес хорошую шутку.

— Рад познакомиться с тобой, Дэнни, — ответил я, не решив еще, улыбаться мне или нет. Все же я решил улыбнуться.

— Ты летишь один?

— Да, — гордо ответил я, — от самой Манилы.

— Ты смелый. Я тоже должен был лететь один, да мама не пустила, ведь мне всего десять лет. Она решила ехать со мной.

— А куда вы едете?

— В Голливуд.

Я уставился на него и тут же начал припоминать всех мальчиков-артистов, что видел в голливудских фильмах. Лицо его мне ни о чем не говорило. Конечно, я не мог поручиться, что видел все картины, которые шли у нас, даже хозяин единственного в Сан-Пабло кинотеатра не мог бы похвастаться этим, и я спросил:

— Ты киноартист?

Разглядывая его красивый отутюженный костюм, я испытывал легкую зависть.

— Нет,— отрывисто сказал мальчик,— в Голливуде живет мой отец. Он писатель.

— Интересно,— протянул я, несколько разочарованный.

— Не очень,— задумчиво признал Дэнни.— У меня теперь появилась новая мать.

— Кто-кто?! — изумился я, хотя совершенно ясно слышал, что он сказал.

— Моя мама — вон она сидит — разошлась в прошлом году с отцом,— сказал мальчик.— Все это время я жил с мамой, а в прошлом месяце отец взял и опять женился.

Голос мальчика звучал грустно. Все, что он говорил, никак не укладывалось у меня в голове.

— Зачем же ты едешь к отцу?

— Судья решил, что я должен время от времени навещать его.

— А мама?

— Она говорит, что уважает закон.

Он помолчал, но, чувствуя мой неослабевающий интерес, продолжал:

— Мама довезет меня до Сан-Франциско — там меня встретит отец,— а сама поедет к дедушке. Дед живет в другом городе, у него удивительный магазин: можно купить что хочешь, даже голову акулы. Я очень люблю бывать у него в магазине.

Магазин меня совершенно не интересовал, куда интереснее отношения между его родителями. Все это было так неожиданно и совершенно непонятно. У нас в деревне у мальчиков не могло быть второй матери, пусть даже отец овдовев и женится вновь. Но в книжках я читал, что в Америке всего много,— стоит ли удивляться, что у американского мальчика две живые матери. Беседа прервалась.

Дэнни смотрел на мать. Та, поглядывая в зеркальце, поправляла прическу. Ей, видимо, было неудобно, зеркальце было совсем малюсеньким. Я перестал обращать на нее внимание, зевнул и закрыл глаза.

Но вот опять раздался голос Дэнни, и я открыл глаза. Он, видно, чувствовал неловкость положения и хотел что-то объяснить.

— Бедная мамочка, — говорил он, не сводя с нее глаз, — она так волновалась из-за поездки, так спешила привести в порядок мои вещи, что ничего не успела сделать для себя.

Я промолчал. Дэнни повернулся ко мне:

— У тебя есть мама?

— Да, но только одна.

— Она такая же красивая, как у меня?

— Да, — не без колебания ответил я; у меня чуть не сорвалось, что моя мама красивее.

— Погляди, она приводит себя в порядок.

Мать Дэнни подкрашивала щеки. Как только она накрасила губы, Дэнни окликнул ее:

— Мамуль, познакомься с моим новым другом, он — филиппинец.

Сердито поджав губы, она обернулась, но вот губы дрогнули, и на них вновь появилась грустная улыбка.

— Здравствуй, — сказала она, положив зеркальце на колени. — Как дела?

— Хорошо. — И я учтиво поклонился. — Рад с вами познакомиться.

Она вновь взяла зеркальце, и Дэнни спросил, что она так старается.

— Хочу сделать себя покрасивее, сынок, — ответила она, часто моргая глазами.

Дэнни подмигнул мне. Я засмеялся. Интересно, шутит она или нет. Я подумал об алинг Петре. Эта старая дева жила у нас в деревне и пела в церкви. Дядя Сиано утверждал, что в мире не нашлось ни одного мужчины, который отважился бы побыть с ней наедине, даже в темноте. И все из-за ее лица. Она, наверное, ничего не слыхивала про магическое действие пудры и помады.

— Ну, как я теперь, сынок? — услышал я громкий голос. Она сложила краски и убрала в сумочку.

Дэнни вновь подмигнул мне и внимательно посмотрел на маму.

— Нет, мамуль, не помогло, — и засмеялся, будто произнес веселую шутку.

Я не поддержал его. То, что он говорил, казалось мне правдой.

— Ты злой, — засмеялась женщина, принимая шутку сына.

— Повторяю, мамуль, не помогло, — сказал он настойчиво. — Скажи ей, дружище, — обратился он ко мне, — ведь она такая же красивая, как и была, не так ли? Ведь она самая красивая на свете!

— Просто злодей! — вновь рассмеялась женщина.

Я не знал, что делать. Я разбирал все слова, что они произносили, но смысл их мне был совершенно непонятен. Я оказался в затруднительном положении и не ведал, как из него выбраться. Ясно было одно: они счастливы друг с другом, этого было достаточно.

Я взял Дэнни за руку и спросил, не будет ли возражать его мама, если ей предложить поменяться местами.

— Спасибо, дружок! Ты очень любезен.

Я поднялся. Дэнни окликнул маму, и мы поменялись местами. Через минуту голова Дэнни уже покоилась на ее руках, он спал. Я взглянул на его маму. Щеки и губы ее уже не были такими бледными, но красивее она не стала. Я опять подумал об алиинг Петре, но мысли мои смешались, напала дремота, и я вскоре тоже уснул.

Меня разбудила стюардесса и попросила пристегнуть ремни. Я бросил взгляд на Дэнни, он все еще спал, и мама пристегивала его ремнями. Опять начиналось противное снижение, я ждал его с ненавистью. Самолет стал проваливаться; каждый раз у меня внутри все обрывалось. Ощущение было преотвратительное.

Самолет вновь нырнул вниз, моторы взревели, и Дэнни проснулся.

— Эй,— окликнул он меня,— мы ныряем! — и стал подражать звуку самолета.

Через минуту мы были над Сан-Франциско. Меня захватил вид ночного города, и я забыл про Дэнни. Подо мной была настоящая Америка. Здесь, по словам Ричарда, были самые длинные в мире мосты. Я спросил стюардессу, можно ли выйти из самолета. Та ответила, что самолет будет стоять пять часов. Была глубокая ночь, в городе я, конечно, никого не знал, мне ничего не оставалось, как ждать в аэровокзале, пока подготовят самолет к перелету в Нью-Йорк.

— Ты здесь выйдешь? — крикнул Дэнни.

— Собираюсь.

— Давай вместе?

— Ладно.

Он обернулся к матери, и глаза его вновь увлажнились.

— Мамуль, а *она* будет?

— Да, сынок. Думаю, что придет вместе с твоим отцом.

— Лучше бы мне остаться с тобой.

— Успокойся.— В голосе ее звучала нежность.— Мы ведь будем вместе даже раньше, чем ты думаешь. Как бы там ни было, твой отец хороший человек. Он будет добр с тобой.

— О нем я не беспокоюсь. Я боюсь... *ее*.

— Ничего! Я думаю, она достойная женщина. Она очень красивая.

— Красивее тебя?

— Да, сынок.

— Не верю! — твердо сказал Дэнни.— Совершенно не верю!

Она нежно шлепнула его по щеке:

— Ты настоящий изверг! Пошли, пора выходить.

Дверь открылась, и они встали со своих мест. Я двинулся за ними. Дэнни оглянулся.

— Не отставай,— попросил он,— будь с нами.

— Хорошо.

На летном поле чувствовался прохладный октябрьский бриз. Небо все было усеяно звездами. Я старался не отставать от Дэнни; он крепко держал мать за руку, будто не собирался отпускать ее от себя.

Мне очень хотелось увидеть отца Дэнни. Ведь он был из Голливуда, а в американских кинофильмах все в Голливуде были как на подбор красавцами. Поэтому хотелось увидеть живого голливудца, да и новая мать Дэнни очень интересовала меня.

Думаю, все это происходило из-за моего невероятного любопытства. Я любил смотреть на пожары, драки, разглядывать незнакомых людей — словом, все, что было новым и неожиданным.

Как-то отец застал меня, когда я подглядывал, как наш деревенский кузнец манг Бёрто бил свою жену. Отец всю дорогу до дому тащил меня за ухо, и, хоть дом был рядом, дорога показалась мне бесконечной. В тот вечер я слышал, как он кричал маме, что я унаследовал этот порок от ее сестры. По словам отца, тетя Клара была ходячей газетой. Из-за этого замечания мама не разговаривала с отцом до самого утра.

Аэровокзал сверкал всеми огнями и был полон народу. Громкоговорители не затихали ни на минуту. Окажись здесь дядя Сиано, он сразу вспомнил бы о тете Кларе. Мы зашли в зал ожидания. Мать Дэнни начала крутить головой и подниматься на цыпочки, а мы с Дэнни сели на длинную скамейку, на ней можно было даже спать.

Вдруг лицо матери Дэнни изменилось, мягкая улыбка мгновенно слетела с губ, глаза стали колючими.

— Они здесь, Дэнни!

Тот сразу вскочил.

Я смотрел, как они приближаются к нам. Он был человеком гигантского роста, в черном костюме. Шел он энер-

гично, и, не будь у него очков, я принял бы его за ковбоя, приехавшего из прерии в город. По мере их приближения Дэнни все крепче сжимал руку матери, лицо его становилось все печальнее.

Наконец я увидел ее и от удивления вытаращил глаза. Это со мной однажды уже случилось, когда дядя Сиано притащил в дом огромную, как лодка, рыбину.

Вторая мать Дэнни оказалась стройной и прелестной, как кинозвезда. Она даже была красивее девушек на обложках журналов, рекламировавших туалетное мыло. Затаив дыхание я замер. В жизни еще я не встречал такой красавицы. Сам Голливуд предстал предо мной в обличье этой молодой женщины. Единственное, что показалось мне странным, так это то, что она зачем-то обернула шею пушистым мехом, как шарфом.

— Как поживаешь, Дэнни? — спросил отец.

Красавица улыбнулась полными, яркими губами, но Дэнни на нее не взглянул. Он все еще цеплялся за руку матери.

— Не молчи, Дэнни, отвечай отцу, — сказала мать.

— Все нормально, папа.

Лица Дэнни я не видел, он стоял ко мне спиной.

— А как ты, Мэри?

— Ничего, так, по крайней мере, мне кажется. Устала немножко от полета.

— Представляю! — Отец повернулся к Дэнни: — Ну что, молодой человек, поехали?

— Шагай, Дэнни, — подтолкнула его мать.

— Нет!

— Будь умным мальчиком, — настаивала мать.

Я не спускал глаз с новой матери Дэнни. Как мне хотелось, чтобы здесь оказался дядя Сиано, уж он нашел бы нужные слова, чтобы описать ее прелесть; не зря он каждый год читал свои стихи в честь избранной королевы фисты в нашем баррио.

Дэнни отпустил руку. Мама наклонилась к нему и поцеловала. Он кинулся к ней в объятия, из ее огромных глаз хлынули слезы.

— Иди, сынок,— сказала она, не открывая глаз.

— Хорошо, мама! Хорошо!

— Какое самообладание! — заметил отец.

— Я рада была повидать тебя снова, Джордж,— сказала мать, смахивая слезы.

— Я тоже, Мэри... Кстати, это Вера.

— Здравствуйте,— сказала мать Дэнни.

— Привет,— ответила красавица.

Мать Дэнни отвернулась и пошла к выходу.

В душе у меня что-то дрогнуло. Мы были вместе всего несколько часов, но мне казалось, что я знаю Дэнни много лет. Я переживал за него всей душой. Вдруг раздался крик:

— Мамочка! Не оставляй меня с ними! Мамуля!

Мать оглянулась. Дэнни кинулся к ней. Отца это, видно, расстроило, красавица начала нервно поправлять на шее свой мех.

Мать прижала к себе Дэнни, он вновь расплакался.

— Мамочка,— рыдал Дэнни,— мамуля... она не такая, как ты.

— Полно, Дэнни, ты уже совсем взрослый,— попыталась она превратить все в шутку, но, видно, давалось это ей с трудом.— Иди, тебя ждут!

Она нежно поцеловала сына, потом еще и слегка оттолкнула от себя. Дэнни медленно двинулся к отцу, а мама быстро вышла из здания.

Я опустился на скамью; сердце бешено колотилось, слезы застилали глаза. Меня вдруг пронзила одна мысль: Дэнни оказался прав — его мать была действительно красивым человеком.

МОИ ОПЕКУНЫ

Когда мое семейство обсуждало, где мне остановиться в Нью-Йорке, у кого жить, в доме поднимался шум и гам, еще почище, чем в день выборов у нас на главной площади. Правда, с той разницей, что никто из нас не обижался, однако обвинений и колкостей хватало.

Упоминалось несколько имен знакомых и родственников в Нью-Йорке. Первого назвала мама: Пédро Алóнсо, ее троюродный брат. Он уехал из деревни двадцать лет назад, когда умер его отец, оставив ему кое-какие деньги. Он направился в Америку с твердым убеждением, что «деньги рождают деньги». Нам он не писал, но всегда к каждому рождеству присылал визитные карточки; однажды прислал даже фотографию с женой. Ее звали Сálли. По-американски его имя было Пит.

У отца нашлась своя кандидатура: его двоюродный брат Мартиниáно де Сántос. Он сбежал из дому, узнав, что родители хотят его женить на богатой, но некрасивой невесте. «Если мне понадобятся деньги,— заявил он,—я их спокойно заработаю в Америке». И уехал. Там он так и не женился. Узнав о бедствиях, постигших Филиппины во время войны, он тут же прислал кучу одежды, но мы так ее и не надели — одежда была рассчитана на холодные, вроде Америки, страны, а мы жили в тропиках. Посмотрев на эти толстые шерстяные вещи, мама заявила, что отцовский родственник слишком давно уехал из родной страны. Отец, прочитав имя покровителя, согласился с мамой: вместо Мартиниано де Сантос его родственник стал теперь Мартин д'Сант.

Дядя Сиано тоже назвал одного человека — он одно время дружил с ним в школе. Когда тот был еще подростком, его выгнали из школы. Молоденькая учительница, очаровательное создание, спросила его, что, мол, он собирается

делать с нулем¹ за контрольную работу, а тот встал и поцеловал ее. Один миссионер-американец увез его в Америку с надеждой исправить его, а сам взял да и умер, и остался дядин приятель один-одинешенек. Как-то дядя получил от него посылку с одними журналами, а в них полно фотографий женщин, причем все они были одеты так, будто в Америке перестали продавать верхнее дамское платье. К посылке была приложена записка: «Настанет день, и когда-нибудь я женюсь на одной из этих девчонок». Его имя было Ресститúто Фрúто, но, став американцем, он поменял его на Тútти-Фрúтти².

Кандидатура дяди была единодушно отвергнута не только из-за весьма сомнительной репутации, но и из-за нового имени. Мама не поняла его значения, но все же не могла сдержатъ улыбки; когда же дядя разъяснил ей смысл этих двух слов, она весело рассмеялась.

Конечно, тетя Клара всегда поддерживала маму. В тех случаях, когда в доме разгорался спор, женщины выступали единым фронтом. Видя, что отец остался в меньшинстве, дядя присоединил свой голос к его кандидатуре.

Однажды за ужином отец начал восхвалять достоинства своего двоюродного брата. Мама тут же распалилась.

— Криспину не подходит твой родственник, — безапелляционно заявила она, — он холостяк. Холостяки не могут быть хорошими опекунами для детей.

— Ты не права, — не согласился отец, вытаскивая кусок мяса из горшка. — Я знаю многих холостяков, они преотличные отцы.

— Что?! — завопила тетя Клара, широко раскрыв глаза.

Отец понял, что дал маху, и даже уронил на стол мясо.

■

¹ Самая низкая оценка, вроде единицы в нашей школе.

² Тутти-фрутти (итал.) — фруктовая смесь.

— Я не это имел в виду,— сказал он,— просто я хотел сказать, что есть одинокие мужчины, которые очень любят детей.

— Как, например, Иисус Христос,— тут же поддержал отца дядя. В спорах дядя всегда прибегал к веским аргументам.

— Молчи, безбожник! — ужаснулась тетя Клара.

Отец сердито взглянул на тетю:

— Сиано прав! — взял со стола мясо руками и принялся жевать.

— Конечно, для тебя Сиано всегда прав,— отрезала мама,— птицы из одной стаи...

— ...никогда не бросаются друг на друга,— отпаривал дядя и положил конец философствованиям мамы. С его точки зрения, для одной семьи вполне хватало одного философа.

Спор за столом становился все жарче, а ужин все холоднее. Мама встала из-за стола и удалилась на кухню, утирая разгоряченное лицо подолом юбки. Тетя Клара тут же последовала за ней. Они перешли в мамину комнату и начали молиться у домашнего алтаря. Так мама всегда успокаивала расхолодившиеся нервы. На отца это действовало.

Женщины уступили поле боя, и мужчины принялись за ужин; присоединился к ним и я. За столом царил молчание, даже отец ел суп без своего обычного прихлебывания. Дядя покачивал головой, будто сожалел о вспыхнувшей ссоре.

Из комнаты появились мама и тетя Клара. Отец посоветовал им все же доесть ужин, пока тот совсем не остыл, но они, игнорируя его заявление, молча проследовали к ведру с водой и выпили по стакану воды. Дядя жестом позвал за собой отца, и они спустились вниз, где отец когда-то сделал для себя бамбуковую лежанку. Только тогда за столом появились тетя Клара с мамой, поужинали они весьма плотно.

Вскоре снизу послышался смех. Я понял: отец и дядя пьют басы. Когда отец бывал не в духе, смеяться его могло заставить только вино.

Несколько дней в нашем доме стояла напряженная тишина. Мама не разговаривала с отцом, а тетя с дядей Сиано. Если одна сторона хотела спросить что-то другую, прибегали к моему посредничеству. Дело было не из легких, и я пожаловался дяде.

— И ты еще стонешь? — воскликнул дядя. — Ты что, забыл, что ли, что этот пожар разгорелся из-за тебя? Не будь этого проклятого скандала, я наверняка занял бы у тети Клары пять песо и сделал бы завтра ставку.

Разговор шел в субботу, а по воскресным дням в баррио устраивались петушиные бои.

— Поставь я завтра на белого петуха Тасио, — продолжал дядя, — наверняка выиграл бы. Грех не поставить на такого отличного петуха! Это все равно что собственными руками положить свой выигрыш в карман отцу Себастьяну.

Огорчение дяди было понятно. Он невероятно переживал, когда бывал уверен в выигрыше, а ставить было нечего. И во всем виноват я!

Отец вечером попробовал заговорить с матерью, но она не ответила. Как только он приближался к ней, она начала топтать ногами. После ужина она так зло топнула, что сломала бамбуковую планку и занозила ногу. Отец хотел было склониться и посмотреть, где заноза, но она мгновенно исчезла в своей комнате. В тот вечер посуду пришлось мыть мне с отцом и дядей.

В воскресенье, чтобы наладить отношения, отец и дядя Сиано решили пойти с матерью и тетей Кларой в церковь. Они шагали в полном молчании через всю деревню. Это было так странно, что все встречные оборачивались и удивленно глядели им вслед. В церкви отец так старался угодить матери, что даже не заснул во время проповеди отца Себастьяна.

После мессы отец Себастьян появился у нас в доме.

— Для нас это сюрприз, падре,— встретила мама его у порога.

— Хочу узнать, не могу ли я помочь вам,— ответил священник.

— В чем, падре?

Отец Себастьян поднялся в дом, сел возле окна и изо всех сил начал обмахиваться газетой, как веером.

— Мне показалось, что в этом доме не все благополучно,— начал он,— сегодня я видел в церкви Томаса и Сиано.

Мама отвернулась: чувствуя смущение, она не могла смотреть в лицо собеседнику.

— Да, падре,— сказала она,— у нас большая неприятность.

— Может, я могу быть полезен?

Отец с дядей в это время были в поле, ждали, когда отелится буйволица. Мама начала рассказывать о ссоре, тетя ей все время поддакивала, отец Себастьян внимательно слушал.

— Ну что же,— заметил священник, выслушав ее рассказ,— горю не так уж трудно помочь.

Тетя Клара села на скамейку напротив отца Себастьяна, мама под села рядом, я устроился на полу у их ног.

— Почему бы вам не написать Педро и не узнать, как идут у него дела, может ли он приютить Криспина, не трудно ли ему будет с мальчиком? Я посоветую Томасу написать двоюродному брату Мартиниано и спросить о том же. Потом уж решайте, чьи условия лучше. Это, по-моему, единственный выход.

Мама улыбнулась. За много дней на ее лице появилась широкая улыбка. У меня отлегло от сердца, будто после долгих дней шума и скандалов я наконец услышал ее нежную колыбельную песню.

Вечером мама обратилась ко мне с просьбой написать письмо в Нью-Йорк. Я, разумеется, не сопротивлялся. Она

сообщила дяде Педро много лестного обо мне,— я и не подозревал, что я такой хороший!

Наутро я услышал, как, устроившись на лежанке, отец диктует письмо дяде Сиано. Видно, отец Себастьян не терял времени даром. Как ни странно, на сей раз дядя с отцом безропотно приняли его предложение.

Возобновившиеся за обедом через мое посредство переговоры уже носили более дружественный характер. Раз или два отец обходил меня и сам обращался к матери. Та отвечала, но весьма сдержанно. Когда же отец во всеуслышание заявил, что адобо¹ из цыпленка «просто пальчики оближешь», мама улыбнулась. А дядя Сиано заявил тете Кларе, что не знает, как возблагодарить бога за случившуюся ссору,— после скандала лицо у нее стало нежнее молока.

— Изыди, сатана! — пробурчала тетя Клара.

Дядя Сиано засмеялся, а потом вдруг вспомнил:

— Да, секундочку, Клара! Не будь этой ссоры, я наверняка занял бы у тебя пятерку в прошлое воскресенье и поставил на петуха Тасио. Так вот, петух проиграл, считай, что мы заработали пять песо.

Мама не удержалась от смеха.

В нашем доме вновь воцарился мир.

Через две недели пришел ответ от дяди Педро. День был субботний, и я направлялся на речку купаться. Мама закричала мне вслед и замахала письмом. Какое там купанье — я пулей кинулся назад! Весь угол конверта был украшен синими и красными полосами, как американский флаг. Тетя показала на полосы и глубокомысленно заметила, что в Америке, мол, все такие патриоты, что это даже по конвертам видно. Она отложила шитье, села на пол возле скамьи, на которой восседал я с письмом, и приготовилась слушать. Мама бросила все дела на кухне.

■

¹ Адóбо — филиппинское национальное блюдо (мясо в соусе с уксусом и приправами).

В письме говорилось:

Дорогая сестра Тина,

я был очень рад получить от тебя весточку и узнать, что мой племянник Криспин, которого я еще ни разу не видел, едет в Штаты. Очень рад оказать ему гостеприимство. Мы с Салли женаты пятнадцать лет, но детьми не обзавелись.

Твое письмо доставило мне такую радость, что я даже повел Салли в цирк посмотреть классическую борьбу, до которой она большая охотница. После цирка мы отправились в итальянский ресторан, где ели, конечно, спагетти¹. Однако Салли заявила, что она готовит вкуснее, чем итальянцы, так что сегодня на обед я жду опять спагетти.

Квартира у нас достаточно просторная, и лишний человек не будет нам в тягость, мы будем очень рады Криспину. Я работаю официантом в огромном отеле, там пятьсот номеров, десять ресторанов и банкетных залов. Очень может статься, что через месяц я стану поваром и буду приносить домой денег побольше. Как видишь, Криспину у нас будет неплохо. Жена моя Салли тоже филиппинка, родом с Лейте², она прекрасная жена и хозяйка.

С наилучшими пожеланиями, и дай нам знать о приезде Криспина.

Твой брат Пит.

■
¹ Спагетти — итальянские макароны, самое популярное блюдо из итальянской кухни.

² Лейте — остров в центральной части Филиппинского архипелага.

Мама сидела как зачарованная. Письмо ее так захватило, что она не могла произнести ни слова, даже тетя Клара вынуждена была подтолкнуть ее.

— Клара,— сказала мама,— наш Педро, когда уезжал из баррио, мог произнести только «уес» и «по»¹, а теперь он написал целую страницу на английском языке. Ты можешь это себе представить?!

Тетя Клара улыбнулась и обратила глаза к потолку, будто собиралась возблагодарить бога. Потом мама, которая почти ничего не поняла из письма, попросила меня перевести его от начала до конца.

Я перевел, и она с облегчением сказала:

— Вот все и устроилось. Ты остановишься у Педро.

Вечером вернулись отец с дядей; они работали на дамбе, разрушенной последним тайфуном, и очень устали. Они внимательно прочитали письмо и промолчали.

Маме так не терпелось узнать мнение обоих, что, несмотря на их молчание, она спросила:

— Ну что, согласны?

— Не вполне,— холодно заметил отец,— подождем ответа на мое письмо.

На сей раз ссора не вспыхнула — видно, мама была очень уверена в своем выборе. Отец же был уверен в обратном, считая, что письмо от Мартиниано будет значительно лучше, нежели от Педро. Дядя Сиано воскликнул, что уже есть на что делать ставку.

Письмо от Мартиниано пришло через два дня. Был понедельник, и все разошлись по своим делам: тетя Клара на базар, отец с дядей на дамбу, а я в огороде поливал тыквы. Письмо было вручено маме.

Как только я услышал ее возглас, я со всех ног пустился к отцу, мне не терпелось узнать, что там написано. Узнав о письме, отец разволновался даже больше, чем мама.

■

¹ «Да», «нет» (англ.).

Наскоро отдав распоряжение помощникам, что и как делать, он пустился бегом к дому. Дядя из-за ревматизма безбожно отстал. Мы застали маму с письмом в руках, конверт не был распечатан. По заведенному отцом порядку письмо считалось личной собственностью, вскрывать его мог только тот, кому оно было адресовано. Дядя появился только тогда, когда отец уже начал читать. Тяжело переводя дыхание, дядя опустился на пол, отец же в волнении забыл про всякую усталость.

Дорогой Томас,

письмо твое пришло два дня назад, но меня не было дома, я был в поездке, поэтому немножко задержался с ответом. Как чудесно, если бы Криспин стал жить у нас! Квартира наша из трех комнат, и живем мы с приятелем Джо Пастором, он парикмахер в шикарном отеле «Уóлдорф Астóрия». Поскольку мне часто приходится бывать в поездках — я проводник в пульмане на линии Нью-Йорк — Калифорния, — Криспин мог бы оставаться с Джо Пастором. Джо — отличный парень, я ему во всем доверяю. А еще у меня есть подруга Кейт. Моя Кейт — великолепная девушка с рыжими волосами и карими глазами и стройна, словно бутылка из-под кока-колы¹. Правда, она немножко выше меня, но это пустяки.

Она тоже будет присматривать за Криспином в мое отсутствие: я ей всегда оставляю ключ от квартиры, и она без нас туда заходит, как к себе домой. Если приедет Криспин, свой ключ я отдам ему, и мы будем жить одной семьей.

Вот только что Кейт мне сказала, что согласна ухаживать за Криспином, так что ни о чем не беспокойся. Если она окажется заботливой нянь-

■

¹ К ó к а - к ó л а — освежающий напиток.

кой моему племяннику, значит, будет хорошей матерью и женой, мы будем с ней счастливы; если же нет, прямо не знаю, что и делать с ней.

Сообщи сразу, как выедет Криспин, Джо возьмет машину у хозяина, и мы встретим племянника в аэропорту как подобает. Кейт шлет всем привет, я тоже, особенно тебе, дорогой Томас.

Твой Мартин.

Отец стукнул кулаком по столу.

— Ну что, видите? — воскликнул он, будто открыл уникальное средство против саранчи. — Мартин, вот кто нужен Криспину! Да, он холостяк, но у него есть девушка с карими глазами и рыжими волосами, как на картинке, и письмо его длиннее, чем у Педро!

— Не выйдет! — воскликнула мама. — Они не женаты.

— Ну и что, — весело ответил отец, — зато в ней много кока-колы.

— Я люблю кока-колу, — заявил я, тревожно поглядывая на отца.

— Не суйся! — сердито одернула мать.

Я сразу умолк. Хотя весь спор шел из-за меня, но, по мнению мамы, это меня не касалось.

— К тому же у Мартина большая квартира, — поддержал отца дядя, — и хороший сосед Джо. Когда не будет Джо, за Криспином присмотрит Кейт. Что тебе еще надо?

— Но они не женаты, — настаивала мама, — это дурной пример для Криспина!

— Неважно, — возражал отец, — Мартин — мой двоюродный брат, он не даст Криспину сбиться с правильного пути!

В этот момент с базара вернулась тетя Клара. Услышав громкие голоса, она тут же взяла сторону мамы.

— Ты еще ничего не знаешь, — гордо заявил дядя, — пришел ответ на наше письмо. Оно тоже на английском языке и вдобавок длиннее, чем ваше.

— Нас это не интересует,— безапелляционно заявила тетя.— Вопрос уже решен: Криспин едет к Педро.

— Мы еще посмотрим,— ухмыльнулся дядя.

Мама тяжело опустилась на стул и горестно вздохнула.

— Я понимаю, Педро — троюродный брат, а Мартин — двоюродный,— медленно начала она,— но я предпочту троюродного двоюродному, если он добрый христианин, а тот дьявол.

Глаза отца вспламенились, будто у быка, которого со всей силы рванули за хвост. Он уселся напротив мамы и опять ударил по столу. Ваза, стоявшая на столе, опрокинулась и залила скатерть. Мама заплакала.

— Он не дьявол! — кричал отец.— Если у человека есть любимая девушка, это еще не значит, что он дьявол!

— Но они не женаты,— упорствовала мама сквозь слезы.

— Как Адам и Ева,— выдвинул свой аргумент дядя Сиано.

— Заткнись! — вспылила тетя Клара.

Я уселся в уголке на пол и попробовал отвлечься от их спора. Интересно, что собой представляет рыжеволосая подруга Мартина? Передо мной стали возникать образы всех рыжеволосых красавиц, что я видел в кино.

В ту ночь отец наверняка не спал ни минуты. Когда я просыпался среди ночи, то вместо его обычного громкого храпа слышал плач мамы. Мне приснился сон, будто у меня страшно разболелась голова, но вот появилась рыжеволосая девушка и начала нежно-нежно массировать мне голову. Боль прошла. На прощанье девушка подарила мне бутылку кока-колы.

Меня разбудили лучи солнца, упавшие на лицо. Когда я поднялся, все уже сидели за завтраком. На кухне стояла гробовая тишина. Протерев глаза, я помчался к колодцу умываться; видно, опять предстоит быть средством связи между враждующими сторонами.

Снова в доме наступила гнетущая тишина. Мама, очевидно, решила идти к отцу Себастьяну и предупредила меня, чтобы я поторапливался с завтраком — пойдем в церковь.

Дядя звонко рассмеялся, отец нахмурился, но не произнес ни слова, закусив губу.

Мы было собрались уходить, как у ворот остановился манг Гóрио, наш почтальон. Он размахивал заказным письмом для отца. Папа бросился к окну, а я побежал вниз. Пришлось расписаться за отца, письмо было от Мартина. Отец нетерпеливо вскрыл конверт и стал читать его про себя. Лицо его вдруг дрогнуло, налилось кровью, губы скривились в нервной усмешке.

— Что случилось, Томас? — тревожно спросила мама, забыв про ссору.

Отец не ответил. Он повернулся ко мне, передал письмо, сказал, чтобы я перевел его вслух, и вышел. Ко мне подошел дядя, мы стали читать вместе.

Дорогой Томас,

с тех пор как я отправил тебе письмо, со мной такое творится, что и не придумаешь. Я писал тебе о своей девушке, что она согласилась присматривать за Кристином. Так вот, она передумала. Мы с ней долго ругались. Она заявила, что не дурочка. Если мне нужна нянька к ребенку, то я должен поискать кого-нибудь другого, только не ее. Нечего, мол, болтаться твоему племяннику по дому, когда ты уедешь, и еще в таком же духе. Я так расстроился, что ушел из дома и напился. Представь себе, пропил 10 долларов, но все же до дому добрался на своих ногах. Как ни странно, ни Кейт, ни Джо не оказалось дома, я даже заболел от горя. Что будет дальше, не знаю, но сегодня я уезжаю в Калифорнию, а Джо пусть от-

правляется ко всем чертям и находит себе другого соседа.

Жаль, что все так случилось, но я жду Криспина в Штатах.

С приветом Мартин.

Я взглянул в окошко. Отец сидел на колодце и задумчиво смотрел на бамбуковую рощу. Вокруг порхали птички и распевали незамысловатые песенки под аккомпанемент поскрипывающего на ветру бамбука.

Вот к отцу спустилась мама. Она ласково отерла рукавом блузки пот с его лица и поцеловала. Отец улыбнулся.

— Ты выиграла, Тина,— сказал он с повеселевшим лицом.— Криспин будет жить у твоего Педро!

Подошел дядя Сиано и хлопнул отца по плечу:

— Не переживай за своего брата, Томас! Пропала его кока-кола, ну и черт с ней! Пошлем вместо нее несколько бутылок старого баса. Гарантирую, настроение у него улучшится.

Так в нашем доме закончилась долгая и жестокая распря.

ГЛАВА 10

В НЬЮ-ЙОРКЕ

Под крылом самолета был Нью-Йорк. В мягких лучах ноябрьского солнца подо мной проплывали гигантские башни. Их стальные шпили пронзали клубившиеся облака. Я вертел головой, стараясь получше разглядеть этот фантастический город. Мне в голову пришла крамольная мысль. Ведь, по Библии, господь бог разрушил Вавилонскую башню, а здесь не одна — десятки башен, и все они будто хотят обогнать друг друга в своем стремлении к небу.

Самолет стал снижаться. От возбуждения я забыл пристегнуть ремни, их я обнаружил, когда моторы остановились и пассажиры потянулись к полкам за вещами. Пухлая, средних лет, высокая дама в суматохе обронила журнал. Я взглянул на обложку, то была «Юная любовь». Подняв журнал, я хотел было вернуть его владелице, но она уже была у выхода. Так я получил первый подарок в Нью-Йорке. Я вновь подумал о Ричарде, о бомбоубежище, о читанных-перечитанных комиксах.

Все ушло в прошлое, стало воспоминанием, а Нью-Йорк лежал передо мною.

Первая волна пассажиров схлынула. С чемоданом в руках я двинулся к трапу. Стюардесса мило пожелала мне доброго пути, я улыбнулся в ответ. В лицо ударил свежий ноябрьский ветерок. Огромный шумный зал с множеством незнакомых лиц огорошил меня. Я растерянно озирался по сторонам, пытаюсь в многоликой и разноцветной толпе увидеть хоть одну знакомую черточку своих родственников — их я знал только по фотокарточке. Ко мне подошел негр и спросил, не потерялся ли я. Это был черный гигант с удивительно белыми зубами, сверкавшими в толстогубой улыбке.

— Нет, сэр,— ответил я, стараясь скрыть от вежливого господина свой страх.— Потерялся не я, а мои родственники...

Не успел я закончить свою фразу, как услышал женский крик и сразу понял — это тетушка Салли.

— Вот он! Вот он наконец! — кричала она, хватая меня за плечи и возбужденно оглядывая с головы до ног.

Черный человек тоже стал внимательно оглядывать меня — видимо, ему было интересно, что такое обнаружила во мне эта женщина. Тетушка оказалась невысокой толстенькой женщиной в шляпке. Она поцеловала меня, я почувствовал запах помады. Наконец появился дядя Педро и пожал мне руку. Он был чуть выше жены и значительно

толще. На красивом крупном лице улыбались глаза точь-в-точь как у мамы.

— Твой багаж, Криспин, принес этот носильщик? — спросил дядя, показывая на черного человека.

— Нет, сэр, — опередил меня гигант, качая головой. — Я подумал, уж не потерялся ли этот малыш, а может, еще что приключилось.

— Благодарю вас за беспокойство. — И дядя Педро дружелюбно протянул ему десятицентовую монету.

— Спасибо, сэр. — И человек отошел, улыбаясь.

По дороге в багажное отделение меня все время занимал вопрос: зачем это дядя дал десять центов, ведь человек ничего не сделал. Не иначе, дядя Педро богат, коль раздает направо и налево деньги.

Получив багаж, мы вышли на улицу. Передо мной возник гигантский гараж под открытым небом с сотнями машин разных цветов и марок. В жизни я не видел подобного скопления машин; я решил, что американцы никогда не ходят пешком, только ездят. Об этом я, конечно, не сказал ни дяде, ни тете. Мама не раз наставляла меня: «Не торопись; лучше ничего не сказать — пусть люди гадают, дурак ты или нет, чем брякнуть невпопад и дать им повод убедиться в этом».

У дяди оказался сверкающий серый автомобиль. В Сан-Пабло такую машину мог купить только один человек, тот, у кого было больше всех кокосовых пальм. Здесь, в Нью-Йорке, у простого официанта и такой автомобиль! Молчать больше я не мог, меня сжигало любопытство.

— Дядюшка, вы, наверное, очень богаты, — начал я, — раз у вас такая машина?

— Нет, Криспин, — ответил он, — просто у меня постоянная работа. Машина стоит триста долларов с рассрочкой на два года.

Что сказал дядя, я не понял. Я никогда не был силен в арифметике, но с умным видом кивнул головой.

Машина шла по красивому широкому шоссе. Мы въехали под мост. Резкий порыв ветра сорвал с деревьев листья, и они, кружась, осыпали машину. Я почувствовал волнение. Как-то в наш город приехал генерал. Жители начали засыпать его цветами. Мы с Марией стояли у обочины дороги, наблюдая церемонию. Генерал поравнялся с нами. Мария сорвала с платья бумажные цветы и кинула их в машину, угодив в генерала. Тот взглянул на Марию и улыбнулся, а соседи стали над ней потешаться, что, мол, вместо живых цветов она кинула в него бумажкой. Мария смутилась. Через несколько недель мы оказались в американских казармах, там шел новый фильм и показали, как встречают героев войны, вернувшихся домой. С высоких домов на них летели пачки бумаги. Листочки разлетались на ветру, осыпая героев. Мария сразу повеселела:

«Вот видишь, Криспин, это такой обычай — бросать в героев бумагой, не зря мне генерал улыбнулся! — Она немного подумала, а потом продолжала: — Я считаю, люди смеялись надо мной, потому что они... старомодны».

Новый порыв ветра разметал листья, и один листочек через открытое окно залетел в машину. Тетя его поймала и хотела выбросить, но я выпросил листок и спрятал в карман. Тетя Салли усмехнулась и покачала головой: она не понимала, какое значение этот лист имеет для меня. Я решил, как только представится случай, послать его Марии.

Дядя Педро всю дорогу почти не разговаривал; казалось, он обходится всего несколькими словами. Я начал сомневаться, уж настоящий ли он родственник тети Клары и моей мамы. Разговор в основном вела тетя Салли. Она обращала мое внимание на разные достопримечательности: на озеро Лейк Саксэсс, на небоскребы, на длинный, весьма впечатляющий мост Трайборо, на Ист-Ривер и многое другое, мимо чего мы проезжали. Она похвасталась, что наша машина может нестись со скоростью больше ста миль

в час¹. Я заметил, что мы часто проезжаем мимо дорожных знаков, запрещающих езду быстрее сорока миль, и спросил:

— Если закон запрещает ехать больше сорока миль в час, почему он не запретит выпускать машины со скоростью в сто миль?

Тетя удивленно подняла брови. Дядя ухмыльнулся и мотнул головой, хотя и не смотрел в мою сторону.

— Не знаю,— протянула тетя,— я как-то об этом не думала.

— Ну что,— весело проговорил дядя,— мои родственники — толковые люди?

— Кроме тебя,— отпарировала раздраженно тетя.

Я сообразил, что задал глупый вопрос, и умолк. Замолачала и тетя. Дядя улыбался во весь рот. Он даже стал изредка кидать украдкой на меня взгляды. Тетя заерзала на сиденье.

Дядя Педро жил в Манхэттэне, Вест-стрит, 67, в грязном на вид доме на четвертом этаже. Дом оказался без лифта, да мне он не был нужен, я привык лазать по высоким деревьям. Как оказалось, гаража тоже не было, и дядя поставил машину на улице по соседству с другими.

— Вы не боитесь, что с машиной что-нибудь случится? — спросил я.

— Нет. Она застрахована.

— Что это такое?

— Ты регулярно платишь в страховую компанию взносы; если машину разобьют или украдут, компания тебе выплачивает стоимость машины.

— Значит, за деньги компания берет на себя ваши заботы? — спросил я на площадке третьего этажа (тетя Салли, опередив нас, ушла вперед).

— Примерно так.

■

¹ Больше 160 км в час.

Я припомнил, как отец не раз утверждал, что заботы старят человека.

— Теперь мне ясно, почему вы так молодо выглядите! — заметил я.

Дядя был почти одного возраста с моей мамой, может, чуть-чуть старше, но выглядел значительно моложе отца и дяди Сиано. Дядя Педро ничего не ответил, мое восклицание его заметно озадачило.

Тетя Салли хлопотала у небольшого столика, выставляя угощение.

— Сейчас время кофе, — произнесла она, когда мы показались на пороге.

Мы были в столовой, из которой дверь вела в кухню. У стены стояла софа, как выяснилось позже, превращавшаяся при необходимости в кровать. За кофе к тете Салли вновь вернулась ее разговорчивость.

— Вот ты и в Америке, — начала она, разливая по чашкам кофе. — Теперь тебя будут звать Крис, так короче, а дядюшку твоего, запомни, зовут Пит.

Я согласно кивнул головой и взглянул на дядюшку Педро-Пита, тот пил кофе без сливок.

— Скажи мне, где ты собираешься учиться?

— В средней школе, тетя.

— Правильно, — одобрила она, — не то что некоторые. Научатся печь хлеб или работать простыми рабочими, а больше ничего не умеют и остаются в конце концов ни с чем.

— Вы правы, тетушка.

— Если бы у твоего дяди было среднее образование, он уже давно был бы старшим официантом или поваром.

— Я жду повышения в будущем месяце, — вступил в разговор дядя.

— Неважно, — отпарировала тетя, — было бы куда лучше, если бы ты был со средним образованием.

— Я умею читать и писать, — возразил тот.

— Этого мало! — рассердилась тетя. — Филиппинцы способные люди, они способны на большее, чем просто читать и писать.

Я смутился: не хватало еще, чтобы из-за меня и здесь возникла ссора. Меня поразил английский язык дяди и тети, американский по форме, но с филиппинской интонацией. Они жили в Америке уже много лет, одевались, даже вели себя как американцы, лица их приобрели какое-то своеобразие, отличавшее их от земляков. Они легко расставались с деньгами, легче даже, чем донья Консоласьон, пожертвовавшая крупную сумму на часовню у нас в деревне, и все же у меня все время вертелся на языке вопрос: вспоминают ли дядя Пит и тетя Салли свою родину, испытывают ли тоску по родным островам...

— Криспин сообразительный мальчик, — услышал я голос дяди. — Запомни: он мой племянник!

— Вижу, — опять рассердилась тетя Салли. — Он-то уж добьется большего, чем ты. Он вам докажет! Не так ли, Крис?

Я поспешил проглотить кусок печенья, сделал глоток кофе и согласно кивнул головой. От волнения я подошел к крану и выпил стакан холодной воды.

Дядя встал из-за стола и дружески хлопнул меня по плечу:

— Теперь ты живешь в моей семье, Крис.

С улыбкой я обернулся к дяде, но с другой стороны меня за руки взяла тетя:

— Ты живешь в нашей семье, Крис!

Дядя смущенно поцеловал жену. Инцидент, как я понял, был исчерпан. Мы перешли в комнату, заставленную множеством кресел. Пол комнаты покрывал толстый ковер, наверняка, чтобы не натирать его кокосовой скорлупой. Я никак не мог свыкнуться с необычной обстановкой. Я вспомнил, что читал, как Авраам Линкольн родился в бедной хижине, беднее самой последней лачуги в нашем

баррио, и решил: если он мог стать президентом, почему бы дяде не иметь сверкающего автомобиля?

Мои размышления прервала тетя, попросив рассказать о родине. Линкольн мгновенно вылетел из головы, и я начал рассказывать о папе с мамой, о гибели Мануэля и бедствиях во время войны, о Ричарде, которому обязан своим приездом. Добравшись до Марии и ее циновок, я вдруг вспомнил, что совсем забыл о подарках. Я бросился к чемодану и первой вытащил, конечно, циновку сестры, за ней светло-голубую шаль, блестящий батангский балисонг¹ с перламутровой ручкой и лезвием в шесть дюймов, баронг-тагалог² из хуси³ и набор салфеток ручной выделки в традициях северного Лусона.

Тетя как зачарованная не сводила с подарков глаз; она только легонько коснулась шали, будто перед нею лежала не шаль, а покрывало со знаменитой статуи Санта Марии, красы и гордости церкви в соседней с нами деревне. Как меч святого Мигеля, которым тот поразил страшное чудовище, дядя взял балисонг. Положив нож на журнальный столик, он не спускал с него глаз. Но вот дядя снял свою сорочку и надел баронг-тагалог. Филиппинцы надевают баронг-тагалог на фиестах и в других торжественных случаях. Рубашка пришлась впору. Я взглянул на тетю; она накинула на плечи шаль и собиралась что-то сказать, но перед нею возник дядя Пит:

— Ну как я, Салли?

— Чудесно! — И ее глаза блеснули. — Ты знаешь, Пит...

— Да?

— Ты, оказывается, у меня... симпатичный.

У дядюшки дрогнули губы, но он ничего не вымолвил

■

¹ Б а л и с о н г — складной нож.

² Б а р о н г - т а г а л о г — расшитая филиппинская рубашка.

³ Х у с и — ткань из волокна аванаса и шелка.

в ответ, только закрыл глаза и глубоко вздохнул, да так, что колыхнулось все его плотное тело. Наконец он промолвил:

— Спасибо, спасибо, дорогая.— Он нежно обнял жену, глаза его стали влажными.— Ты тоже очень мила.

Я с интересом наблюдал за всей этой сценой. Не отпуская рук дядюшки, с шалью на плечах, тетушка торжественно обратилась ко мне:

— Спасибо тебе, Крис, за подарки. Ты будто вернул нас на наши родные острова, мы вновь почувствовали себя молодыми.

— Да,— поддержал жену дядя.— Истинно, ты вернул нам молодость.

Сердце у меня дрогнуло, на глаза навернулись слезы. Я вдруг всем существом понял, как тоскуют эти люди по родине, которая лежит от них в двенадцати тысячах миль и которую они не видели уже двадцать лет. Мне захотелось домой.

— Тетушка Салли... дядя Пит...— начал я,— я... очень рад...— Я хотел было улыбнуться, но слезы хлынули из моих глаз.

ГЛАВА 11

В ПЕРВЫЕ ДНИ

В первые дни в Нью-Йорке я не выходил из дому, знакомился с квартирой; многое в ней мне казалось новым и неожиданным. Началось с холодильника. Я обнаружил в нем отделение, где вода превращается в лед, это натолкнуло меня на размышления.

Заметив как-то, что со дня моего приезда никто не берет кубики льда, я спросил дядю, для чего он держит в холодильнике лед.

— Да так, ни для чего особенного. Ну, если кто-нибудь

заболеет, мы кладем лед на голову, хорошо помогает при высокой температуре.

— И всё? — удивился я.

У нас на Филиппинах, где круглый год высокая температура, никто не пользовался льдом для лечения.

— Бывает еще, забудем поставить пиво в холодильник, а неожиданно нагрянут гости, тогда лед кладем в пиво, правда, получается плохо, пиво, разбавленное водой, я не люблю.

В тот миг и пришла мне в голову одна идея. Когда я остался один (тетя ушла в магазин покупать к зиме занавеси, а дядя — на работу), я решил произвести эксперимент: вытащил из морозильника лед, вместо него налил пиво, а бутылки с пивом из холодильника убрал в кладовку. Никто, конечно, не знал о моей проделке. Во всей квартире отделением для льда интересовался только я один. Но случилось так, что вечером в субботу к дяде пришел гость, средних лет филиппинец с идеально уложенными волосами. Тетя рассказала, что раньше у него было очень оригинальное имя — Роллáндо Поликáрпио. Приехав в Америку, он стал устраиваться на работу, и, естественно, ему пришлось везде заполнять разные анкеты. Как ни старался он, но никак не мог уместить свое имя в отведенной графе, оно не влезало. Тогда он понял: имя придется укорачивать, и стал Роли Поли¹.

Услышав, как дядюшка впервые назвал его Роли Поли, я не мог сдерживать улыбки. Роли был худенький, небольшого роста человечек с бледными, впалыми щеками. Он получил образование в Колумбийском университетском центре, в институте парикмахерского искусства, и всегда в бумажнике носил фотокопию диплома, из которого явствовало, что в 1936 году он окончил школу с высшей наградой. Роли обожал рассказывать всякие истории про разных зна-

■

¹ Рóли-пóли по-английски значит «пудинг».

менитостей, он долго работал *primo barbero*¹ в парикмахерской «Мабухай» в китайском квартале Нью-Йорка.

— Как-то вечером,— начал он,— я причесывал Бинга Крósби.

Я навести́л уши: имя это мне было известно по кинофильмам.

— Вы знакомы с этим человеком?!— возбужденно воскликнул я.

— Нет, паренек.

— Как же вы его причесывали?

— Очень просто. Его скальп приносил в парикмахерскую лакей.

Я вытаращил глаза. Дядя с тетей покатались со смеху. Шутки я не понял. Позднее, лежа в постели, я понял, что он имел в виду парик, и долго смеялся, уткнувшись в подушку.

Дядя Пит спросил Роли, что он будет пить.

— Пиво, да похолоднее.

У меня екнуло сердце. Только вчера я убрал все пиво из холодильника, в этом заключался мой эксперимент. Дядя пошел на кухню, я за ним. Он удивленно начал чесать в затылке: в холодильнике пива не было.

— Все дружно ахнули! — пробормотал дядя.

Он направился в кладовку, взял бутылку и собрался было лезть в холодильник за льдом, как я опередил его и сказал, что принесу лед сам.

Дядя вернулся в гостиную. Настал час моего триумфа. Я вытащил формочку, в которую накануне налил пива, высыпал кусочки льда в кувшин и появился в гостиной, когда дядя приносил свои извинения гостю за теплое пиво. Роли был не в претензии. Он сел на софу и стал ждать, когда я подам лед. Поначалу я ничего не сказал, но вот Роли заметил желтые кубики, скривился и произнес:

■

¹ Первый парикмахер (итал.).

— Это еще что такое?

— Роли,— с подъемом начал я,— не подумайте что-нибудь дурное, это замороженные кубики пива. Дядя Пит мне сказал, что от льда пиво слабеет, вот я и подумал: если вместо воды заморозить пиво, то...

Продолжать уже не было смысла. Роли сразу бросил в стакан несколько кубиков. Я замер в ожидании. Дядя с тетей сосредоточенно наблюдали за Роли. Открытые рты выдавали их волнение. После первого глотка глаза Роли посветлели. Он облизнул губы, расправил узкую грудь и выдохнул:

— Потрясающе!

У дяди сверкнули глаза. Он хлопнул меня по плечу, а Роли поднял стакан, будто собирался произнести тост.

— Ты толковый парень, Крис,— с энтузиазмом сказал он.— Ну и парень!

— Он из нашей семьи,— возбужденно произнесла тетька,— не удивительно, что он толковый!

Сердце мое отстукивало веселый танец. Дядя кинулся на кухню, принес бутылку и бросил несколько кубиков в пиво. Осушив стакан, он вновь хлопнул меня по плечу:

— У этого парня можно кое-чему поучиться! Как ты думаешь, Роли?

— Что за вопрос!

С этого вечера в холодильнике всегда хранился лед из пива, а гостей угощали теплым пивом со льдом по моему рецепту и рассказом о моей сообразительности. Филиппинской колонии я был представлен как «толковый», что в известной мере скрасило первые дни в чужой стране и смягчило тоску по дому, по родным и близким.

Пять дней в неделю с 9.30 утра до 5.30 вечера дядя работал в отеле; когда же его сменщик, тоже филиппинец,

болел или задерживался из-за игры в маджонг¹, дяде приходилось подменять приятеля и работать по вечерам. До моего появления тете частенько приходилось сидеть дома одной не только днем, но и вечером. Поначалу я не мог понять, как она переносит одиночество и скуку. В баррию мама всегда была занята то в огороде, то на птичнике. Здесь же, в Манхэттэне, весь огород тети Салли был в три горшка с кактусами величиной с мой большой палец, а кур и уток, ощипанных и выпотрошенных, она покупала в мясной лавке; кладя в кастрюлю — и готово. И все же тетя не страдала от одиночества. У нее было радио. Приемник работал с утра до вечера. Тетя обожала радио и никогда не уставала от него. Ей были известны имена всех популярных певцов и самые модные песенки. Она едва читала, но была в курсе всех последних событий — все это давало радио.

Самой любимой передачей тети были пятнадцатиминутные радиоспектакли. Шли они ежедневно в полдень, серия за серией. По утверждению диктора, передачи шли благодаря любезности компании «Спрингсуйт», производившей мыло.

В самый критический момент пьесы — например, когда героиня попадала в трагическую ситуацию из-за нелепого стечения обстоятельств: ее покидал возлюбленный и она принимала решение покончить жизнь самоубийством, — в пьесу вдруг врвалось пение:

Наше мыло — «Спрингсуит» —
Придает прекрасный вид:
Чтоб не наскучить вашим милым,
Мойтесь только нашим мылом.

Затем голос диктора приглашал послушать передачу на

■

¹ М а д ж о н г — азартная игра китайского происхождения, напоминающая домино и покер (нужно набрать определенную комбинацию костей).

следующий день, тогда станет ясно, что произойдет с героиней.

Тетя Салли часами размышляла над передачей и даже консультировалась со мной, расстанется героиня с жизнью или нет.

Я отвечал, что не знаю, меня самого начинала беспокоить судьба девушки.

Я втянулся в радиопередачи и с нетерпением ожидал очередные пятнадцать минут драмы.

Героиня не рассталась с жизнью. Верная подруга неопровержимо доказала, что возлюбленный не был виноват. Героиня поступает своей гордостью и решает ехать к возлюбленному в его студию в Гринич Виллэдж. Там она узнает, что расстроенный возлюбленный исчез, не оставив адреса. Убитая горем девушка чуть не попадает под машину на улице, все мысли ее о трагической любви. По пути домой она видит аптеку, ей приходит в голову мысль купить крысиного яду...

Снова девичий голос под нежную музыку призывает пользоваться «Спрингсуитом» и смывать грязь только мылом этой фирмы.

В тот день ни тетя, ни я почти не прикоснулись к обеду, хотя был «цыпленок адобо» и жареный рис с «сосисками Бильбао», я их просто обожал. Мы не находили себе места: не терпелось узнать: героиня купила яд травить крыс или отравить себя?

На следующий день тетя Салли забежала в магазин всего на несколько минут — боялась опоздать на радиопередачу. Диктор вкратце рассказал, что происходило в предыдущих сериях, и мы услышали тяжелые шаги: героиня возвращалась домой. Она положила крысиный яд на стол, мы замерли.

Тут героиня заговорила сама с собой. Она вспоминала счастливые минуты любви, особенно в душу ей запал день, когда она и возлюбленный попали под дождь. Они укры-

лись его плащом и все же вымокли до нитки. Это было такое счастье, что девушка разрыдалась. Наконец героиня задает решающий вопрос: «Женщина я или крыса?»

В доме стояла такая тишина, что был слышен каждый удар сердца тети Салли. Оно билось, как барабан морю в дни войны.

Перед девушкой вопрос стоял ребром: если она женщина, то должна навеки остаться старой девой, если крыса — то принять яд. Ее размышления прервал телефонный звонок. Звонок был не по пьесе, а настоящий у нас в доме. Не успел я попросить святого Криспина, моего патрона, чтобы тетушка не посылала меня к телефону, как та уже это сделала. Сердце рвалось на части, хотелось узнать о решении девушки: остаться старой девой или крысой, но нужно было идти. В душе на мгновение вспыхнула ярость: ведь тетя явно знала, что звонят не мне — кто меня знал в Нью-Йорке? — и все же заставила идти к телефону.

Я поспешно поднял трубку. Конечно, спрашивали тетю Салли. Я позвал тетю, но та ждала решения девушки. Я заорал:

— Это вас, тетя Салли!

Она подошла к телефону, недовольно бурча:

— Не могут позвонить, когда я не занята!

Я бросился на кухню, где стоял приемник, и попал как раз на пение: «Наше мыло — «Спрингсуит»...» и так далее.

Развязка была упущена. Мое огорчение трудно описать. Появилась разгневанная тетушка. Глаза ее метали молнии.

— Кто бы, ты думал, звонил? Миссис Торйбио! Звонила просто так, от нечего делать!

Она захватила конец песенки и беспомощно уставилась на приемник.

— Убила она себя или нет?! — в отчаянии воскликнула тетя.

— Не знаю. Я прибежал, а девушка уже пела свою мыльную песенку.

— Эта госпожа Торибио невыносима! — возмутилась тетя Салли. — Звонить по пустякам, да еще в абсолютно неподходящий момент!

Снова зазвонил телефон.

— Послушай, Крис! — сказала тетя и начала приближать к столу.

Я пошел к телефону. Вновь госпожа Торибио и опять спрашивала тетушку.

— Вас, тетя.

На сей раз тетушка направилась к телефону спокойно. Я наблюдал за ней. Она взяла трубку, и лицо ее мгновенно преобразилось. Губы скривились, будто она вот-вот скажет что-то обидное. На мгновение она потеряла дар речи, потом грохнула трубку и закричала.

Я решил, что произошло что-то ужасное. Наверное, госпожа Торибио околдовала ее. Я приблизился к тете и робко спросил, что произошло.

— Проклятая болтуня! — с дрожью в голосе произнесла она. — Хочет доконать меня!

— Что случилось?

— Это подло! Звонит и говорит, что она, мол, так хотела поговорить со мной, что забыла включить свою любимую радиопередачу. Если я слушала радиодраму, не знаю ли я, чем все кончилось, проглотила героиня крысиный яд или нет?!

Несколько дней я знакомился с городом, ходил с тетей по магазинам и на рынок. Супермаркет¹ в соседнем квартале произвел на меня удивительное впечатление — чего там только не было! Решить, какую сделать покупку, и то уже была целая задача. Я в жизни не видел такого коли-

■

¹ Супермаркет — универсам самообслуживания.

чества сластей, чеснока, свежего мяса и консервов, бутылок с содовой водой. Как только они все это прячут на ночь?

Достаточно было взглянуть на покупки тети, чтобы определить, в каком она настроении. Если была счастлива и довольна жизнью, то накупала свежие продукты, содовую воду и красивые разноцветные салфетки. Когда же была не в духе, сердитая или усталая, то брала несколько банок консервов и рулоны туалетной бумаги.

С базара мы зашли в аптеку на углу Бродвея и 72-й линии. Аптека, как и супермаркет, — просто фантастика! Это огромный магазин, где есть даже ресторан. В книжном отделе продавались маленькие книжечки знаменитых авторов вроде «Трагедий» Шекспира или Библии на английском языке. В кондитерском можно было купить лимонные драже, в табачном — табак и лезвия к безопасной бритве. Рядом был гигантский отдел, где продавались электрические лампочки, огородные инструменты, занавеси, удобрения, игрушки, пластиковый бассейн для купания детей — одним словом, все, что нужно человеку на все случаи жизни. Правда, я что-то не видел там гробов. И, наконец, в тесном уголке, еле заметном за игрушками и верхней одеждой, будто сам хозяин магазина стыдился его, приютился отдел, где продавались лекарства.

— Почему магазин называется аптекой? — спросил как-то я тетю Салли, когда мы покупали аспирин и бутылку магнезии.

Она наклонила голову, пожевала губами, внимательно посмотрела на удобрения и игрушки, что были выставлены в соседнем отделе, потом без долгих слов схватила меня за руку и прошипела:

— Идем отсюда, Крис! Я себя плохо чувствую.

Так до сего дня я и не знаю, почему американцы называют такие магазины аптекой.

ВИЗИТ В БРУКЛИН

Дело было вечером в субботу. Мы помогали тете мыть посуду на кухне после ужина. Дядя вдруг спросил, когда я собираюсь навестить стариков своего друга.

— Родителей Ричарда Купера?

— Да.

— В любое время,— заметил я, вытирая маленький соусник.— Мне их очень хочется повидать.

— Я могу тебя подвезти, только надо выбрать субботний или воскресный день, а может быть, какой-нибудь праздник.

— А ближайшая суббота тебе не подходит?

— Надо взглянуть на календарь,— ответил дядя, осторожно опуская на стол тяжелое деревянное блюдо, он его только что тщательно вытер.

Мы направились в кладовку. Чего там только не было: веники, тряпки, веревки, краски, куча разных инструментов, а на внутренней стороне двери висел любимый дядин календарь с цветной фотографией обнаженной девушки. На ней были только сандалии и шляпа-сомбреро. Под фотографией красовалась надпись:

СУВЕНИР

САМОГО КРУПНОГО МЯСНОГО МАГАЗИНА МАКА.

Только здесь самое лучшее мясо по ценам,
возбуждающим аппетит.

Посетите нас и вы убедитесь сами!

Распространяется бесплатно.

Пока я размышлял, какое отношение имеет голая девушка к мясному магазину, указательный палец дяди скользил по числам, добираясь до ближайшей субботы. Вдруг он резко обернулся и воскликнул:

— Все дружно ахнули! Салли! Ты знаешь, что в четверг День благодарения?!¹

Он повторил свое обращение трижды, пока тетя не откликнулась и не подтвердила, что действительно в ближайший четверг День благодарения.

Она поставила последнюю тарелку на полку над раковиной, вытерла руки и наконец повернулась к нам.

— Вы, мужчины, никогда не помните важных дат,— сказала она спокойно.

— Ха! — воскликнул дядя, шагая вокруг стола.— Я прекрасно помню дни полочки. Может, не так?

Тетя со вздохом села на софу-кровать и подобрала под себя ноги. Под тяжестью ее тела загудели пружины.

— Отлично. Можете ехать в День благодарения, вполне подходящий для визита день. А ты не работаешь в четверг?

— В отеле банкет, но я найду замену.

— Ты же потеряешь деньги, если не пойдешь на работу,— заметил я.

— День благодарения раз в году,— важно сказал дядя,— в этот день мы благодарим бога, можно и не работать.

— Спасибо,— обрадовался я.

— Во-первых, никаких «спасибо»,— заметил дядя.— День благодарения еще не наступил.

— Браво, браво! — засмеялась тетя.

Дядя Пит подсел к ней на софу. Пружины софы на сей раз промолчали.

— Крис, включи радио,— попросил дядя,— у меня появилось настроение.

Он нежно поцеловал жену. Та положила ему на плечо голову и замерла в ожидании музыки. Я направился включать приемник. Радио заговорило внезапно. Раздался муж-

■

¹ В последний четверг ноября американцы празднуют День благодарения — в честь первых переселенцев в Америку.

ской голос, низкий до жути: человек призывал выслушать историю о белокуром привидении и повел речь про склеп.

— Выключи! Выключи! — завопила тетя, вскакивая с софы. — Любовь умирает в этом доме.

— Не выключай, — спокойно заметил дядя, — поймай другую станцию.

Я повиновался; раздалась нежная, мягкая лирическая мелодия. Тетя снова положила голову на плечо дяде, тот обнял ее за талию. Она закрыла глаза и улыбнулась. Вдруг приятная улыбка на ее лице сменилась гримасой. Тетя открыла глаза и впиалась в лицо дяди. Он храпел.

— Воистину, — взолнованно сказала она, — любовь умирает в этом доме!

Громкое восклицание разбудило дядю. Он удивленно поднял брови:

— Что случилось, дорогая? — Глаза тети все еще метали молнии, но он нежно привлек ее к себе, поцеловал в щеку, затем в губы. — Ты что-то сказала, дорогая?

Она вздохнула, качнула головой, глаза ее повеселели.

— Ничего, дорогой, — пробормотала она, снова закрывая глаза и улыбаясь. — Тебе показалось.

Я почувствовал смущение и ушел. Разделся и улегся в постель. Вечер выдался на славу. Я зевнул и мгновенно уснул.

Проснулся я часов в восемь. Дядя уже сидел в гостинной, обложившись воскресными газетами. Увидев, что я встал, он махнул рукой и предложил выбирать, что нравится. Я в раздумье почесал шею: на чем же остановиться?

— Моего образования хватает только на газеты, — продолжал дядя, не дожидаясь ответа.

Он был большой любитель приложений, особенно воскресных. Я сел возле него на пол и начал рассматривать разбросанные вокруг газеты.

— Это что, только одна газета?

— Да, «Сэнди таймс».

Одна газета! Я недоверчиво покачал головой. Читать ее можно целый год! Если дядя каждую неделю прочитывает такую газету, он куда образованнее наших учителей из бар-рио, те читали только контрольные работы, учебники да исправляли ошибки.

— А что ты с ней делаешь, как читаешь? — спросил я, вспомнив о тете Кларе.

У той всегда не хватало обертки, и она заворачивала рыбу в банановые листья. Одной «Сэнди таймс» ей хватило бы на неделю. Только я было собрался поведать дяде о проблеме тети Клары с бумагой, как из кухни появилась тетя Салли.

— Мы, как всегда, отправляемся в церковь к одиннадцати часам, — сказала она, поглядывая в мою сторону. — В одиннадцать главная месса. Она, правда, дольше обычной, но в ней больше музыки и песнопений.

Дядя оторвался от чтения:

— Мне нравится главная месса. Может, я и не религиозный человек, но люблю хорошую музыку.

— Как не стыдно! — осуждающе заметила тетя. — Что церковь тебе — Карнеги-холл? ¹

Она была до крайности возмущена замечанием дяди Пята. Тетя была религиозна почти как мама.

Дядя только хмыкнул и вернулся к газете:

— Люблю читать «Спрос — предложения»! Самые лучшие в мире новости!

— Не увиливай! Помни: месса ровно в одиннадцать. — И тетя ушла, сердито бурча под нос еще что-то. Перед тем как идти в церковь, она решила приготовить обед, чтобы не возиться после службы...

Главная месса тянулась больше часа. Проповедь читал заезжий священник из Европы. Ему, видно, было трудно го-

■

¹ Кá рне ги - холл — концертный зал в Нью-Йорке.

ворить, а мне, конечно, понимать его английский язык. Мы вышли из церкви только в 12.15. Страшно хотелось пить и есть.

Тетя за десять минут разогрела лапшу, креветки и ветчину с китайскими овощами. Мы жадно набросились на еду и почти не обсуждали проповедь, в которой шла речь о небесном рае, семенах горчицы и хлебе.

Куперам дядя позвонил после обеда. К телефону подошел сам отец Ричарда. Он обрадовался звонку, сказал, что очень хочет повидаться со мной и что День благодарения — самый удачный день. Он просил всех нас — и дядю и тетю — приехать к ним в Бруклин к обеду.

Дядя тут же позвонил другу и попросил подменить его в четеерг.

День выдался солнечный, но холодный. Дядя посоветовал одеться потеплее.

— Мы отправляемся в заморское путешествие, — с улыбкой заметил он, — будь готов.

Он говорил так, будто нам и впрямь предстояла экспедиция за Полярный круг, где северное сияние — единственное доступное людям зрелище.

Я надел два свитера — один под рубашку, другой поверх. Никогда я еще не одевался так, но я никогда не бывал и в Бруклине. Я вспомнил, как сказал Дон-Кихот, садясь на лошадь: «Человек, хорошо подготовивший себя, уже выиграл половину сражения». В двух свитерах и шерстяном пальто я чувствовал себя закованным в латы. На голове красовалась кепка, а на ногах — шерстяные носки оливкового цвета. Носки имели свою историю. Их подарил мне в Сан-Пабло один джи-ай¹. Он утверждал, что сражался в носках на Соломоновых островах, в Новой Гвинее и на

■

¹ Д ж и - а й — здесь: прозвище американских солдат.

Лейте. Они всегда приносили счастье. Он стал таким щедрым после того, как я свел его к мангу Тебану, хозяину бара. Я, конечно, долго отказывался: солдату еще предстояло отправиться в Токио, но он все же настоял на своем.

— Бери, солдат,— говорил он,— ты дал мне возможность неплохо повеселиться, я же дарю тебе удачу.

С тех пор я всегда надевал эти носки, когда вставал вопрос жизни и смерти,— например, выпускные экзамены в школе. Как только я появился в носках на экзаменах, ребята меня поднимали на смех. Носки оказались не только велики, но они были слишком теплыми для нашего тропического климата. Тем не менее, когда я сдал экзамены, а кто провалился, уже смеялся я, причем громче, чем гудок, возвещающий усталым рабочим, что пробило пять и рабочий день окончен. Пара оливковых носков начала приносить удачу и мне...

Куперы жили на Фрэнклин-авеню. Дядя глубокомысленно заметил, что найти дорогу в Бруклине невысказанное дело.

— Когда люди приезжают в Бруклин,— заявил он,— они никогда не могут найти дорогу обратно, поэтому там живет так много народа.

Все же найти дом Купера не составило большого труда: он был неподалеку от стадиона «Эббетс филд», где выступала «Доджер», знаменитая бейсбольная команда, и дяде приходилось бывать здесь раньше. Он не был заядлым болельщиком, но с удовольствием заезжал на «Эббетс филд».

— Такое же кровавое и увлекательное зрелище, как драка боксеров,— добавил он, сворачивая с главной дороги на Франклин-авеню.

Дул сильный ветер, он срывал с деревьев мертвые листья, и, падая на землю, они шуршали, как спелые колосья риса, трущиеся друг о друга на ветру. Я пристально вгля-

дывался в деревья: пожелтевшие листья, кривые черные ветки, ни цветка, ни плодов. Почему солдат, о котором я читал в книжке еще в Сан-Пабло, так долго распинался о дереве из Бруклина?

Мы приехали к Куперам часам к четырем. Солнце стояло еще высоко, на светло-голубом небе не было ни облачка, но от дыма заводских труб в воздухе стояла серая дымка. Их дом ничем не выделялся среди двухэтажных кирпичных домиков, стоявших на Франклин-авеню да и на других бруклинских улочках, по которым мы проезжали. Все они были на одно лицо, словно строил их один мастер: с небольшими окошками и каменными ступеньками у входа, под окнами крохотный палисадник с одиноким вечнозеленым деревцем и урной для мусора. Домики теснились друг к другу, их разделяла только небольшая железная сетка между садами.

Мы вышли из машины, и дядя поднялся на верхнюю ступеньку. «Где почтовый ящик, там и вход», — сказал он сам себе и дважды нажал кнопку. В доме раздался звонок, послышались шаги. В окошке появилась голова и исчезла.

Тетя проверила, на месте ли шляпка (ветер был довольно сильный), и натянула ее чуть ли не на нос, затем поправила коричневый пояс пальто.

Дверь открылась, показался человек, которого мы видели в окошке.

— Мистер Алонсо? — приветливо спросил человек. — Меня зовут Джордж Купер, я отец Ричарда.

Это был высокий и стройный для своих пятидесяти лет человек со светло-каштановыми, как у Ричарда, волосами, в клетчатой рубашке с расстегнутым воротничком. Сквозь ворот на груди виднелись волосы. Протягивая руку, он улыбнулся.

— Здравствуйте, мистер Купер. — И дядя пожал протянутую руку. — Моя жена.

Тетя улыбнулась и тоже пожала руку. Встреча выглядела слишком деловой.

— Я полагаю, это дружок Ричарда? — сказал мистер Купер, похлопывая меня по плечу.

Моя голова едва доставала ему до плеча. Я в свою очередь тоже улыбнулся.

— Прошу, господа, в дом, я представлю вас семье, — сказал мистер Купер, отступая в сторону и указывая жестом дорогу.

— Благодарю вас, сэр, — ответил дядя, а тетя Салли вновь поправила пояс.

Мы вошли в переднюю с низким потолком.

После резкого ветра в доме показалось удивительно тепло и уютно. На окнах висели розовые занавеси, а пол сверкал кафелем. Возле каждого стула лежал коврик. Нас встретила миссис Купер в зеленом переднике с кружевными оборками. Она оказалась крупной, как муж, дамой со светло-голубыми глазами. «Глаза Ричарда», — мелькнуло у меня. Улыбнувшись одними губами, она всем пожала руку, а затем помогла тете снять пальто. За дядей ухаживал хозяин дома, я же пальто снял сам и передал хозяйке дома.

Наконец все расселись.

— Итак, — начал мистер Купер, крепко сжав ручки кресла, — как прошло ваше путешествие?

— Все нормально. — Я почувствовал себя в огромном мягком кресле совсем маленьким.

Миссис Купер села на пуф у кресла мужа и больше не сводила с меня светло-голубых глаз.

— Скоро придет наша дочь, — вступила она в разговор. — Крисси пошла за нашими друзьями, они тоже хотели бы повидаться с Крисом.

— Мне Ричард рассказывал о Крисси, — заметил я, испытывая непонятное волнение, у меня даже начали холодеть руки. — Он рассказывал о всех вас.

В доме воцарилась тишина, как в опустевшей церкви.

Мать Ричарда крепко сжала зубы, а отец не сводил с меня немигавших глаз. В комнате раздался какой-то странный звук, будто билось старое усталое сердце: это миссис Купер механически постукивала рукой по ручке кресла.

— Почему они так задерживаются? — прервала она наконец тягостное молчание. — Я говорю о Крисси и Доне.

Я вспомнил о своей сумке, там лежали подарки для Куперов.

— Я тут привез кое-что для вас, — и начал непослушными руками открывать сумку. — Это прислали мои родители.

— Ну зачем же?! — произнесла миссис Купер.

— Ничего, мадам. — Я постарался выдавить улыбку. В окно ударил ветер, задребезжало стекло. Я достал сверток, прочитал написанное там имя и передал матери Ричарда перламутровые сережки. — Это вам, мадам.

— Прелесть, — чуть слышно прошептала она. — Посмотри, Джордж, они... действительно прелестны.

Мистер Купер улыбнулся:

— Да, Клара, они очень милы.

Я достал шлепанцы и передал их мистеру Куперу.

— Из настоящей рисовой соломки, — пояснил я.

Тот сразу скинул ботинки и начал примерять домашние туфли.

— Как вы узнали мой размер? — удивился он.

— Ричард говорил, что вы носите туфли, как у него.

Мистер Купер поднял левую ногу и стал с интересом рассматривать туфли.

— Посмотри, Клара, из настоящей рисовой соломки! Наверное, единственные во всем Бруклине, — и улыбнулся неожиданно пришедшей мысли.

Миссис Купер промолчала. Руки ее судорожно сжимали сережки.

Наконец появился подарок и для Крисси — сумка из манильской пеньки с вышитым именем: «Крисси».

— Вышивала Мария, моя сестра, — сказал я, передавая сумку.

— Отчего они так задержались? — забеспокоился и мистер Купер. — Клара, ты не позвонишь Дону?

— Они наверняка уже вышли, — ответила та, но все же поднялась и направилась к телефону.

В сумке оставался последний пакет.

— А это для Мэри-Энн, — достал я красно-желтые деревянные босоножки. — А где она сама?

— Сейчас будет, — поспешил с ответом мистер Купер. — Крисси побежала за Доном и за ней.

Дядя Пит блаженно вытянул ноги и взглянул на шлепанцы Купера, они ему явно нравились. Тот перехватил его взгляд и заметил:

— Чудесные туфли, — и вновь приподнял ногу.

— Право, они очень милы, — поддержала тетя, смущенно улыбаясь.

Тут появилась миссис Купер:

— Вся задержка из-за Мэри-Энн, я ее еле уговорила прийти.

— Не понимаю, — воскликнул мистер Купер, — в конце концов, все случилось так давно!

Я понимал Мэри. Она все еще помнила Ричарда, не хотела смириться с его гибелью. Не каждый день встречаются такие люди, как Ричард. А как он ее любил! Я знаю. Сколько раз он рассказывал о ней, показывал ее фотографию, она всегда лежала у него в бумажнике. Однажды я застал его, когда он целовал фотокарточку; меня он не видел. Я понял, как сильно он любил свою Мэри.

Мистер Купер поднялся, отодвинул в сторону ботинки и торжественно провозгласил:

— Могу ли я предложить своим гостям что-либо выпить?

— Ну что вы, сэр, не беспокойтесь,— смутился дядя.

— Нет, нет,— возразил отец Ричарда.— Пива, виски, сидра? Он очень хорош в это время года.

— Мне, пожалуйста, пива,— согласился дядя.

— А мне сидра,— пожелала тетя.

— А что будет пить молодой человек? — повернулся ко мне мистер Купер.

— Сидр, я думаю, сэр,— ответил я в некотором замешательстве. Сидра я не пробовал, но решил: коль его выбрала тетушка, наверняка он не крепкий, что-нибудь вроде нашего салабата.

— Превосходно,— одобрил хозяин дома,— одно пиво, два сидра.

Миссис Купер поднялась с кресла и сказала, что пойдет на кухню, займется индейкой.

— Чувствуйте себя как дома,— добавила она.

В комнате мы остались одни. Тетушка подтолкнула дядю Пита:

— Посмотри на обои, до чего приятен розовый цвет! Он приносит счастье.

— Но мы же делали ремонт только в прошлом году,— недовольно возразил дядя, взглянув на обои.

— Я не об этом. Я хочу сказать...

Тут раздался звонок. Тетя взглянула в окошко, ее кресло стояло рядом, я тоже повернул голову, но ничего не увидел.

— Должно быть, они! — воскликнула миссис Купер, поспешно направляясь из кухни в переднюю.

За ней с подносом появился мистер Купер. Подав стаканы, он тоже заспешил в переднюю. Послышались голоса, и вот Крисси, Дон и Мэри-Энн входят в комнату.

Крисси оказалась долговязой девчонкой, примерно моего возраста, но выше ростом. Она сняла пальто, стали видны ее худые длинные ноги, «как бамбук», говаривал о таких ногах дядя Сиано. Она улыбалась. Меня удивили ее

зубы, зачем-то перевитые проволокой. Глаза у нее были как у Ричарда, но волосы намного светлее.

Ко мне приблизился Дон:

— Ричард — мой кузен, мы росли вместе.

Он не был так высок, как отец Ричарда, зато значительно шире в плечах, черты лица грубее. Он попросил стакан пива, и Крисси убежала в кухню. Миссис Купер все еще возилась с их пальто в передней.

— Привет,— обратилась ко мне Мэри-Энн, дружески улыбаясь.

Она выглядела простенькой девушкой в темно-голубом с белыми горошинами платье, в туфлях на очень высоких каблуках. Несмотря на небольшой рост, она казалась удивительно стройной. Словом, почти такой, как ее описывал Ричард, даже лицо по сравнению с фотографией ничуть не изменилось. Тонкие губы, темно-карие глаза цвета хорошо просушенного красного дерева, на щеке ямочка.

— Это вам,— передал я ей босоножки.

— Ах! — вздрогнула она от неожиданности.— Не нужно было...

— Нет, нужно,— заметил я.— Ричард взял с меня слово, если я окажусь в Штатах, чтобы я не забыл и о вас.

Лицо ее сделалось пунцовым. Дрожащей рукой она взяла босоножки. У меня возникло ощущение, что я сделал какой-то ужасный промах, но какой — я еще не осознал.

— Померьте, Мэри-Энн,— попросил я.

Она медленно опустилась в кресло мистера Купера и подняла глаза на Дона. Тот примостился у ее ног, помог снять туфли и, как заправский приказчик из обувного магазина, ловко надел ей босоножки.

Выражение лица у Мэри-Энн было такое, будто она хочет сказать что-то до крайности важное, но все время себя сдерживает. Руки у Дона дрожали, но он старался держать себя молодцом.

— Подходит, в самый раз,— сказал он.— А как вы узнали ее размер?

— Ричард говорил, что ноги у моей сестры точно как у Мэри-Энн.

На Мэри невозможно было смотреть, она вся дрожала. Вдруг она разрыдалась.

— Я знала, что не следовало приходить...

— Ну, о чем ты говоришь,— стал успокаивать Дон, сжимая ей руки.— Все давно ушло в прошлое...

Она резко вырвала руки и обернулась ко мне. Глаза ее блестели от слез.

— Я ждала Дика! Ждала всю войну! — с невыразимой болью воскликнула она.— Клянусь, ждала упорно! Не всякая женщина может так ждать...

— Перестань говорить глупости,— раздраженно прервал ее Дон. Лицо его пошло пятнами.

— Не мешай, Дон. Я должна все сказать. Я долго ждала этого момента, дай наконец высказать, что накопилось на душе. Не прерывай, умоляю тебя!

Дон замолчал. Пытаясь разрядить напряженность, мистер Купер спросил Мэри-Энн, что она хотела бы выпить, но та даже не слышала вопроса. Она по-прежнему не отрывала от меня глаз.

— Ты был последним, кто видел Дика.

Я кивнул головой. Чувствовал себя я скверно.

— Мэри-Энн,— настойчиво повторил мистер Купер,— хотите выпить что-нибудь?

Но она вновь пропустила вопрос мимо ушей.

— Дик был прекрасным юношей,— продолжала она,— я любила его. Он уехал и забрал с собой мое сердце, но все годы он почти не писал мне, так, всего несколько строк. Несколько строчек...

Я старался не смотреть на нее. Глаза ее как будто проникали мне в душу, но что она там могла прочесть, было неведомо даже мне.

Из кухни появилась Крисси со стаканом, я намеренно повернулся в ее сторону. Дон сделал глоток и поставил пиво на пол у ног.

— На рождество,— продолжала Мэри-Энн,— он прислал из Австралии открытку. Это была последняя весточка...

— Он вспоминал вас с большой любовью,— вставил я, снова поворачиваясь к ней.

Зачем я произнес эту фразу, я сам не мог понять. Дика уже нет в живых, то, что говорит Мэри-Энн, касается только ее, это ее личное дело. Все же я решил помочь Мэри, ей станет легче, когда она узнает о большой любви Дика, может, он ей об этом никогда не говорил?

— Ричард рассказывал, что всю войну вы приходили к нему во сне. Клянусь, я даже видел, как он целовал ваш портрет!

— Я тоже любила его, хотя ждать было и не легко. Я осталась одна, совсем одна... Дон оказался добрым человеком, он скрасил мое одиночество, я полюбила его.

— Хорошо, дорогая,— сказал Дон, вновь опуская стакан на пол,— в конце концов, Крису нет никакого дела до наших отношений.

— Ошибаешься, Дон,— возразила Мэри-Энн.— Крис знал Дика, знал, что Дик любил меня. Я хотела бы, чтобы он понял меня. Если он поймет, мне станет легче. Значит, и Дик понял бы меня.

— Ну хорошо, продолжай,— махнул рукой Дон и принялся за пиво.

— Не каждая женщина способна так долго ждать,— грустно продолжала Мэри, качая головой.

Слава богу, она больше не смотрела в мою сторону. Мэри взглянула на окно, перевела взгляд на тетю Салли, затем на дядю, обвела взглядом всех, собравшихся в комнате.

— Дик не отвечал на мои письма. Я решила, он забыл меня. Трудно было понять, почему он молчит.

— Очевидно, был занят,— вставил Дон.

— Да вы же знаете, Мэри-Энн, что такое война,— под-держал его мистер Купер.

— Но моя бывшая школьная подруга Нэнси получала письма от своего парня чуть ли не каждую неделю...

— Я взгляну на индейку,— поднялась мать Ричарда, но никто не обратил на это внимания. Все взоры были устремлены на Мэри-Энн.

— Я говорила,— продолжала Мэри,— Дон был добр ко мне. Я полюбила его. Когда мне стало ясно, что Дик забыл меня, я стала близка с Доном, очень близка. Это произошло...

Я заерзал в кресле.

— Вы же знаете,— вздохнула Мэри-Энн,— я вышла замуж за Дона только после того, как Дик погиб на Филиппинах.

Стояла такая тишина, что я слышал свое сердце, оно стучало, как форточка на ветру. Дон вновь взял руку Мэри-Энн. Глаза ее были полны слез, но чувствовалось, ей уже легче, лицо стало спокойнее. Дон поднял ее с кресла и усадил рядом. Он откинул прядь волос, упавшую ей на лицо, и нежно поцеловал, потом бодро воскликнул:

— А ну, дорогая, покажи дяде Джорджу новые босоножки!

Она наклонилась и взглянула на ноги.

— Они на тебе просто очаровательны,— одобрил хозяин дома.

Я был с ним согласен. Мэри встала, подошла ко мне и поцеловала.

— Спасибо, Криспин, за подарок, спасибо тебе за все!

Я не мог вымолвить ни слова и только не сводил с нее глаз. Я вдруг понял, отчего любил ее Ричард, почему на ней женился Дон. Вот так бывает в жизни: вдруг что-то поймешь, а выразить словами не можешь.

Миссис Купер вернулась из кухни.

— Вот мы и стали лучше понимать друг друга,— начала она внушительно,— да возблагодарим господ бога...

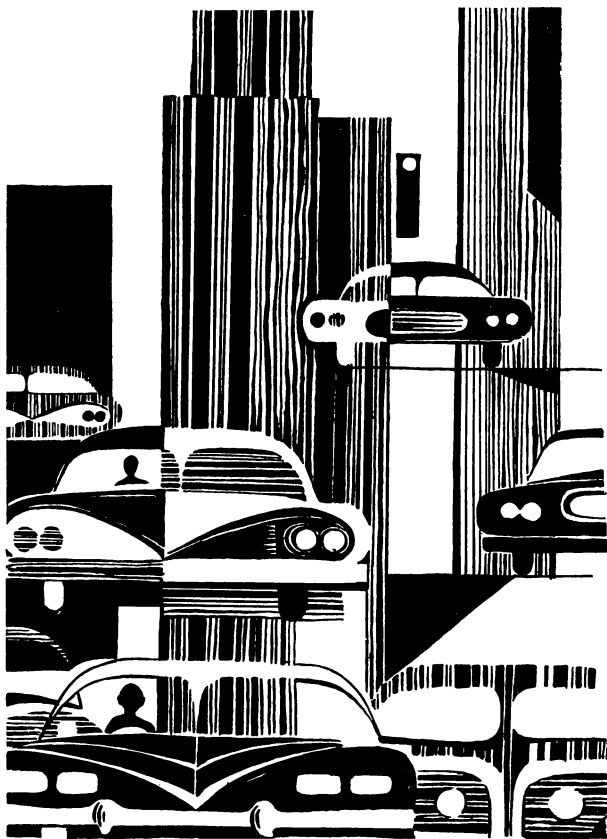
— Ага, значит, приступаем к ужину! — весело воскликнула Крисси, потирая руки.

Я просто недоумевал, как же она будет есть с проволокой на зубах. Все двинулись в столовую с миссис Купер во главе. Мистер Купер вышагивал в соломенных шлепанцах, Мэри-Энн — в деревянных босоножках.

Миссис Купер вновь взяла на себя инициативу:

— У всех у нас сегодня есть за что благодарить господ бога...

— Кроме бедной индейки,— вновь влезла Крисси, и все, кроме миссис Купер, рассмеялись.

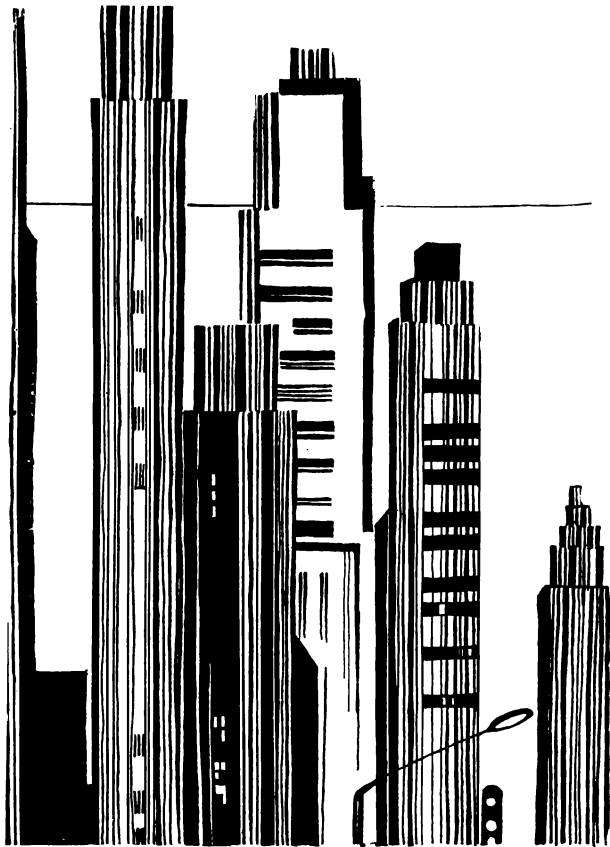

ЧАСТЬ 3

ПРИЛИВ, ТЫ У САМЫХ НОГ

Облако с запада, в тебе — солнце на полчаса,
Я с тобой — лицом к лицу.
Прилив, ты у самых ног! И с тобой я — лицом к лицу.

Уолт Уитмен

ГЛАВА 13

ЧУДО-СНЕГ

С

нега я никогда не видел. У нас в деревне было только два времени года: дождливый сезон и сухой. В дождливый мы высаживали рассаду риса, а в сухой снимали уже спелые колосья. Снег для нас был чем-то непонятным, хотя мы о нем читали в книжках, видели в кино и даже распевали песенку «Снежное рождество».

В тихие лунные вечера старики любили рассказывать, как лет пятьдесят назад в нашем баррио с неба начал вдруг сыпаться лед. Люди в панике кинулись по домам.

В старинной книге тагальских преданий говорилось, что лед с неба предвещает ужасное бедствие.

Предсказание, к сожалению, сбылось. Дремавший много лет вулкан Тааль, неподалеку от Сан-Пабло, вдруг ожил, потекла лава, а в небо полетели раскаленные камни. Бурая, как грязь, лава залила рисовые поля, кофейные плантации, погубила тысячи деревьев. Были жертвы даже среди жителей.

Наша бабушка рассказывала, что в те дни ожидала первого ребенка. Почувствовав, как под ней задрожала земля, она в ужасе упала на бамбуковый пол и потеряла сознание. Ребенок погиб.

Для жителей баррио снег был загадочным, интригующим явлением.

На рождество мы украшали тамариндовое дерево ватой, будто осыпали снегом, и все же в сознании людей он оставался предвестником страшного несчастья. Если кто-нибудь видел снег во сне, он мгновенно просыпался, как от жуткого ночного кошмара.

Снег в Америке был совсем другое дело, здесь он то же, что у нас запах спелого риса и свежего печенья в начале декабря. Снег в Америке предвещал наступление радостных праздников, шуток, игр, веселого смеха. Кто бы мог представить, что укрытая снегом земля становилась мягкой, словно ухоженная площадка с упругой, как ковер, травой. Снег был такой белый, такой чистый, что не оставлял на пальто ни пятнышка грязи, хотя ребятишки, как заправские борцы, устраивали на нем веселую возню.

Словом, я с нетерпением ждал не ватного, а настоящего белого снега, но вместо него в Манхэттэне выходили о снеге только книжки и фильмы. Я даже слышал самого несравненного Ирвина Бёрлина (по радио), как тот пел «Снежное рождество», а снег все не выпадал, хотя подходила к концу первая неделя декабря.

Я сидел у окошка, поглядывал на улицу и горевал, что

снег все задерживается. Вдруг раздался голос тети, она звала меня на кухню. Я оторвался от окна и направился к ней.

— Давай сходим к миссис Паскуа,— сказала тетя, крупно нарезая салат (мама утверждала, что так готовят овощи только ленивые американцы).

Я сразу согласился, хотя не представлял, что буду там делать. Меня заело одиночество. Я не привык сидеть в доме, где все окна закрыты наглухо. У нас на Лусоне¹ не боялись ни ветра, ни жуликов, поэтому никогда не закрывали ни окон, ни дверей. Ветер и люди могли заходить в дом и выходить из него когда заблагорассудится.

У миссис Паскуа, как оказалось, должны были состояться выборы в Клуб филиппинских женщин Большого Нью-Йорка. Дом ее был на противоположном от Колумбийского университета конце города, на 124-й стрит, где бродвейская подземка выходит из тоннеля и бежит по эстакаде на высоте трехэтажного дома. Жила она в старом кирпичном доме на пятом этаже. Пока мы поднимались на лифте, тросы скрипели, как несмазанная тачка. Квартиру миссис Паскуа угадать было не трудно по страшному гаму. Оттуда неслись женский смех, болтовня, пение, стихи и опять болтовня.

Тетя согнула было палец, чтобы постучать в дверь, как я обратил ее внимание на записку, приколотую к двери:

*Не стучать. Дверь открыта.
Заходите!*

— Пойдем прямо на кухню,— шепнула тетя,— миссис Паскуа, вероятно, там.

Тетя была права. Хозяйка дома оказалась невысокой, полной женщиной с улыбчивым лицом и веселыми глазами.

■

¹ Лусон — самый большой остров Филиппинского архипелага.

На темно-голубое платье без рукавов был надет передник с гигантским красным котом с черными глазищами. Волосы ее были тщательно причесаны, а на шее красовались крупные бусы. Было ей лет сорок пять, но я устыдился своей мысли. Дядя Сиано всегда учил меня: «Если мужчина отваживается определять возраст женщины, он либо старик, либо женоненавистник».

Миссис Паскуа жарила креветки в глубокой сковороде. Увидев нас, она улыбнулась и крикнула:

— Привет, Салли!

— Привет, Рóзи!

Тетя собралась было ее поцеловать, но она предостерегающе воскликнула:

— Осторожнее, посадишь жирное пятно!

— Неважно! Платье старое...

Я сразу понял, что тетя кривит душой. Когда дома, бывало, она жарила креветки и те вдруг со взрывом подскакивали в кипящем масле, она отлетала от плиты как ошпаренная и начинала внимательно осматривать платье. Сюда она явилась в новом пурпурном костюме, на котором красовалась брошка в виде петушиного хвоста со сверкающими, как бриллианты, камнями.

— Так это тот молодой человек, что приехал недавно со старушки-родины?

Тетя Салли кивнула, я же удивился, почему она называет родину старушкой,— видно, она очень давно уехала оттуда,— однако счел необходимым улыбнуться.

— Не задерживайтесь здесь, идите к остальным и помогите дочке занимать гостей. Я скоро вернусь, осталось поджарить совсем немного.

— Хорошо. Заканчивай.

Я послушно шагнул за тетей в гостиную, и шум со всей силой обрушился на меня. Женщины говорили все разом. Как только они умудрялись понимать друг друга?! Разговор шел на английском языке, на испанском, тагаль-

ском, илокано и других филиппинских языках. У нас любят разговаривать одновременно на нескольких языках. Тетя Салли тотчас покинула меня и начала переходить от одной женщины к другой. Тех, с кем она была в особенно хороших отношениях, она целовала.

Я почувствовал себя в дурацком положении и хотел было уже вернуться на кухню — там по крайней мере не было такого гама, да и аромат креветок был больше по душе, нежели клубы сигаретного дыма, но тут я вдруг увидел, что ко мне направляется улыбающаяся девочка.

— Меня зовут Тэрри. Я дочь миссис Паскуа. А ты племянник миссис Алонсо?

— Да,— ответил я, несколько ошарашенный ее видом.

Ей было не больше тринадцати, но губы накрашены, а платье с оголенными плечами, как у женщин, собиравшихся на танцы в армейском клубе в Сан-Пабло.

— Как тебя зовут? У тебя вид, будто ты с луны свалился.

— Криспин. Я сроду не бывал в компании, где одни только женщины.

Тэрри рассмеялась:

— Не робей, у меня в комнате сидит еще один несчастный вроде тебя.

— Что он там делает? — удивился я. — У нас в баррио никогда не увидишь парня в комнате у девочки.

— А он вроде тебя... одурел от всей этой болтовни.

Она отворила дверь, и я увидел мальчика, устроившегося в кресле с книжкой. Он был года на два-три моложе меня.

Мальчик снял ноги с табуретки, с интересом воззрился на меня, будто не верил, что в доме может оказаться еще один несчастный.

— Эдди,— весело крикнула Тэрри,— я хотела бы представить тебе еще одного героя!

— Привет,— ответил тот.

— Криспин.—Я пожал протянутую руку, она оказалась нежной, но достаточно твердой.

— Как я рад, что ты оказался здесь! Не попадись мне этот комикс, я от отчаяния выпрыгнул бы в окошко. Не могу понять, зачем это маме понадобилось тащить меня сюда.

Я взглянул на комикс. Название «Книга ужасов» было как будто написано кровью. Капли ее стекали с каждой буквы. Мертвенно-бледный человек на обложке бился в предсмертных судорогах. Его душили две волосатые ручки.

— Великолепная книжка! — перехватил мой взгляд Эдди.

Терри кашлянула, привлекая наше внимание.

— Итак, господа, у вас здесь порядок, я удаляюсь в сугубо дамское общество.

— Валяй,— милостиво разрешил Эдди.

Не успел я поблагодарить Терри, как она закрыла за собой дверь.

— Хочешь посмотреть книжку?

— Не сейчас.

У меня не было настроения читать. Я был очень доволен, что встретил себе подобного, хотелось просто по-дружески и в спокойной обстановке потолковать с ним.

— Можешь взять с собой,— сказал мальчик.— Терри наверняка не будет возражать, она их покупает каждый день.

Я положил книжку на журнальный столик, и мы с Эдди устроились поудобнее: он в кресле, я на стуле возле журнального столика.

— Ты здесь давно? — спросил он.

— Не очень. Я приехал в Штаты в ноябре.

— Я не об этом. Я имею в виду этот дурацкий вечер.

— А, извини,— как-то смутился я,— мы только что пришли.

— Ты откуда?

— Из деревни Ремедиос, неподалеку от города Сан-Пабло на Филиппинах,— ответил я несколько напыщенно.

— Мои мама и папа тоже с Филиппин, но я сам там никогда не был.

— Ну да!

— Как там? Война была жестокой?

— Была. Но сейчас уже все прошло.

— Конечно! Все кончилось.

Из гостиной слышались аплодисменты.

— Думаю, начались выборы,— заметил Эдди.— Как ты насчет того, чтобы улизнуть отсюда?

— А куда?

— Хоть куда, лишь бы смыться из этого сумасшедшего дома. Можно сходить на Риверсайд-драйв. Пойдем, пока они тут заняты.

— Идем. Только там мои пальто и перчатки.

— Неважно. Я знаю выход. Пойдем!

Мы появились в гостиной, когда госпожа Паскуа держала речь:

— ...Я полагаю, с выборами президента покончено.

Послышался невообразимый шум.

Мы проскользнули в переднюю и стали одеваться.

— Прошу выдвигать кандидатуры на пост вице-президента,— раздался другой голос.

Мы осторожно открыли дверь, и Эдди нажал кнопку лифта. Тот появился через несколько минут, мы покатали вниз. Лифтер насвистывал «Ты мое солнышко» и неимоверно фальшивил. Это был типичный азиат, но в Америке не так-то просто определить национальность.

Мы оказались на улице. В лицо ударил резкий ветер, и мы зашагали вдоль Бродвея.

Я на минуту задержался на тротуаре: из тоннеля подземки вылетел поезд и начал подниматься по эстакаде.

— Пошли! Это же просто поезд!— потянул меня Эдди.— Уже темнеет. Зимой всегда темнеет рано.

Я энергично двинулся за ним. Резкий, холодный ветер бил в лицо, я начал дрожать. На набережной ветер был еще свирепее. На голых деревьях не удержалось ни листочка. Вокруг нас — никого. Даже вода была какой-то серой и враждебной, казалось, она застыла на месте. Зачем Эдди притащил меня сюда?

— Эдди, здесь очень холодно,— сказал я, подпрыгивая,— может, найдем что-нибудь потеплее? Я не привык к такому холоду.

— Почему? Разве на Филиппинах не бывает такой погоды? — спокойно сказал он, усаживаясь на каменный парапет.

— Что ты! У нас же не бывает зимы. Я даже не видел никогда снега.

Я снова вздрогнул. Уши замерзли. Я коснулся уха, но не почувствовал прикосновения. Казалось, оторви его, я все равно не почувствую.

— Тебе надо привыкать,— сказал Эдди,— у нас зима стоит месяца три.

— Нет, Эдди,— ответил я, клацая зубами,— я уйду...

— Хорошо,— согласился тот,— пойдем к усыпальнице Гранта. Там теплее.

Я не понял, куда он меня зовет, но был согласен идти куда угодно, лишь бы там было теплее.

— Далеко это?

— Да нет, тут рядом.— Эдди показал на дом, напоминавший древнегреческий храм.

Здание было с колоннами и массивными каменными ступенями, по бокам виднелись скульптуры орлов, как будто собиравшихся взвиться в небо.

Мы побежали. За нами увязались четыре серых голубя — видно, замерзли тоже. Сердце мое дрогнуло, когда мы входили в мраморный холл, минуя огромные колонны.

— Это настоящая усыпальница,— сказал Эдди холодным и мрачным тоном.— Здесь,— показал он вниз,— покоятся тела генерала Гранта и его жены.

Дрожь пробежала у меня по телу; виноват был отнюдь не холод. Перед моим взором возникло лицо человека с обложки комикса, что читал Эдди. Ну и парень этот Эдди! Багряный луч солнца проник сквозь окно, от этого стало еще холоднее. Откуда-то донесся далекий колокольный звон, грустный, печальный, едва различимый. В чуть слышную мелодию колоколов время от времени врывались гудки паровозов.

— Это из церкви на Риверсайд,— заметил Эдди.

— Ты здесь часто бываешь?

— Да нет, не очень. Был раза два-три, и то летом. Мы живем недалеко от дома госпожи Паскуа, а здесь ближайший от нашего дома парк.— Голос Эдди звучал мрачно и торжественно.

— Тебе здесь нравится? — спросил я.

— Да,— отрывисто сказал он,— особенно когда необходим покой.

Это звучало жутко. Ему было наверняка не больше четырнадцати, хотя ростом он был выше меня. Вьющиеся волосы обрамляли приятное, симпатичное лицо.

— А зачем ты притащил меня сюда? — спросил я, постепенно согреваясь. Даже уши вновь обрели прежнюю чувствительность.

— Мне показалось, что тебе тоже нужен покой,— мягко заметил Эдди.— Ты же с Востока, а я читал, что все восточные люди по-особому относятся к подобным местам, вот я и решил, что...

— Эдди!

— Когда ты появился, ты выглядел таким серьезным,— продолжал он.— Я предложил комикс, ты небрежно отложил его в сторону, будто тебя это не интересует. Любой мой товарищ вцепился бы в книжку, ты же нет. Я почувствовал

себя малышом перед тобой.— Он не сводил с меня детски-наивного взгляда.

Мрачная гробница, багровый отсвет угасавшего дня напомнили мне о Мануэле. Странно, но я подумал и о Ричарде.

— Эдди,— взял я его за руку, она была не теплее моей,— я не знаю, что сегодня произошло со мной. Я, как и ты, люблю комиксы. Во время войны я перечитал их целую кучу. Но сегодня... Не знаю, но книга меня совершенно не заинтересовала.

— Криспин...— медленно произнес он мое имя.— А как твое уменьшительное имя?

— Крис.

— Тебе нравится здесь, Крис?

— Здесь... в гробнице?

— Да нет, в Америке.

— Да, наверное. А что?

— Порой я так устаю здесь. Мне хочется куда-нибудь уехать. Мама рассказывала много чудесных историй о Филиппинских островах, я стал мечтать о них. Скажи честно, там действительно хорошо?

— Конечно,— уверенно сказал я,— но и здесь неплохо.

— Ты говоришь просто из вежливости.

Снова за парком ударили церковные колокола.

— Да нет,— продолжал я,— все зависит от того, как ты на это смотришь.

— Может, ты и прав,— улыбнулся Эдди.— Извини, что я затащил тебя сюда, здесь холодно и грустно. Но я действительно решил, что...

— Не расстраивайся, мне полезно было побывать здесь. И мне иногда бывает нужно одиночество.

Я не знал, как это объяснить. Было такое чувство, которое не выразишь словами, но по ответной улыбке было ясно, Эдди меня понял. Я вдруг почувствовал, что он стал мне ближе.

— Давно я ни с кем так не беседовал, Крис,— признался Эдди.— Я не забуду этот вечер.

Я промолчал. Мне вдруг стало тепло. Исчез зимний холодный ветер.

Луч света вновь осветил окно, я увидел голубей.

— Потеплело,— заметил Эдди. (Меня поразило совпадение наших мыслей.) — Очевидно, пошел снег.

— Что ты сказал? — широко открыл я глаза.

— Когда так теплеет, значит, пошел снег,— ответил он.

— Эдди!

— Да.

— Я же никогда в жизни не видел снега!

— Ты меня разыгрываешь!

— Я же тебе говорил. У нас на Филиппинах не бывает зимы. Только дождливый сезон и сухой, когда...— Я вдруг замолчал. На улице летали белые пылинки. Эдди не спускал с меня удивленных глаз. Я повернулся к нему: — Значит...

— Да, это снег,— улыбнулся он.

Я выбежал на улицу и помчался по каменным ступеням в парк. На улице было намного теплее. Я стащил с головы кепку, и снежинки начали покрывать мои волосы. Я стал ловить их ладонями и разглядывать. Как это было прекрасно! Я даже забыл про Эдди.

Он стоял на каменных ступенях, и за стеной падавшего снега я никак не мог разобрать, улыбается он или насмешливо кривится.

Я бросился к нему:

— Снег, гляди, Эдди, снег! Это же чудо!

Эдди звонко рассмеялся. Я сгреб горсть снега, скатал шарик и бросил в Эдди. На пальто остался белый след. Он засмеялся еще громче, сбежал по лестнице и напомнил, что пора возвращаться:

— Верно, нас уже ищут.

Я не слушал. Все мысли мои были о снеге, ведь впервые в жизни я видел такое чудо!

— Теперь тебе лучше, Крис?

— Конечно!

— Понимаю.— Он взял меня за руку, увлекая по улице.— Наверное, окажись я на Филиппинах, я испытал бы подобное чувство.

Мысль эта поразила меня.

— Ты прав, Эдди, мне кажется, мы можем стать настоящими друзьями.

Он улыбнулся и толкнул меня в бок. Я повалился на землю, увлекая за собой Эдди. И — о чудо! — мы не запачкали пальто и не ушиблись. Снег был мягкий и чистый.

— Да, Крис, давай станем друзьями!

Мы зашагали по улице. Я выставил ладонки, и, пока мы добрались до дому, мои руки были полны удивительно белого снега.

ГЛАВА 14

ЭДДИ

Воскресенье. Раннее февральское утро. Я просыпаюсь и, лениво потягиваясь, направляюсь к окошку поднять занавеси. Яркое солнышко брызжет в лицо, я на мгновение закрываю глаза.

По светло-голубому небу тонкой прозрачной дымкой бегут облака. На обочине дороги, где обычно стоят машины, скопились кучи грязного, лежалого снега, но мостовая уже подсохла и чисто выметена. На тротуаре играет стайка ребятишек в разноцветных шерстяных костюмчиках. Меня поражает, что в такой яркий солнечный день все они очень тепло одеты.

Мне кажется, зима отступила, сердце начинает выбивать радостную дробь. Надоели голые, без-единого листочка

деревья, непролазная грязь на улице. Подумать только, чтобы сбегать за чесноком в соседнюю лавочку, нужно надевать ботинки и кучу разных одежек!

Я бодро открываю окошко, вот сейчас вдохну свежий весенний ветерок; я даже зажмуриваю глаза от предвкушения неизъяснимого удовольствия, но мгновенно отшатываюсь от злого морозного ветра. Не спасает полосатая пижама — подарок тети Салли, — я весь покрываюсь гусиной кожей. Я поспешно захлопываю окно и как ошпаренный кидаясь обратно в постель. Что делать — спать или вставать? Спать окончательно расхотелось, но и вылезать из постели не хочется. Я беру с ночного столика журнал, который дядя принес из отеля, называется он «Атлас», хотя ничего не имеет общего с географией. Там были сплошные фотографии мужчин, демонстрировавших могучие бицепсы.

Прочитав на первой странице заголовок «Не будь тощим», я со злостью отбросил журнал в сторону. Надо вставать. Я потянулся за одеждой, но вдруг раскрылась дверь и появился Эдди.

— Ты так рано? — приветствовал я его, натягивая штаны.

— Всю ночь не спал, — грустно сказал он, — все из-за родителей.

— Влетело от них?

— Да нет. — Он присел на край кровати. — Опять поссорились, на этот раз из-за меня.

Я сочувственно вздохнул.

— Завтракал?

— Нет, чего-то не хочется.

— Идем позавтракаем. Дядя на работе, мы с тетей одни.

Мы двинулись на кухню, там уже пахло жареной ветчиной. Тетя Салли готовила яичницу.

— Я и не заметила, как ты появился, — сказала тетушка. — Завтракал?

— Он еще ничего не ел, — ответил я за Эдди.

Вид у него был мрачный и расстроенный.

— Садись, вот яичница.

— Мне не хочется, — повторил Эдди. — Если можно, немного кофе и тост¹.

Тетя покачала головой.

— Завтрак — самое важное дело, он главнее обеда и ужина. Ты бы съел еще что-нибудь.

Мы молча уселись завтракать, одна тетя нарушала молчание. Она все время задавала вопросы: как родители Эдди, отчего он сегодня неразговорчивый, не случилось ли что-нибудь?

Я чувствовал себя неловко. Я знал, что Эдди не собирается обсуждать с ней свои дела.

Эдди не прикоснулся ни к ветчине, ни к яичнице, выпил только кофе и съел два тоста с маслом и клубничным джемом.

Тетя обратила внимание на нетронутый завтрак и снова покачала головой.

— Тебе следует принять аспирин. Ты плохо выглядишь.

— Он здоров, тетушка!

— Мучает зуб, миссис Алонсо, — соврал Эдди.

Тетя Салли начала убирать посуду, а я позвал Эдди, хотя и не решил еще, куда мы отправимся.

— Мы погуляем, — сказал я тете и уже вдогонку услышал предупреждение не опаздывать в церковь.

— Мы скоро вернемся, — заверил я.

— Пойдем в парк, — предложил Эдди.

Дул пронзительный ветер, я потуже затянул шарф. Из-за холодной погоды в Центральном парке почти никого не было, одни старушки прогуливали собак.

— Ты не замерз? — спросил Эдди, усаживаясь на скамью.

— Не очень, — ответил я и сел напротив.

■

¹ Тост — подсушенный в тостере хлеб.

— Становишься настоящим нью-йоркцем,— с грустной улыбкой заметил Эдди, слегка раскачиваясь. Он взглянул на меня грустными прекрасными глазами: — Не мог бы я остаться у вас на ночь сегодня? Я хочу сказать, тетя не станет возражать?

— Думаю, нет,— оживленно ответил я.— Наоборот, ей будет приятно. Сделаем уроки, потолкуем о школе...

— Мне не хотелось бы сейчас говорить ни о чем,— сказал Эдди.— Ты не против?

Я встал с качалки, за мной и Эдди.

— Понимаешь, мне неохота идти домой и потом нужно с кем-то поделиться... поговорить о себе, о родителях... о своем настроении...

— Да, да, конечно,— поддержал я.

Мы тихо направились домой. Возле дома по-прежнему играли ребятишки. Одна девочка поскользнулась и шлепнулась. Она стала упрекать подружку. Вспыхнула ссора. Через минуту обе ревели. Их плач преследовал нас до самого верха.

Вечером тетя Салли созвонилась с матерью Эдди и предупредила, что Эдди останется у нас. Они так долго беседовали, что мы решили было, что мать Эдди возражает. Мы ошиблись. Появилась тетя и попросила помочь принести раскладушку из кладовки.

— Мы всё сделаем сами,— обрадовался Эдди.

Тетя пошла за свежим бельем.

Я уже собирался гасить свет, как Эдди сказал, что хотел бы поговорить со мной.

— Мне нужно облегчить душу.

Он пододвинул кровать вплотную к моей тахте и сел на подушку, укрыв ноги одеялом.

— Ну, давай,— попробовал я подбодрить его.

— Выключи свет,— тихо попросил Эдди.

Комната погрузилась в темноту. Наступила такая тишина, что было слышно взволнованное дыхание Эдди. Я тер-

пеливо ждал. Я чувствовал, рассказ его не может оставить меня безучастным. Мы встретились всего лишь несколько месяцев назад, но стали самыми близкими друзьями. Эдди помог мне познакомиться с ребятами в школе, там его все знали. Тетя была счастлива, что благодаря Эдди я не чувствовал себя одиноким в новой школе. Она была права.

Я понимал, как трудно Эдди начать разговор. Его волнение передалось мне. Я не удержался и тоже сел на подушку. Наконец он решился. От его выразительного голоса комната будто ожила. Темнота исчезла, воздух посвежел; казалось, даже стены раздвинулись подобно занавесу на сцене. Передо мной открывалась жизнь Эдди.

— Было часов двенадцать ночи, когда я вчера вернулся домой с дня рождения Энни, — начал свой рассказ Эдди. — В доме уже было темно, только на кухне горела маленькая лампочка. Она всегда горит у нас ночью. Я не хотел попадаться на глаза маме, тихонько прокрался в комнату, разделся в темноте и юркнул под одеяло. Понимаешь, мама обидела меня. Мне не хотелось ее видеть и тем более выдавать свою обиду каким-то словом или жестом. Я не умею скрывать свои чувства. Их можно прочесть на моем лице.

Мне захотелось пить, но на кухню идти нужно было через мамину комнату, и я решил потерпеть. Обида на маму была еще свежа. Я хотел преподнести Энни в день рождения подарок, и мама обещала купить. Она сказала, что женщина знает, что может понравиться другой женщине. Она убедила меня, я полагался на ее вкус. Тетя твоя считает, что у мамы тонкая интуиция...

Я отвлекся. Словом, мама обещала, и когда я забежал домой из школы, я был уверен, что готовый подарок в красивой упаковке уже ждет меня. Мама вдруг заявляет, что ничего не купила.

Я было приуныл, но тут же подумал об отце. Отец без

долгих раздумий тратил деньги и всегда делал язвительные замечания, если мама отказывала мне в какой-нибудь просьбе.

У нас, например, вышел спор о баскетболе. По ее мнению, я могу прекрасно развиваться физически, если буду таскать ее сумку с продуктами. Попросил купить коньки, она опять отказывает и вновь со своими смешными возражениями. Словом, тогда я пожаловался отцу. В моем присутствии он ничего не сказал маме, но позже я слышал весь их разговор. Отец выговаривал маме и заявил, что он не хочет, чтобы у его сына сложилось впечатление, будто родители не заботятся о нем. После услышанного я решил, что мой отец величайший человек на свете. Думаю, если бы он, как я, родился в Америке, он мог бы стать мэром Нью-Йорка или послом США в России. Даже упрямые русские полюбили бы его и прислушивались бы к его советам.

Отец считает, что деньги должны приносить удовольствие, наполнять жизнь радостью. Мама всегда спорит. Она утверждает, что тратить их надо с пользой, а не сорить деньгами попусту. «Если тратишь деньги бездумно,— утверждает она,— деньги становятся орудием в руках дьявола».

Когда вчера мама сказала, что не купила подарка, я попросил у нее три-четыре доллара, чтобы купить подарок самому.

«У меня нет денег, Эдди»,— сказала мама и открыла холодильник, чтобы вынуть салат. Я забежал из школы позавтракать — была большая перемена.

«Тебе же каждую неделю папа дает деньги»,— возразил я.

«Это не твоё дело»,— сердито ответила она.

Она нервничала и была какой-то беспокойной, даже уронила на стол салатницу, чего с ней никогда не бывало. Мама всегда отличалась выдержкой и спокойствием. Она, правда, покрикивала на меня, чтобы я ел побольше овощей, пил молоко, тогда не буду такой бледный и худой. Но я всегда

знал, что на самом деле она не злится, а тут понял, что она была по-настоящему взвинчена.

Тем не менее я надулся, не стал есть салат и почти не притронулся к молоку. Я выбежал из дома, даже не поцеловав маму на прощанье, как всегда делал раньше. Уже на улице я почувствовал стыд за свой поступок.

Отец иногда бывает раздраженным. Такое с ним может случиться, если вдруг какой-нибудь растапа ударит в дорожной суতোлке его машину или он проиграется на скачках, но обычно он бывает в порядке. Мне он никогда не отказывает в деньгах. «Ничто не придает такой вес человеку, как деньги», — любит часто повторять он. На что мама всегда возражает: «Деньги — еще не все, Беннигно. В мире много такого, что не купишь ни за какие деньги. Именно это самое дорогое, самое лучшее в жизни».

Женская интуиция... Мама начинает рассуждать о вещах, о которых не имеет понятия. Да и откуда ей обо всем этом знать, коль она бывает только дома, в церкви или в универсальном магазине. Она ни разу не бывала даже на Уолл-стрите¹. Как-то за ужином мы вволю повеселились, когда отец начал объяснять, как покупают акции на Нью-Йоркской бирже. Мама вмешалась в разговор и заявила, что она думала, будто на бирже продают только свиней и коров.

Обо всем этом я размышлял по дороге в школу. Я был раздражен невероятно. Помнишь, ты встретил меня? Вид у меня был, точно я провалился на экзамене, и ты стал подшучивать надо мной.

Ты оказался настоящим другом и дал мне взаймы два доллара. Ты тогда еще сказал, что не пойдешь на вечер. День был морозный, и ты предпочел остаться дома.

После уроков я пошел на угол 69-й стрит и Амстердамавеню к Стейну, выбрал коробку филиппинских носовых

¹ Уолл-стрит — улица в Нью-Йорке, на которой расположены банки и правления корпораций.

платков с вышитой буквой «А». Хотя коробка стоила два доллара сорок центов, мне ее отдали за доллар девяносто восемь, продавец сказал, что знает моего отца.

Когда я вернулся из магазина домой, мамы не было, но обед стоял на плите. На столе лежала записка:

*Поешь, прежде чем пойдешь к Энни.
Не жди меня. Мама.*

Вечер удался на славу. Отец Энни наговорил массу лестных слов о моем отце. Он сказал, что слышал, как отец пожертвовал школе пятьдесят долларов на ремонт баскетбольных щитов. Я отлично помнил тот день. Я был невероятно горд, потому что, когда мы выходили из гимнастического зала, даже миссис Тернер, наша учительница по математике, которая вообще никогда не улыбается, даже она приятно улыбнулась и заявила: я должен быть счастливым, что у меня такой отец.

По дороге домой отец сказал: «Я пожертвовал школе пятьдесят долларов отнюдь не только ради престижа нашей семьи». Я промолчал, он продолжал: «Когда говорят деньги, все внимают. Таков закон жизни!»

Узнав о пожертвовании, мама не сказала ни слова. Отец же хотел знать ее мнение на этот счет, но она не раскрывала рта. Ее молчание рассердило отца. «Я не знаю, что с тобой происходит,— заявил он.— Когда я прошу тебя замолчать, тебя невозможно остановить. Когда же хочу, чтобы ты сказала хоть несколько слов, ты молчишь, будто немая».

Но мама упорно молчала. Она нервно пододвинула мне тарелку с рисом, не проронив ни слова. Когда отец собрался вечером из дому, она все же нарушила молчание: «Я хотела бы, чтобы ты больше бывал дома, Бенигно». Голос ее звучал грустно.

«В чем дело, Констанция? — возразил отец. — Ты говоришь так, будто я совсем не проявляю о тебе заботы.

Разве я пренебрегаю своими обязанностями? Ты достаточно получаешь от меня денег».

«Мне нужны не только твои деньги, Бенигно. Я почти не вижу тебя. Днем ты работаешь, а вечером я опять остаюсь одна. Были случаи, когда ты вообще не приходил домой».

«О Констанция,— с легкой усмешкой ответил отец,— не будь сентиментальна. Мы давно расстались с юностью. От жизни надо получать как можно больше. Надо жить».

«Но я не могу жить без тебя!» — воскликнула мама, готовая вот-вот заплакать.

«Увидимся позднее. Мне надо идти», — сказал отец и надел пальто.

Мама ушла в гостиную. Я услышал, как за отцом хлопнула дверь, и взялся за тетрадь по математике. Я вдруг почувствовал к математике особый интерес, и отнюдь не из-за улыбки миссис Тернер. Ну ее к черту! Меня заинтересовал сам предмет.

Я открыл тетрадь, но тут раздались звуки гитары. Мама играла в гостиной. Она запела грустную старинную испанскую песню, которую так любила и часто напевала мне в детстве. В молодости мама была хорошая гитаристка, а по словам отца, и прекрасная певица. У нее до сих пор хранятся фотографии, как она поет на сцене и на радио. Отец всегда говорил об этом с гордостью. «Все Филиппины были у ее ног. Пением она зарабатывала большие деньги. Она была удивительной!» — любил он похвастаться перед друзьями.

Слово «удивительный» было его любимым словом. Если он хотел подчеркнуть что-то значительное, он всегда употреблял это слово.

Давно мне не приходилось слышать, как поет мама. Она не пела с того самого дня, как мы получили известие, что умерла ее старенькая мама, жившая на Лусоне, на севере Филиппин. Мама ни с кем не хотела разговаривать и только плакала. До утра она просидела в гостиной, оттуда раздавался звон гитары и старинные испанские песни. На сле-

душый день я как дурак полез к ней с расспросами — отчего всю ночь она сидела и пела в темноте?

«Мне становилось легче. Я изливала ветру всю грусть свою и печаль».

Мама произнесла это, как заправский психоаналитик, я не стал продолжать разговор, сделав вид, будто все понял, но кто может по-настоящему понять психолога?

В этот злополучный вечер, как я тебе говорил, мне не хотелось встречаться с мамой. Я знал: отца дома нет, день был субботний, а по субботам он всегда уходил играть в бильярд с друзьями на Колáмбас-авеню. Иногда он говорил, что уходит по делам. Что за дела у него бывали по вечерам, я не знал. Единственно, что мне было известно: днем отец работает в офисе в центре города близ Уолл-стрита. Отец был бизнесменом.

Я лег спать, однако мне не спалось. Что-то мешало. Я вспоминал Энни. Когда мы играли, Энни шепнула, что из всех гостей я — самый красивый мальчик.

Мои мысли прервал звук гитары, послышалось пение. Вновь звучала любимая мамина старинная испанская песня:

Ella su vuelo seguira basta encontrar
A su companero que se fue y no volvio...¹

Какой уж тут сон... Меня начала мучить совесть. Мне казалось, что причиной маминого грустного настроения мое поведение.

Я зажег свет и решил поговорить с мамой.

Я вошел в гостиную. Мама сидела на софе, спиной к кухне, глаза ее были устремлены в окно. Она не видела меня. Я встал у нее за спиной, тогда она почувствовала, что не одна в комнате, и повернулась ко мне. Слабый свет из кухни высветил ее лицо, оно было в слезах.

■

¹ «Она все будет лететь и лететь, пока не отыщет друга, что ушел и не возвратился...»

Смутившись, она резко встала, вытерла лицо рукавом блузы и попыталась улыбнуться.

«Ну, как вечер?» — спросила она и потянулась к шнуру лампы за софой.

«Хороший, мама». Ничего другого от волнения я придумать не мог. Мне так много хотелось ей сказать, я чувствовал свою вину, свою несправедливость, но не знал, как выразить эти чувства. При свете настольной лампы стали ярче видны слезинки, которые она не успела вытереть в спешке.

«Ты плакала, мама? — с трудом произнес я наконец. — Все из-за меня?»

«Нет, сынок, не из-за тебя».

«Уже так поздно, мамочка!»

Мама вновь села на софу. Она хотела опять вытереть лицо рукавом, но я схватил со стола платок и передал ей. Мама взглянула на меня своими горькими, грустными глазами и улыбнулась.

«Не тревожься за меня, малыш. Все в порядке. Я просто развлекала себя сама».

«Прости меня, родная!»

«Поверь, сынок, дело не в тебе».

Она взялась за гитару, а когда я вышел на кухню, включила свет. Я вспомнил, что хотел пить, и подошел к крану. Вода побежала в стакан, а в гостиной полилась песня.

Я направился было в спальню, но передумал и вернулся в гостиную.

«Мам, уже полночь», — напомнил я, но она не ответила, она пела:

Que caera en feliz,
Sin encontrar su amor... ¹

«Мама!»

«Не кричи, Эдди, я слышу. — Она положила гитару на

■

¹ «Счастливой она упадет на землю, хоть так и не встретила любовь свою...»

софу и зажгла свет. На лице ее вновь были слезы.— Иди спать! Оставь меня, пожалуйста, одну».

«Я не усну, пока не узнаю, что произошло»,— стал настаивать я.

«Ты доставишь мне удовольствие, если оставишь меня в покое,— сказала она мягко.— Ничего не случилось, я просто пою».

«Это не так, мама.— Голос мой дрогнул.— Ты выглядишь такой расстроенной. Даже в своей комнате мне видится твое грустное лицо. В чем дело?»

«Ничего особенного. Теперь иди, как послушный мальчик, спать».

Я с неохотой повиновался, почувствовав, что раздражаю ее. На сей раз я уснул, но это был тревожный сон. Я мгновенно проснулся, когда услышал в гостиной голоса. Вернулся отец. Охваченный любопытством, я прислушался. В гостиной ярко горели все лампы. Я приоткрыл дверь.

«Эдди дома?» — спросил отец. Он стоял возле радиоприемника. Мама сидела на софе спиной ко мне. Гитара лежала рядом.

«Он спит».

«А почему ты не спишь?»

«Ждала тебя. Мне нужно с тобой поговорить. Эдди не следует знать о нашем разговоре. Ты для него кумир. Я не хочу разубеждать его».

«Это было бы несправедливо».

«Бенигно, я тебя совсем не вижу».

«Ты опять за свое?» — прервал отец.

«Выслушай меня,— твердо сказала мама. По ее тону я понял, что она сейчас скажет что-то очень важное.— Сегодня утром я пошла в универсальный магазин к Бэрну, где у тебя счет. Я хотела купить подарок для Энни, меня прервал Эдди. Когда я пришла туда...»

«Это что, рассказ или претензия?» — снова прервал ее

отец. Я не узнал отца, так он был резок. Сердце мое учащенно забилось.

«Послушай! — настаивала мама. — Когда я пришла в магазин, девушки, к которой я обычно обращаюсь, не оказалось, она больше не работает в магазине. С тех пор как я была там последний раз, прошло немало времени. Я выбрала для Энни симпатичную блузку и, как всегда, попросила отнести ее на твой счет. Продавщица — я назвалась миссис Бенигно Рубио — вытаращила глаза, затем извинилась и позвала менеджера. Тот появился и стал требовать документы. У меня их с собой не оказалось. Никто не спрашивал у меня документов, когда я делала покупки раньше. Менеджер удивленно поднял брови и подозрительно уставился на меня. «Понимаете, мадам, — наконец произнес он, — мистер Рубио только вчера был у нас, покупал для миссис Рубио платье». — «Может, это для меня?» — ответила я, но он отрицательно покачал головой. «Мадам, — сказал он, — ваш размер шестнадцатый, а он купил платье одиннадцатого размера». Я не знала, куда деваться от стыда. Какой уж здесь подарок... Это не все, что я хотела сказать, Бенигно. С понедельника ты не даешь ни копейки, сегодня же пятница. У меня в кошельке всего три доллара с мелочью. Когда Эдди попросил денег на подарок, я не могла ничего ему дать. Мальчик на меня обиделся, хуже — он проявил неуважение ко мне, но я не могу упрекнуть его».

Мама заплакала, вслед за ней чуть не заревел и я. Я был готов упасть перед ней на колени, умолять о прощении, но сдержался.

Отец полез в карман и вытащил бумажник.

«Если деньги — причина твоего раздражения, пожалуйста». Он вытащил несколько банкнот и бросил на стол возле гитары.

«Я повторяю, мне нужны не только деньги».

«Так что же ты жалуешься, будто у тебя нет денег?»

«Это разные вещи», — повысила голос мама.

«Опять за свое...— Лицо отца покраснело.— Сначала ты просила денег, ты их получила. Теперь что?»

Мама встала. Отец вытащил из бумажника еще несколько банкнот и бросил их на стол.

«Вот... Я думаю, здесь хватит, чтобы ты успокоилась на первое время».

Я наблюдал за сценой, притаившись за дверью, стараясь быть незамеченным.

«Повторяю, Бенигно, и вновь буду повторять,— голос мамы прерывался от сдерживаемых рыданий,— мне от тебя нужны не только деньги».

«Чего ты еще хочешь от меня? — перешел опять на крик отец.— Яйцо в бутылку пива?»

«Оставь жаргон лошадиных скачек, Бенигно, я не понимаю его!» — воскликнула мама, встав подле двери в мокрую комнату.

Я слышал ее взволнованное дыхание.

«Единственное, что мне нужно от тебя,— это ты сам. Я люблю тебя, Бенигно!»

Но отец, видимо, уже не слышал ее последних слов. Никогда в жизни я не забуду горечи, которая звучала в маминих словах.

Он открыл входную дверь и так хлопнул, что на кухне даже лампочка мигнула.

Я был ошарашен.

Мама вернулась в гостиную; сквозь сдавленные рыдания я слышал какие-то слова, сердце мое не выдержало, и я бросился к ней, сел возле нее, взял за руку. Она отпрянула от неожиданности. Я видел ее замешательство. Интуитивно она поняла, что я все видел, все слышал.

«Сынок, прости меня,— огорченно прошептала она.— Я виновата, очень виновата перед тобой».

«Ничего, мама, все пройдет,— успокаивал я ее, как взрослый, стараясь утешить.— Отец вернется».

«Надеюсь, сын,— ответила она и взглянула на брошен-

ные отцом деньги.— Папа думает, что одни лишь деньги делают человека счастливым».

Но ведь и я думал точно так. Только после этой тяжелой сцены я вдруг прозрел, я словно оглянулся вокруг и увидел, что в мире существует многое, что куда дороже, чем деньги.

На столе лежало долларов двести—триста, но это не трогало маму. Я говорил уже, что мне казалось, будто мама ничего не смыслит в деньгах. Я смеялся над ее представлением, будто на Нью-Йоркской бирже торгуют скотом. Я был не прав.

«Мамуля,— сказал я нежно,— я всегда останусь с тобой. Я пойду работать, буду помогать тебе. Я постараюсь зарабатывать столько, чтобы никогда не видеть тебя расстроенной, как сегодня».

Не знаю, почему пришли мне в голову эти слова, но я был так переполнен любовью к маме, что они вырвались сами собой. Может, я сказал не то, что нужно, но я действительно думал только о маме.

«Я боюсь, что ты берешь пример со своего отца,— мягко и спокойно ответила мама. Она уже взяла себя в руки.— Послушай, что я скажу. Рано или поздно ты поймешь, что о человеке нужно судить не по тому, сколько у него денег, а по тому, как он относится к деньгам».

Я молчал. Мне в голову вновь пришла мысль о женской интуиции. Очевидно, женщины — великие мудрецы. Машины слова доходили до меня лучше, чем любой учебник, это была школа жизни.

Мама потянулась за гитарой.

«Иди в постель, сын,— сказала она, беря несколько аккордов,— я скоро тоже лягу».

«Ладно, мама»,— ответил я. Я сходил на кухню и вновь выпил воды.

Мама услышала журчание воды и попросила тоже принести ей попить.

«Пересохло в горле, Эдди, не могу даже петь.— Она взяла стакан и улыбнулась.— Спасибо, сынок, теперь иди спать и забудь все, что случилось нынешней ночью».

«Хорошо, мама»,— согласился я, но был уверен, что никогда не забуду эту ночь.

Мама потушила свет, дом погрузился в темноту, лишь на кухне горела пятисвечовая лампочка. Уже под одеялом я услышал, как мама запела свою любимую испанскую песню:

Que caera en feliz,
Sin encontrar su amor...

Под звуки этой мелодии я дал себе слово никогда не думать о деньгах, пока отец не вернется к нам. Мы станем снова счастливыми, а мама больше не будет петь в темноте свои грустные песни...

Стены моей комнаты вновь сдвинулись, снова стало душно и темно. Я слышал, как шуршат простыни на кровати у Эдди.

— Спокойной ночи, Крис,— сказал он после небольшой паузы.

— Спокойной ночи,— пожелал я Эдди и закутался в одеяло.

В ту ночь мне приснилась моя родная деревня Ремедиос. Была фиеста. Люди сошлись на площади послушать пение прекрасной женщины.

АДОБО ТЕТИ САЛЛИ

В отличие от жителей моего родного баррио Ремедиос, наслаждавшихся медленно текущими днями, американцы казались мне обезумевшими от стремления всячески сократить старое доброе Время.

Они создали гоночные автомобили, ввели обучение во сне, стали пить быстрорастворимый кофе, наслаждаться музыкой из магнитофона и готовить обед в скороварке.

Вместо классического приготовления риса, когда тот должен был, как в нашем баррио, часами кипеть на слабом огне, они вырастили особое зерно, стали сыпать его в кипяток и снимать всего через несколько минут — рис был готов.

Американцы даже стали обманывать само Время и ввели программу «экономии дневного времени», переводя нормальные часы по собственному усмотрению. Все это происходит с разрешения конгресса и президента. Сам конгресс, вместо того чтобы работать целый год, успевает переделать свои дела за несколько месяцев, а президент у них вообще никогда не спит.

Я помню, как учительница по истории миссис Джордж рассказывала про одного президента, тот утверждал, будто работает двадцать пять часов в сутки. Когда его спросили, как, мол, ему это удается, президент ответил: «Я всегда встаю на час раньше».

Я, конечно, написал о президенте своим в баррио Ремедиос и, по словам дяди Сиано, посеял в их доме невероятный раздор. Мама, услышав про незасыпающего президента, удивилась:

«Как это он может не спать?»

«Очень просто, — разъяснил дядя Сиано, — у него сварливая жена».

Тетя Клара, конечно, смекнула, что он имеет в виду от-

нюдь не американского президента, и кинула в него деревянную туфлю.

Отец рассуждал иначе. Он заявил:

«Президент пользуется будильником».

«А что такое будильник?» — вновь спросила мама.

«Сварливая жена», — вновь подхватил дядя Сиано.

Тетя Клара с туфлей в руках преследовала его до самой бамбуковой рощи.

Я рассказал учительнице о событиях в нашей семье и, откровенно говоря, побаивался, что миссис Джордж обидится на моих стариков, но волновался напрасно. Она весело улыбнулась и заметила, что получился отличный спектакль.

Миссис Джордж пересказала историю в классе, все дружно смеялись, а Энни, подружка Эдди, потом мне рассказала, что знала одного сторожа-индейца. Все думали, что он всю ночь бодрствует, пока не поняли, что он спит с открытыми глазами.

Словом, в Америке все происходит раньше времени. Автомобили марки будущего года покупаются в этом году, на год раньше распродают билеты на шоу на Бродвее, даже воскресные газеты продаются в субботу вечером, и только одно всегда опаздывает — весна.

В книжках утверждают: весна приходит в марте, числа 21, но уже апрель, а на дворе по-прежнему стужа.

Я как-то не выдержал и пошел за разъяснениями к дяде Питу.

— Истинный признак прихода весны, — заявил он, — когда наша соседка сверху миссис Кэртер выбрасывает на двор свою новогоднюю елку.

— Очень смешно, — заметила тетя, поставив кофейник на стол, — уважал бы хоть ее седины!

— Твоя тетка имеет в виду, что больше уважать ее не за что. Этой даме доставляет особое удовольствие оскорблять нас, оттого что мы не белые.

— А у нее в жизни ничего лучшего и не осталось,— отпарировала тетя.

— Лучше бы она заткнула свой рот. Я от нее сойду с ума! — взъярился дядя.

...Миссис Картер была старой женщиной, ей было, по моему, далеко за шестьдесят. Жила она как раз над нами лет двадцать. Я об этом узнал от весельчака и толстяка итальянца Тони; я как-то пришел к нему с жалобой на соседку, что она постоянно третирует меня, а однажды даже заорала: «Прочь с дороги, филиппинская собака!»

— Не обращай на нее внимания,— заметил Тони и покрутил возле виска пальцем: она, мол, чокнутая. Потом рассказал, что еще в войну — дело было зимой — миссис Картер вышла на улицу, а там в снежки играли пуэрториканские ребятишки. Кто-то случайно попал в нее снежком, старуха упала, сломала ногу и угодила в больницу на несколько недель. После больницы она и стала кидаться на дядю Пита и тетю Салли. У них, как и у пуэрториканцев, были испанские фамилии...

— В жизни она не видела ничего хорошего, вот и все,— повторила тетя и подложила мне на тарелку кекса.

— Она много болтает, хотя ни в чем не смыслит,— не унимался дядя, прожевывая кекс.

Тетя подсела к дядюшке и начала разговор насчет собственного дела.

— Ты опять? — завелся дядя, размахивая вилкой.— Забудь об этом. Я прилично зарабатываю, доволен работой, все мы застрахованы, чего тебе еще недостает?

— Я хочу, чтобы мы стали людьми,— упрямо стояла на своем тетя.— Всю жизнь ты ходишь в официантах. Если бы у нас было свое дело...

Дядя быстро допил кофе, заявил, что опаздывает на работу и болтать ему некогда. Тетя даже не посмотрела в его сторону, уставившись на жирное пятно, растекшееся по верхней корочке пирога.

— Не забивай себе голову, Салли!— подошел к ней дядя. Наконец она подняла глаза:

— Я так вкусно готовлю, Пит. Американцам наверняка понравится филиппинская кухня. Они обожают все новое. Или я не права?

— Нет!—отрезал дядя, целуя ее на прощанье.— Совсем опоздал! Увидимся позже, Крис. Пока! — И он исчез. По лестнице застучали его ботинки.

Мы молча начали мыть посуду.

Это был не первый случай, когда у дяди с тетей возникали споры из-за «собственного дела». С первых дней, как только я пошел в школу, тетя начала подумывать, как сделать из своего мужа более значительную фигуру.

— Ты не должен оставаться официантом всю жизнь,— как-то заметила она,— ты должен что-то сделать.

Дяде не нравились эти разговоры. Он был убежден: все, что нужно, он для себя сделал. Через несколько лет он собирался на пенсию. Сиди себе сложа руки. Не надо вскакивать спозаранок и ложиться спать за полночь.

— Мы сможем поехать даже на Филиппины,— бодро говаривал он,— повидаемся со всеми в Ремедиосе.

— Хорошо бы,— соглашалась тетя, но тут же вскипала:— Мне стыдно будет, когда спросят, чем ты занимаешься в Америке! Что же, мне так и отвечать, что ты официант?

— А что тут плохого? На мою получку мы неплохо едим.

— Но мы ели бы лучше, если бы ты стал хозяином хотя бы самого маленького ресторанчика. Я уверена, все американцы раскрыли бы рты от одного запаха филиппинских блюд, особенно в моем исполнении. Разве не я получила приз за «цыпленка адобо» на последнем конкурсе хозяек?

— И все же я не уверен, что многим придется по вкусу кухня по-филиппински,— покачал головой дядя.— Вон миссис Картер поносит тебя за твой чеснок и лавровый лист.

— Я уверена, американцам понравится!

— А миссис Картер...

— Она не американка, — возразила тетушка, — она американка только по документам.

— И все же мы не можем открыть своего, даже «самого маленького ресторанчика», слишком велик риск.

— Кто не рискует, тот не добьется победы! — отважно заявила тетя.

— Опять начиталась книжек Криса. Читай себе на здоровье! Теперь пора спать.

Дядя зевнул, а тетя в отчаянии замотала головой:

— Хоть ты покажи, Крис, что не зря пошел в школу. Скажи ему о котле, о котором вы там вчера говорили в школе.

— Как официант, я досконально знаю все о котлах, — авторитетно заявил дядя. — Что тебя интересует?

— Скажи, что такое «кипящий котел»?

— Америка! Вот что это такое. Ты думала, я буду рассуждать о кухонной утвари? Не выйдет, моя милая! Если я не читаю книг, это еще не значит, что не читаю газет.

— Ты невозможный человек, из-за тебя мне сегодня наверняка приснится какой-нибудь кошмар.

Они отправились спать в расстроенных чувствах.

Тетя начала проявлять особую настойчивость насчет ресторанчика, как только стала членом школьного родительского комитета. Как-то наш директор заметил, что никогда не пробовал таких вкусных цыплят, как у тети Салли. «Если вы начнете готовить филиппинские блюда на продажу, — заявил он, — вы составите себе состояние».

Я-то думаю, директор проявил простую любезность, но благодаря его голосу тетушка получила в премию большую банку клубничного варенья «за лучшее блюдо из цыплят». Банке варенья тетя не придавала особого значения, ведь эту банку она пожертвовала школе сама, зато была невероятно горда победой на конкурсе и радостно улыбалась во время

награждения. Единственное, что огорчало ее,— необходимость есть эту банку самой, дядя ненавидел клубничное варенье: зернышки от клубники попадали в его последние пять-шесть зубов и причиняли ему неимоверную боль. Именно он надоумил тетю пожертвовать банку варенья для первого приза. Когда дядя увидел, что банка вновь вернулась домой, то не знал, смеяться ему или плакать. Все же он изобразил улыбку, а тетя осталась горда своим цыплячьим блюдом. С того дня ее одолела идея о собственном панситерии¹, что вызывало у дяди кислую, как тетушкин уксус, улыбку.

По правде говоря, мне нравилось тетушкино желание. Панситерий сразу превращал меня в выдающуюся личность среди одноклассников, умственная энергия которых в основном направлялась на неустанные поиски чего-нибудь съестного. Казалось, они постоянно думают о еде. Предложи я Скипу Хэнли, этому верзиле-грубияну, кусочек тетушкиного цыпленка, что так очаровал директора, уверен, Слип поклялся бы не надоедать мне больше своей дурацкой песенкой *«У обезьян в Замбоанге нет хвостов»*².

Однажды мы с тетей оказались в универсаме и встретили миссис Ахиллес, у ее мужа была греческая кофейня на углу 62-й стрит и Амстердам-авеню.

— Как дела? — завела разговор тетушка, пока они двигались в очереди вдоль мясного прилавка.

— Не так плохо. Муж хочет кончать с делом. Мы уже старики, хотелось бы перед смертью побывать на островах Эгейского моря, снова вдохнуть родной воздух Средиземноморья.

■

¹ Панситерий — небольшой ресторанчик, где обязанности повара, официанта и пр. выполняет хозяин или члены его семьи. Панситерии широко распространены на Филиппинах.

² Издательская песенка, которую сложили о филиппинцах американские оккупанты в начале века. Замбоанга — город на юге Филиппин.

— Вы собираетесь закрывать кафе? — встрепелась тетя.

— Да, к концу месяца, и сразу начнем заниматься визитами. Ужасно боюсь прививок, просто ненавижу, да муж говорит — без уколов не будет и виз.

— Превосходно, превосходно, — будто в трансе повторила тетушка.

Подошла ее очередь, и не окликни я ее весьма энергично, она забыла бы про бараньи отбивные. Схватив мясо, тетушка торопливо распрощалась с госпожой Ахиллес. Греческая дама вновь повторила, что ужас как боится уколов, и пообещала уведомить тетушку об отъезде.

— Я непременно забегу к вам, — пообещала тетушка, — еще до конца недели.

Я понял ее и был уверен, что сегодня вечером вопрос будет поставлен ребром. Я оказался прав на сто процентов. Из спальни доносился громкий и жестокий спор, но в тот день я очень устал, и сон поборол мое любопытство.

За завтраком не то что о панситерии — вообще никаких разговоров не было. Тишину нарушало только бульканье закипавшего кофе да шипение яичницы на сковороде. Вдруг в напряженной тишине раздался грохот: тетя уронила на пол сковородку с яичницей и беконом. Дядя спокойно встал из-за стола и пошел за пальто и шляпой.

— Поем сегодня в отеле, — сказал он мне, — там по крайней мере хоть обслуживают с улыбкой.

Нервно соскребая яйца с пола и вытирая линолеум мокрой тряпкой, тетя не проронила ни звука. За дядей хлопнула входная дверь.

— Твой дядюшка достоин сожаления. В жизни ему ничего не добиться! Ночь мы не спали, всё спорили о кафе Ахиллеса. Он заявил под конец, что панситерий — это, мол, камни, которые мы собственными руками собираем, чтобы обрушить себе на голову. Он трус, твой дядя, но я не отступлюсь!

День был субботний, и все утро я не выходил из дома. Тетя возилась на кухне с цыплятами и свиной. Аромат разносился по всему подъезду. Запах уксуса, чеснока и свинины в соевом соусе радовал мое сердце. Он был, правда, резковат, но зато как аппетитен!

Во входную дверь кто-то постучал.

— Открой, Крис!

Я валялся на софе с новым романом ужасов, который взял у Эдди. Книжка была про человека-оборотня. Оборотень по ночам набрасывался на юных девушек и алчно высасывал у них кровь. Наутро он вновь превращался в скромного, тихого человека средних лет, для которого единственной радостью в жизни было созерцать, как его дочка расцветает в очаровательную женщину. Случилось так, что однажды оборотень не наткнулся ни на одну жертву и, разочарованный, вернулся домой. Дочь спокойно спала в постели. Охваченный жаждой крови, он собрался убить ее, но дочь проснулась и дико закричала. Отца обуял ужас, он стал молить, чтобы она убила его, но у дочки не поднялась рука, тогда убил он. Напившись крови родной дочери, он стал вновь сильным и могучим. Кровь, по его утверждению, гуще, чем вода.

Услышав возглас тетушки, я уронил книгу на пол и побежал к двери. У входа стоял молодой человек лет двадцати пяти, с белозубой улыбкой во весь рот и в светло-коричневой рубашке с закатанными рукавами. Когда он спросил, может ли видеть хозяйку дома, я решил, что передо мной агент по продаже зубной пасты.

Я крикнул тетушку, она появилась, вытирая руки разноцветным передником.

— Мадам, вы та женщина, что готовит адобо?

Тетушка вытаращила глаза: ей и в голову не могло прийти, что американец может догадаться, какое она готовит блюдо.

— Как вы узнали, сэр?

— Мне приходилось бывать на Филиппинах во время войны. Разрешите войти?

— Конечно, конечно,— поспешно ответила тетя, поглядывая на меня.— Мой племянник Крис, недавно приехал со старой родины.

— Рад с вами познакомиться, Крис,— протянул он руку. (Автоматически в памяти моей возник образ Ричарда Купера.) — Меня зовут Гáрри. Гарри Вíдер. Я почувствовал запах, напомнивший Филиппины, не удержался и поступал!

Незнакомец говорил бодро, весело, слушать его было одно удовольствие, он все время размахивал руками. Заметив, что зубы у него искусственные, я переменял мнение: продавцом пасты он быть не мог. «Чем же он торгует?» — стал гадать я.

— Адобо будет готово с минуты на минуту,— обещающе заявила тетя,— подождите, если вам позволяет время.

Она направилась на кухню и начала энергично мешать в судке для адобо куски мяса. Кухню наполнил аромат лаврового листа. Тетя чайной ложечкой попробовала соус и осталась весьма довольна. Стряпала она теперь с особым вдохновением: она принимала гостя, тот бывал на ее старой родине, в нем пробудилось желание отведать ее филиппинское адобо.

Через несколько минут блюдо с цыпленком и свинойной стояло на столе. Гость только причмокнул от удовольствия.

— Как вы предпочитаете адобо,— спросила тетя,— с рисом или с хлебом?

Я должен заметить, что адобо на Филиппинах едят только с рисом. Хлеб у нас едят редко, так, за завтраком, в виде бутерброда или когда приглашают в гости европейца.

— С рисом! — воскликнул человек с чувством.— Я ем адобо, как истинный филиппинец.

Тетушка принесла тарелку с рисом, и гость вновь причмокнул:

— Вот как надо готовить рис! Не то что мы, американцы,— мы элементарно кипятим, а не варим рис.

— В Америке,— поддержала тетушка,— рис едят как овощи, а у нас на родине как хлеб.

— Вы мне еще будете рассказывать! — воскликнул Гарри.— Я прожил на вашей родине целых восемь месяцев.

— До чего приятно вас слушать,— улыбнулась тетя.— Вы торговец?

— Нет, мадам,— ответил тот, подгребая ложкой рис и какладывая его горкой на тарелке.— Я работаю по специальным заданиям.

Мы хотели было задать вопрос, что это за «специальные задания», но гость выглядел таким симпатичным, что мы не отважились его беспокоить. Он уплетал рис с таким разительным аппетитом, что я решил последовать его примеру; когда же Гарри заканчивал вторую порцию, не удержалась сама тетушка.

Продолжая сражаться одной рукой с цыпленком, другой рукой незнакомец вытащил из портфеля цепочку с кулоном и передал его тете.

— Мадам, примите этот скромный подарок,— улыбнулся он искусственными зубами,—вы подарили мне приятный час, какого у меня давно не было в последнее время.

Тетя остолбенела. Она сидела с открытым ртом, но из него не вылетало ни звука, она лишь кивала головой и нервно вытирала руки о замасленный передник. Только спустя несколько минут губы ее могли произнести:

— Что вы, сэр!

— Пожалуйста, мадам,— настаивал пришелец.— У вас в стране я никогда не отказывался от подарков. Я нанес бы тяжкую обиду вашему народу. Не обижайте и вы меня, пожалуйста.

— Но... но...

— Примите, мадам! Когда вы намерены готовить адобо вновь?

Тетя была счастлива. Она застенчиво улыбнулась; когда же открыла рот, из него полетели отдельные бессвязные слова:

— В воскресенье... то есть завтра... Мне хотелось, чтобы вы познакомились с моим мужем... Вы бы рассказали ему про адобо... Завтра он не работает, приходите к двенадцати часам. Я приготовлю адобо снова... только для вас!

Незнакомец приблизился к тете:

— Примите, пожалуйста, цепочку,— и вновь засиял улыбкой.

Наконец тетя отважилась взять подарок. Это была чудесная ювелирная работа. На длинной золотой цепочке висел кулон в форме цветка, в нем сверкали камни — наверное, бриллианты.

— Благодарю вас, сэр,— с трудом выдавила тетушка, была она необычайно смущена.— Это так дорого!

— Ничто не может быть дороже удовольствия, которое вы доставили мне сегодня,— провозгласил человек, будто торговец, совершивший хорошую сделку.— Завтра в полдень! Я буду!

Незнакомец вышел, и мы услышали его удаляющиеся проворные шаги. Тетушка сжала цепочку в руках. Она обернулась ко мне с широко раскрытыми глазами:

— Представь себе! Человеку так понравилась моя стряпня, что он подарил мне это!

С этой минуты тетушка впала словно в забытие. Она даже не обедала.

— Никак не дождусь Пита, чтобы рассказать ему про все это! Если в Америке нашелся один человек, который за мое адобо отдал такой прекрасный кулон, сколько же сотен людей готовы будут уплатить по доллару? Ты улавливаешь мою мысль, Крис?

Я устало кивнул головой. За последний час она задавала этот вопрос уже раз десять...

Часа в два пополудни раздался сильный стук в дверь.

В тот момент тетя была занята стиркой в ванной. Я поднялся из-за стола, где писал любовное послание Энни от имени Эдди, и побежал к двери. На мгновение мне показалось, что гнсовь вернулся любитель адобо, но, открыв дверь, я столкнулся с полицейским.

У меня задрожали коленки.

— Сыннок... — произнес полицейский. Голос у него был удивительно нежный. — Ты не видел здесь за последние несколько часов какого-нибудь незнакомого человека?

— Я... Не знаю, сэр, — робко пролепетал я. — Тетушка в ванной комнате. Может быть, она видела.

Тетя мне запрещала разговаривать с незнакомыми людьми, будь то даже полицейские.

— Хорошо, — сказал полицейский.

Я был готов закрыть за ним дверь, как в последний миг с баком белья появилась тетушка.

— Что случилось, Крис? — спросила она, обнаружив полицейского.

— Леди, — обратился к тетушке полицейский, — вы сегодня не замечали здесь незнакомых вам людей?

— Да, сэр, — ответила она, затем лоб ее нахмурился. — А что? — В этот момент она уже была у двери. — Заходите, сэр, — пригласила она, устанавливая бак на ближайший стул.

Полицейский вошел.

— Понимаете, леди, — начал он, — миссис Картер из вашего дома заявила, что сегодня утром у нее украли все драгоценности. Она утверждает, что уезжала к детям на Лонг-Айленд.

— Нет, — сказала тетушка, — нет!

— Что с вами? — спросил полицейский.

— Нет, — вновь заявила тетушка, хватаясь за горло, будто именно ее обокрали сегодня; затем она уставилась на полицейского и спросила: — Что?

— Это я вас спрашиваю «что», леди, — вновь сказал по-

лицейский, несколько обескураженный ее поведением.— Вы сегодня не встречали незнакомого вам типа?..

— Да, сэр! — возбужденно воскликнула тетя.— Но это был прекрасный человек. Воистину прекрасный! Ему так понравилось мое угощение, что он подарил мне...— тетушка выдержала небольшую паузу и с воодушевлением воскликнула: — ...ожерелье!

— Не мог бы я взглянуть на него, леди?

— Минуточку,— ответила она и ушла к себе в комнату.

В это время на наш этаж спустилась миссис Картер. Она сунулась в нашу дверь и спросила:

— Нашли что-нибудь, офицер?

— Возможно, миссис,— ответил тот.

— Я рада, что вы начали расследование именно с этих филиппинцев,— начала она.— Они всегда мне не нравились. Филиппинцы нисколько не отличаются от пуэрториканцев...

Когда тетя Салли вышла в прихожую и миссис Картер увидела у нее в руках кулон на цепочке, она закричала:

— Мой кулон, господин полицейский, мой!

— Минуточку, миссис,— остановил ее полицейский.

Миссис Картер была уже у нас в квартире, а лестничную площадку начали заполнять соседи, сбегавшиеся на ее вопли.

— Мой кулон! — грубо орала старуха.

Она вырвала из рук тети кулон, но полицейский отобрал его.

— Один человек заходил ко мне сегодня утром, когда я готовила обед,— начала тетя Салли, игнорируя миссис Картер.— Он сказал, что хотел бы отведать мое адобо, и я угостила его. Он заявил, что ему очень понравилось мое угощение, и подарил это украшение. Вот и все.

В этот момент в нашу квартиру уже проникли даже ребяташки итальянцев, что жили этажом ниже. Тетя Салли заплакала.

— Вы не могли бы поподробнее описать внешность этого человека? — спросил полицейский.

Тетушка повела рассказ о незнакомце со вставными зубами. Полицейский забросал ее вопросами. Миссис Картер все время вмешивалась в разговор, и полицейский, видно, уже одурел от нее.

— Что же вы намерены предпринять, миссис Картер? — спросил полицейский.

— Я возбужу дело против этой женщины, — заявила наша соседка, — эта негодяйка украла мои драгоценности.

— Минуточку, — остановил ее полицейский, — что-то не похоже, чтобы она у вас что-нибудь крада.

— Она единственная видела, как я уходила из дома! — закричала миссис Картер.

— Рассказывал ли вам человек о себе? — продолжал расспрашивать полицейский тетю.

Тетушка задумалась.

— Он сказал, что работает по специальным заданиям.

Полицейский ухмыльнулся.

— А еще сказал, что придет завтра, познакомиться с мужем.

— В котором часу? — заинтересовался полицейский.

— В обеденное время, — грустно сказала тетя.

— Отлично. Если он вернется завтра... вы спасены. Но если нет, то у нас с вами будет еще много хлопот.

— Вы хотя бы на время упекли ее в тюрьму, — потребовала миссис Картер.

— Нет, миссис. Мы сажаем только тех, кто осужден, — возразил полицейский.

Миссис Картер взяла кулон и посмотрела на тетю Салли.

— Грязные флиппы¹, — прошипела она яростно.

— Вы американка только по названию, — ответила тетя одними губами, но так, что видели все собравшиеся.

■

¹ Так американцы презрительно называют филиппинцев.

В тот вечер тетушка обо всем рассказала дяде Питу, но тот проявил удивительное спокойствие. Глаза тетушки были красными, по щекам текли слезы.

— Увидишь, он придет завтра,— говорила тетушка Салли.— Он сказал, что хочет встретиться с тобой и вновь попробовать адобо.

— Ты все еще дитя, Салли,— наконец промолвил дядюшка.— Тебе не следовало бы его впускать, не надо было и принимать этот кулон.

— Но это же был подарок,— возразила тетя.— Молодой человек казался таким симпатичным. Я не могла обидеть его отказом.

Разговор затянулся до глубокой ночи. Наверное, дядя с тетей вовсе не спали. Они сидели на кухне при свете, будто боялись, что к ним кто-то проникнет сквозь темную трещину в стене, и все говорили, говорили. В ту ночь дядя, видно, сильно недоспал.

На следующий день спозаранок тетя повела меня в церковь. Я был рад-радешенек: служба коротка, молитв почти никаких, а церковь пуста и прохладна. Были только одни старики да старухи.

По дороге домой тетя спросила, молился ли я за то, чтобы тот человек пришел вновь. Я ответил утвердительно. И я не врал.

Тетя крепко сжала мне левую руку:

— Ты добрый мальчик, Крис!

Около одиннадцати тетя принялась за адобо, начала варить рис и снова молиться, чтобы парень сдержал свое обещание. Я все время посматривал на часы — подарок отца перед моим отъездом из баррио.

Около 11.30 раздался стук в дверь. Это был полицейский с вежливым голосом.

— Я буду наверху. Как только он явится, стукните три раза ложкой по сковородке. Я буду знать, что он пришел.— И поднялся в квартиру миссис Картер.

— У меня такое чувство, что мы совершаем предательство,— сказала тетя.

Я промолчал. Из гостиной с воскресной газетой в руках вышел дядя.

— Ну что, твой приятель еще не появился?

— Заткнись! — огрызнулась тетя.— Если меня посадят, ни один человек не станет готовить тебе вкусные обеды.

— Я беспокоюсь не только о еде,— заметил дядя, голос его звучал озабоченно.

— Я думаю, придет. По тому, как он вчера уходил... Я уверена, что придет.

— Кстати,— выступил я,— в одном комиксе сказано, что преступник всегда возвращается к месту своего преступления.

— Великий сыщик, мастер дедукции,— усмехнулся дядя.— Я надеюсь, твое предсказание сбудется.

Дядя, как мне показалось, пытался шутить, но удавалось ему это неважно, он заметно нервничал. Он начал было подражать Чарли Чаплину, поклонился, как Чарли в своих знаменитых фильмах, собирался проделать то же самое перед тетушкой, как вновь раздался стук в дверь. Тетушка схватилась за горло.

Дверь пошел открывать дядя. То был Гарри Видер — он так представился. Увидев гостя, тетушка заплакала и совсем позабыла про совет полицейского: постучать по сквородке.

— Что произошло? — воскликнул Гарри Видер.— Уж не подгорело ли адобо?

— Нет... — простионала тетя, остальных ее слов вообще нельзя было разобрать из-за частых и бурных всхлипываний.

Дядя встал возле нее и представился гостю. Гарри же, выражая удовольствие от встречи, хлопал меня по плечу.

Прежде чем дядя успел захлопнуть дверь, появился полицейский. За его спиной маячила миссис Картер.

— Мы услышали стук в вашу дверь,— заявил полицейский.

Тетя Салли не смотрела на Гарри. Лицо ее было растерянным, будто преступником была она, а не Гарри.

Миссис Картер хранила молчание. Она была в широком домашнем платье из синего сатина. На голове во все стороны торчали папильотки.

— Где остальные драгоценности? — воскликнул полисмен, хватая Гарри за руку.

— О чем он толкует? — удивился наш гость.

— Они видели кулон, который вы подарили мне,— сказала тетушка. На глаза ее снова навернулись слезы.— Я им его показала... Вы так были любезны. Я не думала, что...

— А, понятно. Мне вообще-то не следовало возвращаться, боялся, что всякое может случиться. Но можете верить или нет, я ужасно хотел еще раз отведать адобо. Оно мне даже приснилось сегодня.

— Пошли,— сказал полисмен. На сей раз его голос звучал резко и жестко.

— Адью, мадам,— произнес парень.

Он зашагал к двери. Когда полисмен двинулся за ним, тетушка закричала:

— Подождите! — Она кинулась на кухню, наполнила кувшин готовым адобо и сказала парню: — Возьмите хоть это с собой. Ведь оно было приготовлено действительно для вас!

— Возьмите,—разрешил полисмен. Несмотря на командирский тон, голос его смягчился.— Уж больно хорошо пахнет.

Гарри взял теплый кувшин, и они ушли. Ушли и соседи. Я закрыл дверь.

Тетя Салли села возле обеденного стола и закрыла лицо руками, будто невероятно устала. Дядя направился на кухню, посмотреть, что там на обед. Я сел возле тети Салли.

— Ты все же не стучала в сковородку, тетушка!

Она подняла глаза:

— Ты добрый мальчик, Крис!

Дядя Пит закрыл дверь и сказал:

— Салли, я сейчас подумал... Если тот человек просто помешался на твоём адобо, то, может быть, многим захочется его попробовать. Я имею в виду, что...

Тетушка вскочила с кресла и кинулась к дяде Питу. Я решил, что она рехнулась. Сердце часто забилося, мне приходилось слышать, что в критический момент женщины как бы надламываются, но на лице тетушки появилась улыбка, она обняла дядю.

— Спасибо, Пит. Я побегу к миссис Ахиллес завтра же утром.

Опять раздался стук в дверь. Я пошел к двери, потому что руки дяди Пита были заняты: он обнимал тетю Салли за плечи, и они медленно рассказывали по гостинной.

Снова появилась миссис Картер.

— Я вернулась,— начала она невероятно деликатно,— чтобы спросить твою тетю, не даст ли она рецепт того... того удивительного блюда.

— Вы имеете в виду адобо?

— Да, малыш.

— Тетушка сейчас занята. Я не очень уверен, что она может вам дать рецепт. Но если уж вам так хочется, я стану для вас немного адобо сегодня вечером.

Она зыркнула на меня и обиженно вышла. Уже в тот миг я начал рассматривать миссис Картер как будущую посетительницу филиппинского панситерия на углу Амстердам-авеню и 64-й стрит. Как же я мог выдать профессиональный секрет тетушки Салли? Пусть миссис Картер обижается хоть сто раз!

ЭСТРЕЛЛИТА

Филиппинский панситерий открылся в среду, 15 мая. В этот день отмечался праздник цветов на Лейте, на родине тетушки Салли, он совпадал с ее днем рождения, и тетушка сочла это совпадение счастливым предзнаменованием для начала бизнеса.

День выдался теплый и солнечный. С реки Гудзон, с берега, где сгрудились железнодорожные депо и жилые кварталы Вест-Энда, ветер задувал к нам гарь и пыль.

Тетушка надела традиционный филиппинский наряд: камису — вышитую блузку с рукавами, как крылья бабочки, и свободную, до пола юбку из пиньи — ткани из волокон ананаса. Выглядела она в этом наряде весьма эффектно.

Дядя красовался в баронг-тагалоге — праздничной рубашке филиппинских мужчин, из той же пиньи, с искусно вышитыми цветами и бамбуковыми листьями. Несмотря на это, он чувствовал себя весьма свободно, был по-домашнему приветлив, скромен и в то же время изыщен.

Я, само собой, был тоже в баронг-тагалоге.

Все блюда тетушка приготовила накануне и рано утром в день открытия. Когда часов в 11 начали собираться гости, тетушка стала разогревать обед: синиганг¹ из креветок, который заправила лимонным соком вместо зеленого тамаринда, что обычно кладут у нас в Ремедиосе; зажарила двадцать цыплят, вынув из них косточки и нафаршировав печеными яйцами; нарезала ветчину, приготовила мясной салат, изюм и соленья. Гвоздем торжественного открытия были, конечно, знаменитые тетушкины цыплята и свинина адобо, приготовленные по рецепту ее родного города — с лавровым листом и гавайским уксусом, его специально к открытию прислала сестра тетушки, живущая на островах.

■

¹ Синиганг — мясной или рыбный бульон с приправами.

На видном месте красовался котел белоснежного риса, сваренного по всем канонам филиппинской кухни. Мы, филиппинцы, едим рис в любое время дня.

Дядя с тетей пригласили на открытие всех своих друзей. В крохотном зале стоял разноязыкий гомон, стук ложек и ножей о тарелки. Пришел Эдди с родителями, миссис Паскуа с дочкой, дядюшкины американские друзья из отеля, где он раньше работал, и несколько филиппинских туристов, не преминувших отведать национальных блюд в Нью-Йорке.

Отец Эдди стоял с respectable господином из Манилы по фамилии Лопес. Я подслушал, как они рассуждали о ценах на филиппинский сахар на мировом рынке. Лопес появился у нас с женой и дочкой — девушкой примерно моего возраста в розовом платье с оборками. Мне все никак не удавалось разглядеть ее зубы, даже когда она улыбалась. Девушка была очень мила, и мне захотелось заговорить с ней. Эдди предупредил, чтобы я не делал этого: ее мать очень строга и внимательно следит за поведением дочки в обществе.

— У старухи отжившие понятия, — заметил Эдди, — ты даже не имеешь права коснуться руки девушки, пока тебя ей не представят. Единственное, что она сможет сделать, — так это взглядом дать понять, что заметила тебя.

— Как твой папа познакомился с ее отцом? — спросил я, прожевывая кусочек цыпленка.

— Они вчера познакомились в парикмахерской в Чай-на-тауне¹, и отец пригласил их сюда.

Я вновь взглянул на дочку мистера Лопеса. Она уже закончила обедать и легонько обмахивалась карточкой-приглашением на церемонию открытия; эти приглашения дядя рассылал всем своим друзьям и будущим клиентам. Я взял со стойки веер тети Салли и предложил девушке:

■

¹ Китайский район в Нью-Йорке.

— Можете воспользоваться веером, мисс.

Ее мать сразу впилась в меня взглядом. Она, как и дочь, улыбалась одними губами. Она улыбнулась с набитым ртом, и щеки ее надулись; я улыбнулся в ответ, отнюдь не из вежливости — уж больно смешно она выглядела, я просто не удержался.

Девушка бросила взгляд на мать, та милостиво кивнула, и тетушкин веер был принят. Девушка тоже улыбнулась, на сей раз по-настоящему, в улыбке сверкнули белые зубы. У меня заколотилось сердце, будто я без передышки взлетел на третий этаж у себя на 67-й стрит.

— Как вас зовут, мисс? — спросил я, кажется, весьма невнятно.

— Эстреллита, — услышал я довольно холодный ответ, за ним последовала вновь искусственная, одними губами, улыбка.

— И давно вы здесь?

— Только два месяца.

— А я уже чуть ли не год.

Несмотря на охватившее меня смущение, хотелось поговорить с девушкой побольше, но ее мать тут же передала мне тарелку с недоеденным рисом, и я вынужден был отправиться на кухню. Вернувшись, я обнаружил, что Эдди занимал разговором Эстреллиту. Меня схватила зависть, но Эдди тут же заявил:

— А мы тут разговариваем о тебе.

Я покраснел.

— Почему?

— Она спросила, что ты здесь делаешь.

Щеки мои стали пунцовыми.

— Мой дядя и тетя — хозяйева панситерия, — смущенно произнес я.

— То же самое сказал и Эдди, — заметила Эстреллита. — Мне понравилось, как у вас кормят, почти как в Маниле.

Эдди бросил нас и направился к блюду с рисом. Голос

девушки зазвучал более оживленно, мы продолжали разговаривать по-английски. Где бы филиппинцы ни встречались, они всегда начинают говорить по-английски, а все из-за того, что у нас много языков и наречий и если хочешь быть уверенным, что тебе ответят, говори по-английски, его знают многие. Эстреллита произносила слова правильно и очень мило, я мог бы слушать ее часами...

— Нам пора уходить, — вмешалась в разговор мать.

Сказала она это тихо, но голос ее оглушил меня. Вместо того чтобы сказать какую-нибудь любезность, я растерянно улыбнулся, так я был огорчен. Я собрался было поблагодарить их за внимание к нашему ресторану, но они уже прощались с тетей Салли. Крылатые рукава тетушки смялись и поникли. Я заметил, как мистер Лопес подзывает такси, и вернулся к Эдди. Его тарелка была вновь пустой.

— Как же с ней увидеться? — взволнованно спросил я. Можно было подумать, что я только что сбежал с третьего этажа нашего дома.

— Они живут в отеле «Лэнгуелл» на 44-й стрит, неподалеку от Бродвея. Можем сходить, если хочешь.

— Обещаешь?

Тут раздался тетушкин голос: она просила помочь убрать грязные тарелки. Эдди двинулся за мной и тоже начал убирать посуду.

Панситерий опустел часам к четырем. Наступила тишина. Я огляделся. Вокруг стояли цветы: на окне — от булочной Рокси, на главной стойке — от мясного магазина, на боковой — от зеленщика Энтони. Как и рукава блузки тети Салли, они поникли.

— Итак, — заявил дядюшка, потирая руки, — мы начали заниматься бизнесом. Будем надеяться, что с завтрашнего дня к нам потекут денежки.

На его баронг-тагалогe виднелось огромное пятно от соевого соуса, но это, должно быть, его не трогало. В тот вечер мои опекуны не стали слушать свою любимую ра-

диопередачу, а завалились спать. Они так умаялись в своем заведении, что храпеть начала даже тетушка, чего за ней не водилось. Я же вертелся в постели и не переставал думать об Эстреллите. Ее прелестное личико стояло у меня перед глазами. Наконец я не выдержал, включил настольную лампу, вытащил лист бумаги и принялся сочинять ей послание.

Сегодня мне не уснуть,— с чувством начал я.— Ваше лицо даже во тьме все время передо мной, сердце готово рыдать от любви...

Я зачеркнул «от любви» и написал «от чувств» и продолжал:

...от чувств к вам. Поверьте, Эстреллита, дорогая, я еще ни разу не встречал такой удивительной девушки, как вы. И сердце мое готово рыдать от любви...

Здесь я заметил, что об этом уже писал, зачеркнул. Перечитав письмо, я почувствовал всю свою беспомощность, нервно скомкал лист и бросил под стол. Веки мои отяжелели, сон начал брать свое, я выключил свет и вернулся в постель.

Уснул я мгновенно. Мне приснился праздник цветов в родном баррио... Королева цветов Эстреллита шла впереди процессии в белой мантии из хуси, в руках у нее был букет из белых и пурпурных орхидей, горных лилий и веток с крошечными благоухающими цветами сампагиты. В полночь я вновь проснулся и не сомкнул глаз уже до утра. Я беспокойно метался в постели, пока тетя не пошла готовить завтрак. Я поплелся за ней на кухню, чем необыкновенно удивил тетушку.

— Проголодался,— соврал я, протирая глаза, хотя следовало бы сказать «влюбился». Заговори я в такую рань о любви, тетушка наверняка решила б, что я рехнулся или пребываю в лунатическом сне.

Но это была правда. Я был влюблен в девушку с единственной в мире удивительно милой улыбкой.

В школе во время контрольной работы по английской литературе вместо вопросов на классной доске мне все время мерещилось лицо Эстреллиты. Все сорок пять минут я пялил глаза на доску, но так и не ответил ни на один вопрос. Я был в таком состоянии отрешенности, что подписал свою контрольную работу именем Эстреллиты. На следующий день миссис Хокс сурово спросила, у кого это появился псевдоним «Эстреллита Лопес». Я вынужден был подойти к ней после урока и признаться, что бланк контрольной был мой. Учительница оглядела меня с ног до головы и наконец спросила:

— Кто она?

— Друг,— ответил я поспешно.

— О да,— заметила миссис Хокс, поправляя на носу очки.— Так вот, пока я буду в учительской на совещании, ты испишешь ее именем все доски в классе, я вернусь и посмотрю, как ты будешь все стирать. Это тебе в наказание!

Я чуть не подпрыгнул от радости. Я готов был писать имя Эстреллиты миллион — нет, миллион миллионов раз, но наказание оказалось поистине жестоким. Появилась миссис Хокс, и на ее глазах я начал стирать любимое имя, которое вырисовывал с таким тщанием и усердием.

Эдди, конечно, меня не дождался. Вечером я стал названивать ему по телефону и упрашивать пойти в пятницу после уроков в отель «Лэнгуелл». Он вдоволь поиздевался надо мной, но все же согласился.

Эстреллита оказалась одна, ее родители ушли на коктейль в гостиницу «Пенсильвания» к какому-то филиппинскому чиновнику из Вашингтона. В тот вечер она показалась мне еще красивее в яркой юбке с рисунком из корзиночек с цветами. Я завел разговор, а Эдди углубился в комиксы, валявшиеся возле невысокого телефонного столика.

— Как долго вы намереваетесь пробыть в Америке? — начал я.

— Не знаю; наверное, пока не кончу школу в Маунт Сант-Винсенте.

Я глубоко вздохнул, но почувствовал себя лучше.

— Как вы думаете, ваши родители были бы против, если бы я пригласил вас куда-нибудь? Сегодня такой чудный вечер!

— Не знаю; очевидно, нет. Они не ждут меня так рано из школы.

— Прекрасно,— обрадовался я.

— Я только накину жакет.

Эстреллита вышла в спальню, а Эдди что-то начал шептать мне, но был далеко, я его не слышал. По тому, как он подмигнул и заржал, я догадался, что он имеет в виду. Но вот появилась Эстреллита со светло-голубым жакетом в руках. Мы стали спускаться по лестнице, Эстреллита была очень довольна, что мальчик-лифтер не видит нас. Так лучше.

Солнце медленно тонуло за Гудзоном. В лучах заходящего солнца все предметы на улице окрасились в темно-оранжевый цвет.

— Куда вы хотите пойти? — спросила Эстреллита.

— Куда угодно,— храбро ответил я,— хоть в Эмпайр Стейт-билдинг¹.

К чему я похвастался, ведь я там ни разу не бывал! Эдди дернул меня за руку и дал понять, что исчезает. Он еще разок подмигнул мне и смешался с толпой на Таймсквере. До 34-й стрит мы добрались на подземке и зашагали мимо универмага Мэйси, пересекли улицу на углу 7-й авеню у отеля и вышли прямо к небоскребу.

У входа случилось нечто ужасное: оказывается, за

■

¹ Эмпайр Стейт-билдинг — до недавнего времени самое высокое здание Нью-Йорка.

подъем на крышу надо было платить деньги, у меня же в кармане был только доллар. Я обмер. На свое счастье, я вспомнил, что только сегодня получил десять долларов по переводу от дяди Сиано, он просил купить ему хорошие недорогие рабочие ботинки, и деньги лежали у меня в кармане. Без долгих раздумий я вытащил бумажник, позаимствовал два доллара из дядюшкиных денег и купил два билета на самый верхний (сто второй) этаж, где, как выяснилось, была смотровая площадка. Лифт начал набирать скорость, стало резко меняться давление, уши заложило.

— Вы знаете, кто вас там будет встречать? — спросил Эстреллиту лифтер, плечистый верзила в очках.

Она промолчала, лишь улыбнулась одними губами.

— Сам святой Петр, — значительно произнес лифтер и шумно захохотал, словно произнес что-то в высшей мере остроумное.

Мне стало неловко, но Эстреллита от резкого толчка вдруг ухватила за меня, и уж тут изменилось давление в моем сердце. Лифт достиг смотровой площадки.

— Вот и мы, — провозгласил лифтер. — К сожалению, уже полшестого, и святой Петр удалился.

Он разговаривал с нами в какой-то сюсюкающей манере. Мы с Эстреллитой посмотрели друг на друга и одновременно рассмеялись — он нас принял за китайцев. Перед нами открылась удивительная панорама.

— В ясный день, — рассказывал своим слушателям какой-то человек, — отсюда можно увидеть четыре штата.

Я взял Эстреллиту за руку. По площадке гулял холодный ветер, но меня мгновенно обдало жаром. Эстреллита не проронила ни звука, глаза ее были прикованы к городу, распластавшемуся у наших ног. Люди казались муравьями, а по мостовым сновали машины, как яркие жучки. Мы посмотрели на запад. Солнце прочертило по воде Гудзона темно-красные полосы.

— Я хочу,— начал я,— чтобы все звезды и солнце услышали...

Эстреллита стояла как завороженная. Она не спускала глаз с медленно заходившего солнца, провожая его за Гудзон.

— Вы слушаете меня, Эстреллита?

— Да.

— Я полюбил вас,— храбро начал я звенящим голосом, стараясь перекричать ветер, от которого все свистело вокруг.

Эстреллита отодвинулась от меня: на нас пялил глаза какой-то незнакомец.

— Уже поздно,— сказала она,— родители наверняка беспокоятся.

— Я хотел, чтобы вы узнали об этом, больше ничего!— воскликнул я, испытывая блаженство: ее рука все еще покоилась в моей.

Мы направились к лифту. Кабина помчалась вниз, вновь закололо в ушах. Я не мог не помянуть добрым словом дядю Сиано. Не ведая того, он вновь помог мне, дал ощутить прекрасное и незабываемое мгновение. Я поднялся на вершину мироздания всего лишь за два доллара.

Когда мы добрались до отеля, родители Эстреллиты все еще не возвращались, и из ее груди вырвался вздох облегчения. Я распростился у дверей их номера и помчался вниз, минуя лифт. Я чувствовал, будто лечу по воздуху, даже в вагоне подземки меня не покидало это чувство, и я проехал свою станцию. Пришлось шагать пешком назад несколько кварталов. Дома я появился, когда совсем стемнело, дядя с тетей уже вернулись из панситерия.

Я намеревался купить ботинки для дяди Сиано в субботу, но, поскольку уже истратил его два доллара, пришлось отложить покупку до понедельника. Я решил выклянчить деньги у дяди Пита по случаю воскресенья.

В субботу неожиданно позвонил Эдди и поинтересовал-

ся, не хотел бы я прогуляться на Кони-Айленд в воскресенье. Словом, получив два доллара от дяди на воскресный день, я попросил разрешения сходить с друзьями на Кони-Айленд. Разрешение было дано.

На всякий случай я прихватил дядюшкины деньги. Эдди пришел с Энни, я — с Эстреллитой. Мать Эстреллиты не очень возражала против того, чтобы Эстреллита пошла с нами, — конечно, мы пригласили ее тоже, и миссис Лопес пошла, так как никогда не бывала на этом острове развлечений. Мы летали на качелях, а она наблюдала за нами снизу. Правда, когда мы направились к «чертову колесу», она полезла с нами. Мы не переставали жевать сладкие кукурузные хлопья, кукурузу в початках, разные сласти. Миссис Лопес все время беспокоилась, как бы мы не набрали лишних калорий, но в конце концов не удержалась сама и начала жевать все подряд. Так было покончено с дядюшкиными деньгами, но я не жалел, я был уверен, что дядя Сиано поймет меня, а рабочие ботинки я ему все равно куплю.

Лето для меня было золотым времечком. Солнце появлялось каждый день, а ночное небо светилось мириадами ярких звезд... Мы с Эстреллитой встречались чуть ли не каждый день, где только можно, даже в пяти- и десятицентовом магазине¹ за углом гостиницы на Бродвее. Нам нравилось рассматривать разные товары, особо нас прельщало, что в магазине по дешевке продавалась содовая вода.

Я перестал волноваться о деньгах дяди Сиано, решив, что куплю ему ботинки к рождеству, а сейчас был только июнь. К тому времени мне удастся скопить денег: были ка-

■

¹ Магазины, в которых продают товары ценой в пять и десять центов (имеются в виду цены 1946 года).

никулы, и я каждый день работал в панситерии. По временам дядя Пит давал мне кое-какую мелочь, но ее, конечно, не хватало. Эстреллита была особенной девушкой, не мог же я водить ее куда попало, да и родители ее были не простые люди: в Маниле они принадлежали к высшему обществу.

Как-то раз, уже на исходе лета, позвонил Эдди и сказал, что отец хотел бы поговорить со мной.

— О чем?

— Не знаю. Хочет, чтобы ты зашел к нам вечером.

Я сказал тете, что со мной хочет повидаться мистер Рубио. Она, конечно, не поверила, решив, что я собираюсь улизнуть к Эстреллите. Вообще тетя уже несколько раз ловила меня на вранье. Она не хотела, чтобы я часто встречался с Эстреллитой. Во-первых, это было накладно, а во-вторых... самолюбие было уязвлено обращением Лопесов, когда те заходили в панситерий пообедать.

— Они люди не нашего круга,— говорила тетушка.

— Этого не может быть,— возражал я,— мы все филиппинцы.

— Они совершенно другие.

— Здесь Америка,— упорствовал я,— а не Филиппины.

Тетя Салли качала головой, но прекращала спор. Все же, когда я стал ходить к Эстреллите, я начал врать тетушке. Иногда говорил, что иду к Эдди. Она звонила туда и, конечно, узнавала от матери Эдди, что я вообще к ним не заходил.

На сей раз я сказал, что она может позвонить и убедиться, говорю я правду или нет. Тетя улыбнулась и дала доллар на дорогу. Я помог ей дотащить сумку до дому и помчался к Эдди. Я весь сгорал от нетерпения. Отец Эдди впервые захотел встретиться со мной. Я уже начал подумывать, не вызывает ли он меня, потому что я часто приглашаю к себе Эдди, а может, опять что-нибудь с Эдди и его мамой?

Когда мистер Рубио отослал Эдди в его комнату, меня прошиб холодный пот.

— Успокойся, малыш,— начал мистер Рубио,— речь пойдет отнюдь не о жизни и смерти, всего лишь об Эстреллите!

Если бы он только знал: ведь все, что касается Эстреллиты, и есть вопрос моей жизни и смерти! Но мистер Рубио начал без долгих вступлений:

— Меня просил поговорить с тобой мистер Лопес. Кажется, вы частенько исчезаете вместе с Эстреллитой. Ты любишь ее, она — тебя. Родители узнали об этом, она сама им в этом призналась.

— Неужели? — обрадовался я. Эстреллита никогда не говорила, что любит меня. Я не мог спокойно сидеть и начал вертеться, будто подо мной был улей с пчелами.

— Да, малыш.

Мне не нравилось, что мистер Рубио называет меня малышом, но я держал язык за зубами: может, он так привык называть Эдди.

— Мистер Лопес считает, что Эстреллита слишком мала для таких дел. Ты, кажется, тоже невелик.

Тут я не усидел на месте и поднялся с софы.

— Успокойся, малыш!

Я вновь сел. Сердце закипало от злости, я ждал самого худшего.

— Они не хотят, чтобы ты с ней больше встречался,— продолжал мистер Рубио.— Она должна прилежно заниматься и успешно кончить школу. Они хотят, чтобы Эстреллита вернулась в Манилу... как у вас говорят учителя, «с отличием».

Я перевел дыхание, стараясь сдержать ярость, меня бил дрожь. Внезапно на память пришли слова тети Салли: «Они не нашего круга».

— Это все, что мешает мне с ней встречаться? — произнес я, запинаясь.

— Да,— сказал мистер Рубио.— Правда... меж вами лежит непроходимая пропасть. Все это трудно объяснить, Крис, ужасно трудно.

— Я понимаю, сэр,— как можно спокойнее сказал я. Ярость во мне хлопотала с новой силой. Я встал, чтобы перевести дыхание и не закричать во весь голос. Я весь горел.

— Я рад, что ты все понимаешь,— продолжал мистер Рубио,— это так трудно объяснить.

— Понимаю. Я могу идти, сэр?

— Да, Крис. Надеюсь, что вы по-прежнему останетесь друзьями с Эдди?

— Да, сэр. Он мой самый близкий друг.

Я направился к двери. Мистер Рубио обнял меня за плечи:

— Не переживай так, Крис! Все скоро забудется.

Когда тетя Салли спросила, что от меня хотел мистер Рубио, я вновь соврал ей:

— Он просто интересовался моими планами на новый учебный год, хочет решить, что делать с Эдди.

— Ты снова говоришь неправду, Крис,— вздохнула тетя.

Я убежал в свою комнату и ничком повалился на кровать. Вошла тетя, я почувствовал, как ее рука легла мне на спину. Она нежно погладила меня и спросила, что же все-таки произошло.

Тетушка включила настольную лампу, я оторвал от подушки голову и с горечью сказал:

— Ты была права, тетя, ты была права!

На ее повторный вопрос я вынужден был рассказать всю свою историю. Я не успел добраться до конца, как в глазах ее сверкнули слезы.

— Я хочу сходить к ним в гостиницу, тетушка, и попрощаться с Эстреллитой. Она замечательная девушка!

Тетя Салли ничего не ответила и молча направилась к

двери. Я последовал за ней. Только у выхода она заметила:

— Приведи хоть в порядок волосы, Крис!

Я на минутку задержался у зеркала возле двери и побежал по ступенькам, три этажа вниз. На улице было полно ребятишек с родителями. Дети играли, а взрослые без умолку болтали. Над городом висела серебряная луна. Я с ненавистью взглянул на нее. Ее сверкающая красота только для тех, чье сердце полно любви, меня же душила злость, я даже обрадовался, что спустился в подземку и не видел больше луну.

Дверь открыл сам мистер Лопес и пригласил войти. Миссис Лопес и Эстреллита сидели в гостиной и слушали радио. При моем появлении они встали. Губы матери Эстреллиты нервно дернулись, но она не проронила ни звука.

— Я пришел сказать последнее прости Эстреллите,— начал я.— Несколько часов назад у меня состоялся разговор с мистером Рубио...

— Присаживайтесь,— прервал меня мистер Лопес с натянутой улыбкой и показал на софу у окна, где стояла Эстреллита. Из небольшого приемника на камине лилась классическая музыка.

— Благодарю вас.

— Я надеюсь, вы понимаете нас,— произнес мистер Лопес.

— Да, сэр,— ответил я, не принимая приглашения.

— Пожалуйста, присядьте,—пригласила миссис Лопес.

— Спасибо.— Я направился к Эстреллите, затем повернулся к миссис Лопес: — Могу я с ней попрощаться?

Та не ответила. Мистер Лопес взглянул на супругу. Молчание нарушила Эстреллита:

— Мама, почему ты не хочешь ничего рассказать? Почему не расскажешь об Эрнесто, простом служащем с сахарного завода, который любил меня? Почему не скажешь,

что увезла меня в Америку, чтобы я забыла его, ведь он работал на нас... и не стоил моей любви!

— Эстреллита! — вскричала миссис Лопес.

— Пожалуйста, Эстреллита, продолжай,— сказал я.

— Я люблю тебя, Крис,— сказала она.

Я впервые услышал от нее это признание. Вся ярость моя исчезла. В комнату заглянула луна и осветила нас всех. Я любил Эстреллиту.

— Но...

— Постарайся нас понять,— вмешалась миссис Лопес.— Мы хотим дочери только хорошего. Она наше единственное дитя, она для нас — все. Вот почему мы в Америке. Что скажут наши друзья, когда мы вернемся в Манилу, а наша дочь...

— Я понимаю, что вас беспокоит, миссис,— ответил я. Мне захотелось, чтобы свет внезапно погас и никто меня не видел.

— Мы станем всеобщим посмешищем! — вскричал мистер Лопес.

Я повернулся к Эстреллите. Она вытерла носовым платком слезы и тихо проговорила:

— Когда мы уезжали из Манилы, мне говорили: может, в Америке я найду человека своего круга... Здесь столько сыновей богатых филиппинцев...

— Не надо, Эстреллита,— сказал я, протягивая руку.— Прощай.

Она сжала мои пальцы и посмотрела прямо в глаза.

— Прощай, Крис! — Руки ее упали.

Так мы расстались.

Я бросился к двери. За мной последовал мистер Лопес. Возле двери он еще раз произнес:

— Крис, я надеюсь, вы поняли меня!

— Очень хорошо понял, сэр!

На сей раз я направился к лифту. Через минуту я вышел на шумную Таймс-сквер и растворился в огромной тол-

пе. В небе продолжала висеть полная луна. Она, как и я, будто затерялась в сбесившихся миллионах огней ночного Бродвея.

ГЛАВА 17

ЧТО ВАЖНЕЕ ВСЕГО В АМЕРИКЕ

Больше с семьей Лопесов я не встречался. Неделью спустя после этого злополучного вечера они уехали в Европу. Весть эту принес мистер Рубио, когда зашел как-то пообедать к нам в панситерий.

— Перед отъездом мне звонил мистер Лопес, — начал Рубио, поливая соусом кусочки ветчины, окропленные лимонным соком, — и сказал, что какое-то время они проживут в Лондоне. Их к себе пригласил управляющий филиппинскими золотыми приисками, его сын учится в Оксфорде.

В тот момент я протирал мокрой тряпкой стойку и сделал вид, будто все, что говорит мистер Рубио, меня не касается. Однако дядя Пит наострил уши, хотя и накладывал порцию свежего риса какому-то посетителю. От слов Рубио у меня екнуло сердце, и я опрокинул стакан. Мало того, что вода залила стойку, она еще замочила мне всю рубашку. Мистер Рубио взглянул на меня и не произнес больше ни слова.

Направляясь к кофеварке, тетя шепнула:

— Ты переутомился, Крис. Когда схлынут посетители, иди домой, отдохни.

Тетушка, конечно, догадалась, отчего я вдруг стал таким неловким. Часа через два после ухода Рубио мы с дядей собрали в кучу тарелки, вытерли столы, и я ушел. По дороге я забрал из ящика почту — два письма: одно на имя дяди, наверняка счет за телефон, другое мне — авиаписьмо от дяди Сиано.

Я полетел вверх, перепрыгивая через ступеньки. Устро-

ившись на диване в гостиной, я поспешно вскрыл письмо. Всей душой я чувствовал свою вину: долго собирался ответить дяде Сиано, да так и не собрался. Мне повсюду мерещилось лицо Эстреллиты, даже на чистых листах бумаги.

Дядя писал:

*Дорогой племянник,
мы все время заняты работами на плотине. Работать трудно, дожди пришли рано, по дорогам не пройти — такая грязь.*

Еще до муссонов мы успели перекрыть крышу, теперь хоть есть где спать, а то в доме не было бы ни одного сухого местечка.

Вчера мы долго разговаривали о тебе с твоим отцом, он считает, что тебе, наверное, неплохо в Америке: вот уже несколько недель ты нам совсем не пишешь. Не думай, что мы сердимся, нет, нам хотелось, чтобы ты был счастлив. Можешь даже позабыть про нас на какое-то время, но за это время постарайся как можно больше научиться от американцев. Очень важно знать побольше о жизни другого народа, можно сравнивать, что хорошо у нас, что у них. После этого ты лучше начнешь понимать свой собственный народ. Когда вернешься домой, может быть, тебе удастся привезти с собой этот опыт. Многие наши земляки, прожив в Америке, возвращаются на родину с деньгами, но никто из них не обретает их опыт, что дороже всех американских долларов.

Вот несколько недель назад вернулся Кулас со своими американскими друзьями. Много лет назад он уехал в Калифорнию и стал работать на плантациях. Сейчас он джи-ай и разговаривает, как американец, даже сорит деньгами по-американски. Он раздражает всех нас бесконечными

разглагольствованиями, будто в Америке нет бедняков, нет голодных, у всех есть работа, все раскатывают на автомобилях.

Я как-то подошел к нему и сказал прямо в глаза, что ты, мол, больше не филиппинец, ты перестал принадлежать нашему баррио, а стал пустым болтуном. Такое прощительно только политикану или мужу, находящемуся под каблуком у жены. Кулас взбеленился и полез ко мне с кулаками. Тут меж нами возникла тетя Клара и закричала: «Ну, ударь меня, ударь вместо него!»

Она вела себя так бесстрашно и так громко кричала, что Кулас стушевался и спрятался за своих американских дружков. Он тут же исчез и даже забыл заплатить мангу Тасио за ламбаног, что они пили, и больше не появлялся. Я хотел было заплатить за него, да манг Тасио не согласился, сказал, что такое зрелище дороже ламбаного, который они выпили. Однако через несколько часов в тот же вечер Кулас прислал одного из своих друзей рассчитаться. Американец перед нами извинился и сказал, что Ник (так он назвал Куласа, хотя того и зовут Николас) тоже извиняется. Понимаешь, Криспин, дело в том, что Кулас когда-то ухаживал за тетей Кларой, но был такой трус, что когда встречался с ней, то терял дар речи. Когда же он наконец набрался мужества и сказал о своей любви, тетя Клара уже сказала мне «да». В отчаянии он покинул баррио и уехал в Америку. Я, кстати, тоже хотел уехать в Америку, но не из-за денег, как ты понимаешь. Мне нравятся люди, нравится учиться у них, передавать людям свои знания, учиться у них мудрости, опыту. Но к тому времени у меня в жизни кое-что произошло. Я об этом никому не расска-

зывал, боялся стать посмешищем, но тебе расскажу. Понимаешь, я так полюбил тетю Клару, что даже одна мысль о долгой разлуке вызывала у меня боль. Тете Кларе я об этом тоже не рассказывал, но думаю, она все же догадывалась.

Я пишу тебе об этом потому, что ты стал уже достаточно взрослым, чтобы все понять правильно. Мне так хочется, чтобы ты знал, как я верю в тебя и как люблю. Когда вернешься, мы вновь будем вместе. Словом, Кристин, надеюсь, ты привезешь домой тот опыт, который я имею в виду. Будь хорошим! Если бы я спросил тетю Клару, что она хотела бы передать тебе, она наверняка сказала бы: «Да благословит его господь».

Твой любящий дядя Сиано.

Р. С. Если ты еще не купил ботинок, не волнуйся, время есть.

Я чуть не подавился слюной, что скопилась во рту, пока я читал письмо... Никогда дядя Сиано еще не писал таких длинных писем, да и вообще это было самое длинное письмо, какое я получил из дома со дня приезда в Америку. Из-за этих ботинок я почувствовал себя отвратительно и решил, что, как только скоплю денег, куплю дяде самые лучшие ботинки, какие только найду в Нью-Йорке.

Дядя Пит и тетя Салли застали меня пишущим ответ на письмо дяди Сиано. Я был под таким впечатлением, что выводил весьма высокопарно:

Я привезу опыт, какой ты ждешь от меня, дядюшка. Я сделаю все, чтобы не разочаровать тебя. Я многому учусь у американцев, но главное, открываю все больше и больше в нас самих. Ты сможешь мною гордиться.

За ужином я рассказал, что получил от дяди Сиано письмо. Тетя Салли поинтересовалась, что он пишет.

— Да так, ничего особенного. Пишет о каком-то человеке по имени Кулас, который много лет назад уехал из Ремедиос в Штаты.

— Что с ним стало? — заинтересовался дядя Пит.

— Судя по письму, он вернулся в Ремедиос со своими американскими друзьями и затеял драку с дядей Сиано.

Я постарался изложить письмо в нескольких словах.

— Ну и как? — уже проявила интерес тетушка.

— Чтобы Кулас затеял драку, это что-то значит! — воскликнул дядя. — Он был всегда таким тихоней, мы его даже прозвали девчонкой.

Я предпочел не распространяться на эту тему и молча принялся за ужин. Помыв тарелки, я ушел к себе, переоделся и уже в постели перечитывал свое письмо. Мне показалось, что я уж больно расхвалил себя. Я выглядел в письме таким «красавчиком», как называют в Америке подобных людей, мне стало стыдно, подумалось, что дядя Сиано мог бы и меня назвать болтуном!

Я в клочья порвал письмо и решил написать завтра другое, но на следующий день проспал, на меня навалилась куча всяких дел, пришлось поехать с Эдди и Энни за город, вернулись мы вечером очень поздно. Я все никак не мог понять, отчего это Эдди не может поехать с Энни вдвоем. Но ни разу не спросил его об этом.

Дни шли, я забыл про свое намерение. Каждый день что-нибудь происходило: то открылись пляжи на Джобуне-Бич и другие на Кони-Айленд, то зоопарк в Бронксе, то ботанические сады и парки. Было так интересно убегать из дому просто поглазеть на девчонок в летних платьицах с открытыми плечами и юбками, развевающимися на влажном ветрке.

1 июля я снова получил письмо из дома, на сей раз от отца. Он писал, что льют проливные дожди, на несколько

дней пришлось прервать работы на плотине, нет сил сражаться с ливнями. Отца очень беспокоила плотина. Дядя Сиано во время работы сильно простудился и пролежал несколько дней с высокой температурой, но сейчас поправился. Он собирается ехать в Манилу, приближается 4 июля 1946 года — очень важный день для всех филиппинцев, день провозглашения независимости нашей страны и создания Филиппинской республики¹. Дядя не хочет пропускать такого события, поэтому перестал ходить на работу, чтобы побыстрее поправиться от простуды.

Мне трудно без помощника,— писал отец.— Когда дядя Сиано слег, я остался один. Почти все опытные работники ушли из баррио к американцам на военную базу. Там работать легче и платят больше. Грустно смотреть, как уходят к американцам за большими деньгами люди! Землю обрабатывать некому, и поля стоят сжигаемые солнцем и заливаемые дождями... Жаль земли.

Отец рассказывал, как живет семья, как тетя Клара помогает маме по хозяйству и больше не торгует на базаре — не хочет оставлять больного дядю Сиано одного.

С письмом отца случилось то, что и с письмом от дяди Сиано: я не успел на него ответить. 4 июля состоялся пикник в честь независимости Филиппин — Дня независимости нашей собственной страны.

Громкоговоритель разносил коротковолновую передачу о торжествах в Маниле. Мы жадно ждали момента, когда оркестр грянет филиппинский национальный гимн, озна-

□

¹ Теперь филиппинцы празднуют День независимости 12 июня — в память о первой Филиппинской республике, заданной американскими колонизаторами.

чающий, что в Лунете¹ спущен американский флаг и вместо него поднят наш, филиппинский. Для нас здесь, в американском парке, в 12 тысячах миль от Манилы, это был поистине драматический момент. Когда отзвучал гимн, мы бешено хлопали в ладоши, будто сами находились в Лунете.

Все кричали «мабúхай!». Это удивительно емкое филиппинское выражение может означать «да здравствует», но вместе с тем употребляется как «привет», «до свидания», «спасибо», «ура», «за ваше здоровье» и в других случаях, означающих радость и дружеские чувства. Это удивительное слово, подобного в английском языке нет.

Во время пикника мы не раз кричали «мабухай!».

Накануне Дня труда², когда город охватило какое-то грустное настроение, я получил еще одно письмо из дома. Письмо было от тети Клары. Сердце мое запрыгало, будто детский мячик,— до этого тетя Клара никогда не писала. Я буквально растерзал конверт, стараясь побыстрее добраться до письма. Оно было написано по-тагальски.

*Дорогой Криспин,
твой дядя Сиано умер. Мы его сегодня похоро-
нили...*

Слова запрыгали перед глазами, читать дальше было невозможно. Хотелось кричать, кататься по полу, биться головой о стену. Я разрыдался.

*...Дядя поехал в Манилу на провозглашение
республики, когда же вернулся в Ремедиос, у не-
го вновь поднялась температура. Он так и не по-*

■

¹ Огромный парк у Манильской бухты, где испанцами был расстрелян филиппинский герой Хосе Рисаль, отдавший жизнь за освобождение своего народа. (Прим. автора.)

² День труда отмечается в сентябре.

правился. Доктор сказал, что это воспаление легких. Перед смертью он звал тебя, просил напомнить о той вещи, которую он хотел, чтобы ты привез с собой в Ремедиос. Я не знаю, о чем идет речь, но думаю, что это очень важно. После того как он напомнил об этом, он взял меня за руку и сказал, что очень меня любит...

Слезы вновь залили глаза. Вдруг на мое плечо легла теплая рука. Это была тетя Салли. Я отдал ей письмо.

Через минуту она молча обняла меня.

— Я позвоню дяде в панситерий,— почти шепотом сказала она.— Он должен немедленно узнать об этом.

Тетя ушла, а я остался в кровати и продолжал плакать, вытирая слезы руками. Наконец я поднялся и пошел к окошку. Небо было в тучах, но они не несли с собой дождь. Дул мягкий ветер, с Гудзона доносились гудки пароходов.

Я закрыл глаза и почувствовал прохладу речного ветра. В памяти возникло лицо дяди Сиано. Он говорил: «Не забудь о том, что я просил привезти с собой в Ремедиос опыт, который дороже всех американских денег».

Я открыл глаза и отошел от окна. Тетя Салли только что закончила разговор с дядей. Руки ее нервно вздрагивали, она даже чуть не уронила телефонную трубку.

— О чем тебя просил дядя Сиано, Крис?

Я глубоко вздохнул и сказал четко и торжественно:

— О самой важной вещи в Америке, тетушка.

Тетя Салли выглядела осунувшейся, на лбу резко выступили морщины, глаза смотрели как-то туманно, помада на губах почти вся стерлась.

— Если для этого тебе нужны деньги,— она нежно тронула меня за руку,— не стесняйся, скажи.

Я попытался улыбнуться и покачал головой. Я отвернулся от тети Салли и вновь горько расплакался.

МАБУХАЙ, РОДИНА!

Письмо от отца пришло спустя несколько дней после тетушкиного. Он писал:

Сынок, ты мне очень нужен сейчас. Я потерял помощника, а работать одному очень тяжело. Постарайся приехать как можно скорее.

В этот момент в доме я оказался один. Тетя Салли и дядя Пит были заняты в панситерии. Неожиданно по комнате пронесся холодный порыв ветра, я вздрогнул, мне почудилось, будто кто-то крикнул: «А вот и я!»

Стояла удивительная тишина, даже звуков радио не было слышно. Дети итальянцев, что жили под нами, видимо, уснули, а необычайно крупная девушка-негритянка, мывшая лестницу и всегда напевавшая «Греми, Джордан, греми», ушла уже домой.

От нового порыва ветра мне стало зябко; я пошел закрыть окно поплотнее и до отказа открутил кран батареи, однако она не стала теплее. Я понял: дело не в погоде. Действительно, вскоре я покрылся потом, холодным потом.

Я сразу оделся и ушел к Эдди. Дверь он открыл сам и повел к себе в комнату. Из гостиной неслись нежные звуки гитары, словно из приглушенного радио, но вот раздался женский голос. Я догадался, что это мама Эдди.

— У тебя что-нибудь произошло? — спросил Эдди.

— Да.

— Садись.

Я присел на кровать, а он на стул возле письменного стола. Комнату освещал мягкий свет бра. Около лампы виднелся календарь с портретом девушки.

— Бросаю школу и возвращаюсь в баррио,— начал я,

затем рассказал о смерти дяди Сиано, о плотине, о земле, о том, как отцу стало трудно одному.

— Печальные вести,— произнес Эдди.— Я буду скучать без тебя, очень скучать.

Мы помолчали. Из гостиной продолжало доноситься пение. Эдди поднялся, чтобы прикрыть дверь, но я перехватил его на полдороге:

— Не надо, мне нравится песня, кажется, будто я уже дома.

Эдди кивнул:

— Опять отец...

— Понимаю.

— Вчера его уволили с работы. Он пришел рано и заявил, что уезжает во Флориду; считает, что скоро туда соберутся все миллионеры, потом он вернется домой, приведет кучу денег, и мы вновь заживем счастливо.

— Эдди! — сказал я, вспомнив о дяде Сиано и его совете.— Неужели ты действительно уверен, что счастье могут дать только деньги?

— Не знаю,— ответил Эдди и положил ноги на коричневый стул перед собой,— но так было всегда, всю жизнь. Когда я был еще маленьким, отец всегда говорил: «Эдди, будь послушным, дам тебе доллар», или: «Пойдешь с мамой на мессу — получишь четверть доллара». А вот еще: «Почелуй меня, Эдди, и получишь десять центов!» Так было всегда, Крис. Всегда.

— Понимаешь,— тихонько, почти шепотом начал я,— дядя Сиано умер бедняком, но он в жизни дал мне столько, что сейчас об этом я вспоминаю, как о самых счастливых мгновениях своей жизни. Он дал мне то, чего не купишь ни за какие деньги: внимание, привязанность и понимание. Когда я бывал с ним, я становился счастлив просто оттого, что он рядом.

Я вытащил бумажник и достал последнее письмо дяди Сиано.

— Прочти,— сказал я, передавая письмо,— я считаю это его завещанием.

Эдди жадно впился в письмо. Он пододвинул и включил настольную лампу. Я с интересом наблюдал за выражением его лица; он дважды облизнул пересыхавшие губы, на глаза навернулись слезы, потом покатались по щекам, наконец он отодвинул лампу, выключил свет и вернул письмо.

— Мне жаль отца,— грустно сказал он,— отец красивый человек, но никогда не станет мудрым.

— Прости, что я коснулся этой темы,— сказал я,— мне показалось, что, может быть, тебе будет интересно узнать, что за люди все мои близкие, ну хотя бы перед тем, как я уеду.

— Когда ты отправляешься?

— Постараюсь как можно скорее, надо еще со многими попрощаться, они были так добры ко мне. Куперы, миссис Паскуа да и другие.

Я вздохнул, поднялся с кровати и заправил рубашку в брюки. Эдди тоже встал. Мама Эдди кончила петь, и в доме воцарилась тишина. Мы перешли в гостиную. Миссис Рубио сидела к нам спиной и, казалось, внимательно вглядывалась прямо перед собой в темное окно.

— Я хотел бы попрощаться с твоей мамой, Эдди.

— Конечно.

Мы подошли, и я уже было хотел сказать «прощайте», как заметил, что хозяйка дома спит. Эдди осторожно забрал гитару, наклонился к маме и нежно ее поцеловал.

Она открыла глаза и стала искать гитару.

— Она у меня,— сказал Эдди, показывая на гитару.

Мать подняла голову, улыбнулась, потом заметила меня:

— А, это ты, Крис.

— Я возвращаюсь на Филиппины, миссис Рубио, отцу нужна моя помощь.

— О, ты вернешься на родину сразу после посадки риса, не так ли? — спросила она. Глаза ее все еще были словно в тумане.

Я кивнул.

— Скоро стебли подрастут, пожелтеют, и крестьяне начнут все вместе убирать урожай. Сколько будет песен, смеха!

Голос миссис Рубио звучал так мелодично, что казалось, будто она поет.

— Никто не будет говорить о деньгах, о трудностях, о своих болезнях. Будет рис, и этого достаточно. У простых людей все ясно и просто. Как бы мало они ни имели, этого им всегда хватает. Я скучаю об этом, Крис. Вспоминаю, как отец мой говаривал: «Секрет радости и покоя — делать трудную работу с легким сердцем».

— Мне пора уходить, миссис Рубио, — сказал я и поцеловал ее.

— Прощай, Крис. Ты счастливый мальчик.

— Прощайте, спасибо вам за все.

Мы вышли в переднюю, а миссис Рубио вновь коснулась струн. Эдди посмотрел на меня.

— Ты тоже счастливый, Эдди. У тебя такая мама. Она очень мудрый человек. Я уверен, даже дядя Сиано восхищался бы ею.

— Знаю, Крис, спасибо.

В переднюю понесся голос миссис Рубио, она пела песню «Сажать рис». У нас ее обычно поют крестьяне, чтобы музыкой разогнать усталость.

— До свидания, Эдди.

— Мы еще встретимся, Крис, перед отлетом.

— Хорошо. — И я побежал по лестнице.

Все последующие дни были полны хлопот. На сей раз я не обращал внимания на меланхолию, которой были полны дни уходящего лета и приближающейся осени. Во вторник мы с тетей Салли покупали подарки, а в субботу отправились в Бруклин к Куперам.

Там мы застали Мэри-Энн и ее мужа Дона. Я заметил, что проволока на зубах Крисси исчезла. В своем белом платье с кружевным воротником она выглядела весьма серьезной, а за столом села возле меня.

Мэри-Энн казалась счастливой. Дон подмигнул мне:

— Обрати внимание, как она хорошо ест!

Я улыбнулся.

— Знаешь, почему?

Я промолчал, изобразив, будто занят вилкой и ветчиной.

— Она ест за двоих,— гордо продолжал Дон.— В январе мы ждем ребенка.

— Поздравляю! — воскликнула тетя Салли. Она взглянула на дядю Пита, тот же, абсолютно не обращая внимания ни на кого, самозабвенно продолжал жевать.

Тетушка его подтолкнула:

— Разве это не чудо, Пит?

— Конечно, ветчина просто чудо.

Все рассмеялись, и Дон громче всех.

Я из Нью-Йорка улетал во вторник, в ветреное утро. Моросил мелкий дождь. Проводить меня приехали Эдди с мамой, миссис Паскуа с дочкой Терри, мистер и миссис Купер. Когда громкоговоритель объявил номер моего рейса, тетя Салли начала всхлипывать. Она вытащила из сумки маленький носовой платок и стала вытирать нос, затем поцеловала меня и сказала, что очень будет тосковать по мне. Я поцеловал ее тоже, но произнести в ответ ничего не мог, боялся разреветься.

Дядя Пит крепко пожал мне руку и воскликнул:

— Держись, Крис!

Миссис Паскуа и Куперы по очереди пожали мне руку. Эдди подошел, обнял и крепко сжал плечо:

— Будь здоров, малыш!

Затем подошла Терри и легонько поцеловала меня в щеку.

Самолет был над Нью-Йорком, но города я не видел, закрывали облака. Все к лучшему. Город какое-то время был моим домом, огромным, шумным и удивительным домом. Не так-то просто подобрать слова, чтобы выразить все свои чувства.

Грохот двигателей бил в уши. Я вспомнил 4 июля, наш пикник в честь рождения Филиппинской республики, как мы кричали от радости, когда услышали, что в небо взвился филиппинский флаг. Мне показалось, будто вновь я слышу слова нашего гимна:

Земля любви и ласкового солнца,
Как радостно в твоих объятьях жить,
Но повелишь — и за твою свободу
Мы все готовы голову сложить.

Вспомнилось, как мы кричали «мабухай!», наш приветственный клич, и обращали взоры в сторону родных остров с надеждой и уверенностью...

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>И. Подберезский. Филиппины и филиппинцы</i>	<i>5</i>
--	----------

Часть 1. В РОДНОМ КРАЮ...

<i>Глава 1. Первая любовь</i>	<i>15</i>
<i>Глава 2. Линда</i>	<i>26</i>
<i>Глава 3. Жертва</i>	<i>36</i>
<i>Глава 4. Обещание</i>	<i>49</i>
<i>Глава 5. Пичуга на манговом дереве</i>	<i>65</i>
<i>Глава 6. Прощальный подарок дяди Сиано</i>	<i>68</i>

Часть 2. РЕБЕНОК БУДЕТ ИДТИ ВПЕРЕД ВСЮ ЖИЗНЬ

<i>Глава 7. Перелет</i>	<i>87</i>
<i>Глава 8. Трудный выбор</i>	<i>92</i>
<i>Глава 9. Мои опекуны</i>	<i>101</i>
<i>Глава 10. В Нью-Йорке</i>	<i>113</i>
<i>Глава 11. В первые дни</i>	<i>121</i>
<i>Глава 12. Визит в Бруклин</i>	<i>130</i>

Часть 3. ПРИЛИВ, ТЫ У САМЫХ НОГ

<i>Глава 13. Чудо-снег</i>	<i>149</i>
<i>Глава 14. Эдди</i>	<i>160</i>
<i>Глава 15. Адобо тети Салли</i>	<i>176</i>
<i>Глава 16. Эстреллита</i>	<i>194</i>
<i>Глава 17. Что важнее всего в Америке</i>	<i>209</i>
<i>Глава 18. Мабухай, родина!</i>	<i>217</i>

■

Эпиграфы и стихи в тексте в переводах П. Грушко (13 стр.),
В. Орла (85, 125, 197 стр.) и М. Самаева (5 стр.).

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Сельсо Ал. Карунунган

Как настоящий мужчина

Ответственный редактор

С. К. Беркман

Художественный редактор

Н. З. Левинская

Технический редактор

Н. Г. Мохова

Корректоры

Э. Л. Лофенфельд и Е. И. Щербатова

Сдано в набор 24/V 1976 г. Подписано к печати 15/X 1976 г. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 14. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 10,65. Тираж 75 000 экз. Заказ № 3291. Цена 56 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература», Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Ростлав-полиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суцевский вал, 49.

Карунунган Сельсо Ал.

К 27 Как настоящий мужчина. Роман. Сокр. пер. с англ. Ю. Румянцева. Предисл. и прим. И. Подберезского. Художник Е. Савин. М., «Дет. лит.», 1976.

223 с. с ил.

Роман виднейшего современного филиппинского писателя о жизни бедной, но очень дружной крестьянской семьи. Книга проникнута уважением к людям труда. Герой романа подросток Криспин, пробывший около года в США, возвращается на родину с твердым убеждением, что не деньги составляют главную ценность жизни.

К 70803—592
М101(03)76 64Р—76

И(Фил)

